

INSPIRIA

ИМОДЖЕН КЛАРК

ТАЙНА ЭВЕЛИН

 INSPIRIA

Annotation

ИМОДЖЕН КЛАРК – АВТОР, ПРОДАЮЩИЙСЯ МИЛЛИОННЫМИ ТИРАЖАМИ ЗА РУБЕЖОМ!

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ РОМАНОВ ЛЮСИНДЫ РАЙЛИ И САРЫ ДЖИО.

У Пип Эпплби есть все: престижная работа адвоката, прекрасный дом в Лондоне и любимый мужчина. Но одна трагическая случайность меняет ее жизнь, и Пип вынуждена уехать в маленький городок, на семейную ферму. Ей придется вспомнить все, что она так мечтала забыть.

Подрабатывая в местном магазинчике, она находит в одной из коробок дневник актрисы Эвелин Маунткасл. Пип не может оторваться от него и вскоре замечает, что их жизни с Эвелин очень похожи.

Когда Пип и Эвелин знакомятся в реальной жизни, то открываются тайны прошлого. Смогут ли женщины помочь друг другу пережить их и начать новую счастливую жизнь?

«Дружба, скрепленная горем, расцветает между женщинами двух поколений в этой трогательной истории». – Фиона Фалпи

«Имоджен Кларк – мастер создавать израненных, настоящих, привлекательных персонажей и исследовать их эмоции. В этом романе искусно переплетены прошлое и настоящее. Эта история очень надолго останется в вашем сердце после прочтения». – Сорайя М. Лейн

- [Имоджен Кларк](#)

-

-

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)

- [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
 - [51](#)
 - [Благодарности](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
-

Имоджен Кларк Тайна Эвелин

Imogen Clark
RELUCTANTLY HOME

Copyright © 2021 by Blue Lizard Books Ltd
All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

Перевод с английского Аркадия Кабалкина
Разработка серии и художественное оформление Натальи Каштыкиной

В оформлении обложки использована иллюстрация: © Mona Monash / Shutterstock.com;

Используется по лицензии от Shutterstock.com

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация: AlexVector/ Shutterstock.com

Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Кабалкин А., перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Она опаздывала в суд.

Выезжая из дома, она всегда точно рассчитывала время, но Доминик утверждал, что она доберется до места за полчаса. Главное – вырваться из пробок в центре Лондона. И вот теперь она сидела в застывшей реке из машин и каждую минуту косилась на часы на приборной панели.

Ей нельзя было опаздывать: судья изничтожил бы ее в присутствии клиента. С него стало бы даже отказать ей в слушании дела, и тогда пришлось бы уползти с поджатым хвостом.

Она чувствовала, как у нее ускоряется сердцебиение, в груди теснило, ее уже охватывала паника. Она даже не знала, где, собственно, находится этот суд, не говоря о том, где припарковать машину. Перед слушанием дела нужно было еще прочесть кое-какие документы. Все это превращалось в катастрофу. О чем она думала, когда выезжала из дома так поздно?

Но пробка, к счастью, начала рассасываться. Машины одна за одной набирали скорость. Она перевела дух. Положение еще можно было спасти. Если на маршруте не возникнет новых пробок, то, добравшись до места, она получит кое-какой запас времени. Напряжение начало спадать, плечи и шея расслабились. Она стала вслух репетировать свою вступительную речь, голос звучал звонко и убедительно. Многолетний опыт выступлений в суде давал уверенность в себе. Она была мастером своего дела и знала это. Она выиграет утреннее разбирательство, а потом...

Она не видела мальчишку до того мгновения, когда он уже очутился у нее на капоте. Его лицо было искажено от удара, а затем от соприкосновения с лобовым стеклом. После этого он исчез, попав в слепую для водителя зону.

Куда он делся? Не хватало его еще и переехать, после того как сбила... Инстинкт сделал свое дело, она ударила по тормозам, машина

встала как вкопанная. Удар машины, ехавшей сзади, был неминуем, но его все же не последовало: водитель успел затормозить. Она увидела в своем зеркале заднего вида человека за рулем: седовласая женщина, расширенные от ужаса глаза, широко разинутый рот.

Но мальчишка-то где? Нужно было вылезти и удостовериться, что он не пострадал, но ноги отказывались повиноваться. Казалось, мозг перестал передавать импульсы мышцам. Она часто-часто дышала, как будто из автомобиля разом пропал весь кислород и ей стало нечем наполнить легкие. Откуда-то до ее слуха доносился слабый звук, но она не могла на нем сосредоточиться. Кто-то на нее кричит, надо сосредоточиться. Но нет, вряд ли это крик, источник звука где-то далеко...

– Ты цел? Я вызываю «Скорую». Лежи, не шевелись.

Говорила женщина из машины сзади. Она вышла и теперь стояла рядом с ее окном, с мобильником в руке.

– Пришлите «Скорую»! И полицию. Произошел несчастный случай. Мальчик выбежал на дорогу. Выбежал не глядя. Его сбила машина... Нет, не знаю... Нет, не моя, а та, что ехала передо мной, но женщина за рулем не виновата, она ничего не могла поделать. Он так внезапно появился... Да, по-моему, да. Подождите...

Женщина снова обращалась к ней сквозь стекло, слова трудно было разобрать:

– Вы в порядке? Вы не пострадали?

Ей срочно нужно было на воздух, внутри было слишком тесно, стало невозможно дышать. Она отстегнула ремень, распахнула дверь и выползла наружу. Всюду стояли машины, водители указывали на нее пальцем как на главное действующее лицо. Было что-то противоестественное в том, чтобы стоять вот так посреди мостовой, в окружении машин с урчащими моторами.

Так где же мальчишка? Она опустила глаза – и уперлась взглядом в тело, лежащее навзничь поперек дорожной полосы, всего в нескольких дюймах от колес ее автомобиля. Первое, что она заметила, – неестественно вывернутую ногу. А потом увидела лицо, широко распахнутые безжизненные глаза. И сразу, без тени сомнения, поняла, что он мертв. Она его убила.

С этим чувством она проснулась.

«Все в порядке, все прошло, это был всего лишь сон», – шептала себе Пип, повторяя мантру, за которую отчаянно цеплялась полгода после того несчастья. Медленно, дюйм за дюймом, она вытаскивала себя из бессознательного состояния. Дыхание выравнивалось, сердцебиение возвращалось к норме. Она чувствовала, как липнет к плечам ткань пижамы, мокрая простыня под ней сделалась холодной и липкой, на ней было уже противно спать.

Неужели ее жизнь уже не будет прежней, неужели она обречена мучительно просыпаться каждую ночь, бесконечно проигрывая в подсознании подробности трагедии? Минуло уже шесть месяцев, но сон сохранял такую живость, словно она сбила мальчика только вчера. Пробуждение раз за разом наступало в один и тот же момент. Ее выдирали из сна не шок от столкновения, хотя она с прежней остротой переживала удар тела несчастного об капот ее машины. Нет, ее неизменно будили его глаза, расширенные, уставившиеся в пустоту. Эти глаза преследовали ее день и ночь.

Мало-помалу Пип начинала сосредотачиваться на интерьере до боли знакомой спальни своего детства. Как она попала сюда после многолетних стараний сбежать? Со времени ее бегства прошло больше десяти лет, но комната сохранила тот же вид. Розовые стены усеяны следами от пластилина, на котором когда-то крепились фотографии и картинки из журналов, обещавшие жизнь вдали от фермы. Книжные полки по-прежнему прогибались под тяжестью подростковых книжек и тетрадок с отличными оценками. В этой спальне на нее накатывало чувство, что жизнь, которую она любовно создала себе в Лондоне, теперь проживает кто-то другой. С каждой неделей у нее крепло ощущение, что та жизнь уплывает все дальше.

Она услышала скрип двери и негромкие шаги на лестнице.

– Ты в порядке, Пип? – тихо спросила ее мать через дверь. – Принести тебе что-нибудь?

Пип выругалась себе под нос. Почему ее кошмары не могут оставаться безмолвными, почему не получается их скрыть? Она представила, как мать лежит в соседней комнате в темноте и ждет

очередного кошмара дочери, чтобы к ней наведаться, пока отец похрапывает рядом, ни о чем не подозревая.

– Все хорошо, мама, – отозвалась она, скрыв раздражение и изобразив спокойствие. – Ложись и спи.

Она слышала, как мать возвращается к себе, оставив дверь своей спальни приоткрытой. Так вот какое оно теперь, ее будущее: неспособность провести ни одной ночи так, чтобы не ожили все подробности трагедии, да еще под наблюдением матери, стерегущей ее, как ястреб. То еще будущее!

Но разве можно было ждать чего-то другого? Пип погубила чужую жизнь, и расплатиться за это можно было только утратой своей. Дознание установило, что она не несет юридической ответственности за гибель мальчика: произошла трагическая случайность. Но что это меняет? Она знала, что случившееся было ее ошибкой, и не могла представить, что когда-нибудь сумеет себя простить. Чувство вины было ее постоянным спутником, ни на секунду не позволяло забыть о содеянном. Собственная жизнь, изуродованная паникой и виной, казалась ей справедливой расплатой: жизнь за жизнь.

Она снова растянулась на холодной мокрой простыне, готовая пролежать без сна до утра.

В какой-то момент ее, наверное, все же сморил сон, но в него ворвался запах горелого. Проникший в ноздри едкий запах заставил ее открыть глаза. Что-то горит? Нужно бежать? Потом она вспомнила, что находится в родительском доме. Просочившийся в ее комнату запах свидетельствовал о том, что мать жарит тосты на завтрак. Некоторые вещи никогда не меняются. Пип с раннего детства помнила старую газовую плиту в кухне и твердо знала, что тосты надо доставать из духовки вовремя, но почему-то они всегда подгорали.

Она встала, накинула халат и спустилась вниз. Чем ближе кухня, тем сильнее становился запах горелого. Мать, окутанная дымом, соскребала ножом гарь с противня. Отец и его помощник по ферме Джез завтракали за дощатым столом, как будто не замечая дыма.

– Доброе утро, – сказала Пип.

Мать оторвала взгляд от горелого куска хлеба и посмотрела на нее.

– Я сожгла проклятый тост, – сказала она. – Кот принес мышшь, вот я и... – Она грустно пожала плечами, завершая оправдания. – Больше

хлеба нет, придется идти в магазин.

– Ничего не меняется, да, Пип? – весело подал голос отец, не отрываясь от колбасы. – Зато полно бекона. Сядь, поешь с нами, пока мы не разошлись.

Джез, подбиравший коркой хлеба остатки яичницы с тарелки, поднял глаза и немного подвинулся вместе с табуретом, освобождая ей место. Пип проигнорировала его широкую дружелюбную улыбку, вернее, сделала вид, что не заметила. В детстве они дружили, и теперь он все время пытался с ней заговорить, но у нее не было сил на разговоры, как не было, если быть честной, и интереса к возрождению былой дружбы. Джез – часть ее прошлого, а в настоящем она в нем не нуждалась. Зачем? Пип не собиралась задерживаться здесь надолго, да и общих тем у них не осталось. Подростками они общались, но она сомневалась, что у них до сих пор сохранилось что-то общее. Начать хотя бы с того, что он довольствовался работой на ферме, в считанных милях от места, где вырос, в то время как Пип создала себе в Лондоне жизнь мечты; Джез ей нравился, но тратить время на возвращение прежней дружбы значило бы отдавать больше, чем она могла сейчас в себе наскрести.

– Ничего, – сказала она матери, – я не голодна. Попью чаю, и хватит с меня.

На самом деле ей хотелось кофе, добротного отфильтрованного кофе собственноручного помола, но мать могла предложить только выдохшийся растворимый из банки, стоявшей на окне месяцы, а то и годы. Здесь никто не пил кофе, банка предназначалась для гостей. После двух-трех чашек этой гадости Пип решила довольствоваться чаем.

– О, Пип!.. – отозвалась мать, выразив этими двумя словечками всю отразившуюся на ее лице тревогу. Пип уже устала причинять родителям головную боль, но у нее не было энергии, чтобы это изменить.

– Нельзя идти в магазин на пустой желудок, – продолжила мать. – Поешь овсянки или хотя бы съешь вареное яйцо. – Она посмотрела на обугленный кусок хлеба, разжала пальцы и уронила его на противень. – А вот с тостами беда... – Она устало улыбнулась.

– Честно, мам, не надо, – сказала Пип, наполняя чайник и ставя его на горячую плиту. – Мне хватит чая.

Мать с досадой фыркнула, но не стала развивать тему.

– Я думал, мы больше не зовем тебя «Пип», – сказал отец, заставив дочь сконфуженно опустить глаза. – Слыхал, Джез? – продолжил отец. – Стоило нашей Пип уехать, как она заделалась «Роз». Мы знать ничего не знали, пока к нам не приехал погостить ее дружок Доминик. Он назвал ее «Роз», и я не понял, к кому это он обращается.

– Я пользуюсь этим именем на работе, папа, – объяснила Пип, не желавшая возвращаться к этой теме. Она пыталась приучить родителей к своему новому имени, когда впервые наведалась домой, в Суффолк. Мать сначала старалась, но в итоге потерпела неудачу. Отец до сих пор не мог переварить этот факт и часто к нему возвращался.

– Пип получила при крещении два имени, – кротко молвила мать. – Пусть сама решает, каким пользоваться.

Пип ответила матери признательной улыбкой, но та уже отвернулась к плите, для Пип остался только след обиженного выражения на ее лице.

– А я никак не пойму, что плохого в «Пип», – не унимался отец, хоть и перешел на бормотание.

Пип показалось, что Джез не сводит с нее глаз, но она не стала это проверять. Не хватало, чтобы и он ее осуждал!

Мужчины закончили завтрак и со скрипом отъехали на своих табуретах от стола. Джез шумно сделал последний глоток чая и отнес чашку и тарелку в раковину. Отец чмокнул мать в щеку. Оба обулись и отправились на работу.

Пип сняла с крючка кухонное полотенце и принялась вытирать вымытую матерью посуду. Потом, неосознанно перемещаясь по кухне, она аккуратно расставила все по полкам – а ведь треть ее жизни ее дом был не здесь. Ее не переставало удручать, как просто оказалось снова вернуться к жизни на ферме. У нее ушло десять лет на то, чтобы отсюда сбежать, чтобы воплотить в реальность свои мечты, – и вот она снова там, где начинала, снова помогает в благотворительной лавке и вдыхает гарь от сожженного матерью завтрака.

Мать раскладывала яйца из ведерка по картонным ячейкам. Семья всегда продавала излишки того, что производила, складывая их в контейнер в конце проселка, куда покупатели клали мелочь в обмен на продукты. Ребенком Пип ходила туда за деньгами со своим ключиком,

что становилось для нее кульминацией недели. Иногда ей разрешали оставить себе монетку-другую, на конфеты или на комиксы из лавочки на углу. Друзья часто подбивали ее утаить побольше, ведь родители все равно не узнают, но она всегда отказывалась. Ей нравилось объяснять это своей принципиальностью, из-за этой своей черты она избрала юридическую карьеру. На самом же деле у нее попросту не было уверенности, что мать не знает, сколько в ящике денег, и не поймает ее на воровстве. Больше всего ее отпугивал страх попасться, а еще страх разочаровать родных.

– Доминик приедет в эти выходные? – осведомилась мать, не отрываясь от своего занятия.

Вопрос прозвучал как бы между прочим, но Пип уловила в голосе матери напряжение.

– Не уверена, – ответила она, хотя не ждала, что он приедет. – Он очень занят, мам. Бездельник никогда не стал бы королевским адвокатом.

– Точно не стал бы, – быстро последовал ответ. – Уверена, что нет.

У Пип не было сомнения, что ее мать не знает, что королевский адвокат – престижнейшая должность, за которую держатся обеими руками, но она уже давно зареклась объяснять, как устроена коллегия защитников.

– И потом, у него куча других дел, не связанных с работой. Я бы тоже была занята по горло, если бы не застряла здесь. Пойми, мама, мы с Домиником – медийные персоны, нас приглашают на разные мероприятия: приемы, выставки, открытие галерей. Он не может от всего этого отказаться только потому, что меня нет рядом. – Это прозвучало по-детски капризно, но ей не было стыдно.

– Нет, не может, конечно, нет, – поддержала ее мать. – Просто тебе нездоровится, Пип. Вот я и подумала: почему бы ему не постараться тебя повидать? Я слышала, что иногда он звонит...

Пип ошетибилась. Ей негде было спрятаться, даже по мобильному не поговоришь. Она опять превращалась в девчонку, уходившую когда-то с телефоном на лестницу, чтобы мать не подслушала.

– ...хотя телефонный звонок не сравнить с приездом.

Она знала, что мать права. Приезды Доминика сюда, на ферму, сошли на нет, и Пип скучала по нему, скучала по духу ее прежней жизни, который он привозил с собой. Когда они разговаривали, она раз

за разом чувствовала, что они все сильнее друг от друга отдаляются. Когда ее не было в Лондоне, Доминик старался нащупать хотя бы ниточку, еще связывающую их, как будто лопнула прежняя прочная цепочка. Он делился с ней новостями, но ей почти нечего было рассказать в ответ, и беседа иссякала. Пип знала, что должна верить в то, что, когда она вернется в Лондон, все станет как прежде, но с каждой неделей в это верилось все слабее.

– Нет, не сравнивать. Но иногда приходится мириться с реальностью, – отрезала Пип.

Мать, не ждавшая от нее резкого тона, отпрянула, и Пип почувствовала себя виноватой. В очередной раз. Не мать была виновата в том, что она оказалась в этой ситуации, вымещать на ней свое раздражение было несправедливо, но порой у Пип не получалось с собой совладать.

– Ты сходишь сегодня в магазин? – спросила мать почти шепотом, снимая с последнего яйца грязь и солону и помещая его в ячейку.

Пип буркнула, что да, сходит. Других занятий у нее все равно не предвиделось.

– Одри тебя хвалит. Я встретила ее вчера в кооперативе.

Пип услышала в голосе матери гордость и заставила себя подальше спрятать свое недовольство. Она работала в благотворительной лавке и очень старалась. Это не требовало особенных усилий. В это самое время в прошлом году она выступала в Европейском суде по правам человека, а теперь возилась с чужой ношеной одеждой в запущенном магазинчике секонд-хенда в городке Саутволд^[1]. Какое из двух этих занятий дочери вызывало у матери больше уважения?

Пип с трудом проглотила слюну.

– Как мило! – выдавила она. – Я, пожалуй, пойду. – Она торопилась сбежать, прежде чем вспыхнет новый спор.

– Ты так и не позавтракала! – крикнула мать ей в спину.

Свежим ясным утром Пип ехала на велосипеде по узким дорожкам в благотворительную лавку «Доброе сердце». На жгуче-желтом рапсовом поле только начиналось цветение, из лесополосы доносилось пение птичек, но Пип ничего не замечала. Она полностью сосредоточилась на том, чтобы добраться из точки А в точку Б в более-менее нормальном настроении.

О том, чтобы поехать в лавку на машине, не могло идти речи. После несчастья она никуда не ездила и вообще больше не представляла себя за рулем. Отец предложил достать из сарая ее старый велосипед, ржавевший там последние десять лет. Он не пожалел времени, чтобы с любовью очистить велосипед для дочери, смазал лязгающую цепь, рычаги и шарниры и почти вернул ему молодость. Розовый цвет велосипеда был теперь так чужд свежеиспеченной лондонской жительнице, что Пип не верилось, что некогда она сама такой выбрала, а прикрученная спереди к рулю плетеная корзинка заставляла ее чувствовать себя неисправимой провинциалкой.

К велосипеду не прилагалось шлема. Когда она спросила отца, куда он подевался, тот сначала удивился, а потом решил, что ослышался.

– До лавки рукой подать, Пип, – сказал он. – Зачем тебе шлем?

Но, вспомнив, почему она забраковала автомобиль и выбрала велосипед, отец стал смущенно переминаться с ноги на ногу.

– Найдем тебе шлем, если тебе в нем удобнее, – пообещал он и стиснул ей плечо своей широкой грубой рукой.

Срочно приобретенный шлем был черным, а не розовым. Теперь Пип могла ездить в городок и обратно на ферму, не унижаясь просьбами ее подбросить.

Сначала ей приходилось преодолевать себя: любой выезд сопровождался болезненным ускорением сердцебиения. Но постепенно Пип привыкла и теперь, проезжая по деревенским тропинкам, уже почти не паниковала, хотя на загруженной дороге ей было спокойнее слезать с велосипеда и просто его толкать.

Благотворительная лавка «Доброе сердце» находилась на главной торговой улице городка. Знакомая семьи Пип командовала здесь всем на военный манер. Бесплатно помогать в лавке предложила мать Пип – как «способ прийти в себя».

– Это именно то, что тебе нужно, Пип, – сказала она. – Выберешься из дому, станешь общаться с людьми. Перестанешь томиться целый день без дела.

Пип была полна сомнений на сей счет. Раньше она почти не заглядывала в благотворительную лавку, не говоря о том, чтобы задуматься о работе там. Но мать была права: ей нужно было чем-то заняться, и эта необходимость все сильнее с каждым днем. Разумеется, это был путь к избавлению от чувства вины; а еще Пип надеялась, что любой, кто увидит ее за делом, поймет, что она старается ее искупить.

Работа в лавке была на удивление несложной, именно такой, какая ей требовалась, зато позволяла отвлечься и не думать день напролет о трагедии. Главным же достоинством этой работы был шанс не заболеть клаустрофобией, грозившей ей на ферме.

Перед дверью магазинчика она увидела обычную гору черных полиэтиленовых мешков, содержимое которых вываливалось на крыльцо. Каждый день повторялось одно и то же. Одри повесила в окне ламинированную табличку – просьбу к дарителям привозить свое добро в часы работы магазина, но на этот призыв никто не обращал внимания. Пип не знала, делается это из соображений простого удобства или от смущения за свои обноски. Кое-что и правда годилось только на тряпки.

Пип приковала свой велосипед к водосточной трубе и оставила шлем в корзинке в полной уверенности, что до конца дня он никуда не денется. Теперь ей оставалось дожидаться на скамеечке прихода Одри с ключом. Ожидание хозяйки не продлилось и двух минут. Та быстро семенила, опустив голову, словно по какому-то важному, но утомительному делу, и обходила любого у себя на пути, не поднимая глаз. Дойдя до крыльца, она уставилась на гору пожертвований и яростно потрянула головой; ее седой перманент ничуть от этого не пострадал. По движению ее губ было понятно, что она бранится.

Пип встала со скамейки и подошла к краю тротуара. Бывали дни, когда всего лишь от близости мостовой у нее начиналась паническая атака, но в этот раз она храбро перешла на другую сторону. Ее

состояние было непредсказуемым: день лучше, день хуже. Бывало, проезжая часть не представляла никаких проблем, но случалось и так, что она не могла приблизиться к ней даже на десять футов. Непонимание собственной реакции только усиливало ее тревогу. Пип казалось, что ее тащит вниз закручивающаяся спираль, и вырваться из этого водоворота почти не было надежды.

Одри все еще яростно бранилась себе под нос, когда Пип с замиранием сердца приблизилась к ней. Плохое настроение хозяйки прямо с утра сулило долгую рабочую смену.

Пип собралась с силами и выдавила улыбку.

– Доброе утр, Одри, – произнесла она со всей доступной ей жизнерадостностью.

Одри взглянула на нее и закатила глаза.

– Сама не знаю, зачем повесила табличку. Что за люди! Думают, нам больше делать нечего, чем таскать мешки с их барахлом?

На самом деле у них все равно не было другого занятия. Расстояние от двери до чулана, где они сортировали пожертвования, составляло считанные футы, и Пип никак не могла взять в толк, почему это кажется Одри таким непосильным трудом. Но комментировать это она сочла небезопасным.

– Я все занесу, – сказала Пип. – А вы тем временем поставьте чайник.

Одри скупно кивнула, воздержавшись от улыбки, и отпихнула мешок с пожертвованиями, загораживавший дверь.

Пип стала перетаскивать один мешок за другим. Здесь происходило так мало событий, что жалеть время и усилия не приходилось: пять хождений туда и обратно можно было счесть даже бонусом. Ничто так не подчеркивало контраст между прозябанием здесь и ее жизнью в Лондоне, как это.

Она заглянула в первый мешок. Его содержимое имело приличный вид и было аккуратно сложено, словно кто-то хотел порадовать Одри. Та любила получать высококачественные вещи, хотя Пип критически относилась к платьям от Marks & Spencer^[2] или Next^[3]. Как тут было не вспомнить ряды неношенной одежды с дизайнерскими этикетками в ее гардеробе в квартире Доминика. У Роз был более утонченный вкус, чем тот, который могла себе позволить Пип; ни один из ее лондонских нарядов не попал в Суффолк. Здесь она

перешла на непритязательный, даже анонимный стиль: джинсы и скромные блузки, такие же, как на всех вокруг. С каждой прожитой здесь неделей она все сильнее чувствовала, как медленно, но неуклонно превращается из Роз в Пип.

Она взвалила на плечо последний мешок с намерением занести его внутрь, но тут увидела на крыльце небольшую картонную коробку. Обычно в такие складывали безделушки, каких Пип раньше не видывала: они в равной мере ее отталкивали и притягивали. Ширпотреб из дутого стекла, дешевая бижутерия с облезлым золотым и серебряным покрытием, разрушающим иллюзию подлинности, разрозненные чашки и блюда со сколами, которые придется отправить на свалку; взбрдет же кому-то в голову, что найдутся желающие заплатить за такое приличные деньги... Сама торговля чем-то подобным не переставала удивлять Пип своей нелепостью. Но опорожнять коробки с уродливыми безделушками было гораздо приятнее, чем разбирать застиранную (а порой и нестираную – гадость какая!) одежду. Правда, сохранялась пусть призрачная, но все же надежда наткнуться на настоящую драгоценность.

Одри все еще возилась с чайником, так что Пип могла самостоятельно разобрать коробку. Она быстро схватила ее и бросилась с ней в лавку.

Коробка оказалась тяжелее, чем она ожидала, внутри ничего не дребезжало. Скорее всего, книги, то, что она любит. Старые книги не вызывали у нее тошноты, в отличие от других предметов, прошедших через чужие руки. Ее интриговала их история, тогда как об истории секунд-хенда она старалась не думать. Обычно им привозили толстые книги в мягких переплетах, приобретаемые в аэропорту и потом, перед отлетом обратно, оставляемые для случайных читателей. Но изредка попадались и старые книги в твердых переплетах, посвященные какому-нибудь старинному ремеслу или похождениям давно забытой звезды киноэкрана. Такие Пип любила больше всего. Ей нравилось читать о чужих жизнях, тонуть в них с головой, отвлекаясь от собственных невзгод.

Она поставила коробку на стол и быстро оглянулась на дверь. Одри не было видно. Значит, никто не испортит ей удовольствие от разбора содержимого.

Пип сняла крышку и заглянула внутрь. Она не ошиблась: коробка была полна книг. Она взяла две верхние. Судя по обложкам, непривычному шрифту и пожелтевшим страницам, книгам было минимум полвека, если не больше. Названия ни о чем ей не говорили.

Пип полезла глубже и достала несколько штук в характерных бело-оранжевых бумажных переплетах, отличавших некогда продукцию издательства Penguin^[4]. И снова ничего даже отдаленно знакомого. Ее интерес мало-помалу угасал. Выходило, что коробки с книгами не так любопытно разбирать, как коробки с безделушками... Но тут, докопавшись до самого дна, она нащупала нечто, не принадлежавшее к категории затрепанных книжонок. Что-то твердое, гладкое, с острыми краями и углами. Сгорая от любопытства, Пип достала свою находку и стала ее разглядывать.

Сразу стало ясно, что это не книга. Она присмотрелась к обложке. Ей попался ежедневник за 1983 год. Пип вздохнула. Это было сродни одежде, которую никто никогда не купит. Как, по мнению владельца дневника, должны были с ним поступить работники благотворительной лавки? Он мог сгодиться разве что внукам Одри, собиравшим макулатуру, и то вряд ли.

Пип стала листать страницы, и тут ее ждал сюрприз: они вовсе не были пустыми, буквально каждый квадратный дюйм оказался исписан аккуратным мелким почерком.

Дневник сам раскрылся на одной из дат февраля, как бы приглашая Пип прочесть, что там написано, но она знала, что этого делать не следует. Дневник – сугубо личная вещь, читать чужие дневники недопустимо, попросту омерзительно. При этом такое чтение – одно из самых завораживающих занятий, к тому же этому дневнику было под сорок лет, кто-то оставил его в коробке с книгами, привезенными в благотворительную лавку. Существовавшее когда-то у его хозяина право на приватность давно улетучилось. Пип дала себе разрешение на чтение.

25 февраля, пятница

Порой я прямо-таки ненавижу Джоан. Знаю, мы застряли здесь, нам больше некуда податься, приходится извлекать максимум из этой ситуации, но, клянусь, она все делает в десять тысяч раз сложнее, чем нужно. А уж ее надоедливость! Уверена, она пристает намеренно; представляю, как она, сидя в своей спальне, придумывает новые способы, как помучить меня и бедную малышку Скарлетт, как будто та виновата во всей этой истории.

Сегодня ее низость достигла новых глубин. Куда-то подевалось одеяльце Скарлетт. Знаю, это всего лишь старое, протертое до дыр детское одеяло, но Скарлетт души в нем не чаает, все время таскает с собой и не засыпает, пока не прижмет его атласный край к своей милой щечке.

В общем, ей пришло время засыпать, а одеяльца след простыл. Она так рыдала, как будто у нее сейчас разорвется сердечко. Я пыталась ее утешить, но где там! Чем больше детка уставала, тем хуже становилось ее состояние. Я попросила Джоан помочь мне найти одеяло, но она отказалась и продолжила твердить, до чего безответственно с моей стороны позволить Скарлетт так привязаться к одной вещи. Очень жестоко с ее стороны! Все это время бедняжка рыдала и надрывалась, как будто ее убивают. В конце концов она так измучилась, что уснула у меня на руках. Она совершенно обессилела, все это стало для нее страшным испытанием.

Позже я нашла одеяльце в мусорном ведре на кухне. Когда я его оттуда вынула, оно было грязное, все в приставших к нему чайных пакетиках и картофельных очистках. Я пошла к Джоан, нас же всего трое, и мы со Скарлетт не клали одеяльце в ведро. Джоан сказала лишь, что Скарлетт уже не по возрасту так цепляться за старье, пришло время от него избавиться. Все то время, пока я искала одеяльце, а Скарлетт редела навзрыд, Джоан точно знала, где искомое, – вот же бессердечная стерва!

Мне даже не верится, что она настолько к нам безжалостна. Иногда ночами я лежу без сна и ломаю голову, как мне вернуть свое, как избавиться от нее. Конечно, мне пришлось бы постараться, чтобы меня не поймали, потому что если я окажусь в тюрьме, то у бедной С. никого на свете не останется.

Мы с Джоан сестры, Скарлетт – ее племянница, но, по-моему, она совершенно нас не любит. Если бы я могла жить где-нибудь еще, то, клянусь, сбежала бы туда без оглядки, только пятки бы сверкали. Но я знаю, что это невозможно. Мы застряли здесь, в этом проклятом доме, в этом крохотном городишке, и вся моя жизнь потерпела крах.

Последняя фраза до того соответствовала состоянию самой Пип, что та оторопела. В этом было что-то жуткое. Так могла бы написать она сама. Оторвавшись от дневника, она проверила, не закончила ли Одри свои дела в подсобке, и вернулась к чтению.

26 февраля, суббота

Нынче я в полном унынии. Потому, наверное, что Джоан так ужасно поступила вчера. Я не перестаю гадать, как все могло бы повернуться. Мне не дает покоя несправедливость происходящего. Беременность, потеря лучшей работы, какая у меня когда-либо была, вынужденный переезд сюда. Все это так неправильно! А тут еще близится выход второй серии «Добро пожаловать в рай», чем не вишенка на испорченном торте! Я смотрела сегодня трейлер и огорчилась: фантастически хорошо! У меня сердце разрывается: эта роль должна была стать для меня прорывной, и что теперь? Я больше даже не актриса, я теперь вообще никто, просто мать-одиночка. Знаю, это и есть самая важная работа, без моей малышки С. мне нет жизни, но все равно непонятно, почему нельзя иметь одновременно и работу, и малышку. Я бы справилась, если бы мне представился такой шанс. Но нет, мне пришлось удрать, все бросить, смириться с ситуацией.

Несносность Джоан еще сильнее портит мне жизнь. Она не упускает ни одной возможности, чтобы сказать какую-нибудь гадость. Она определенно считает, что мне следует стыдиться С., нынче утром она даже обозвала меня потаскухой. Причем в присутствии С.! С., конечно, не понимает таких слов, но потом она спросила меня, что это значит, пришлось выкручиваться, едва сдерживая слезы. Уверена, бедняжка С. заметила, как я огорчена. Ей вредно расти в такой токсичной атмосфере, но какой у меня выбор?

Потому Д. и сходят с рук ее выходки. Она знает, что мне больше некуда податься.

На прошлой неделе я чуть было не спросила Теда, можно ли нам пожить с ним, но в последний момент промолчала, потому что знаю, что из этого ничего не выйдет. У меня нет денег, а просить его нас содержать я не могу. Люди решат, что С. – его ребенок, и это осложнит ему жизнь, хватит того, что трудно мне самой, а еще вдобавок разбило бы сердце его матери, я так поступить не могу. Знаю, он хочет помочь, но там, где Тед находится, он мало что может. Когда я звоню ему в отсутствие Д., он рад выслушивать мое пустословие, и на том спасибо. Он так ко мне добр! Мне очень его недостает.

А хуже всего то (опять я бахвалюсь), что я гораздо лучше той актрисы, которой меня заменили. Знаю, звучит несколько самонадеянно, но ведь это правда! Рори Макмиллан никогда не узнает, чего лишился.

Пип переполняли вопросы. Кто автор дневника, кто ее жуткая сестра? Что между ними произошло, что так навредило их отношениям? В центре конфликта находилась девочка Скарлетт, но где ее отец? Это, часом, не упомянутый ли автором Тед? Кто такой Рори Макмиллан? Все это смахивало на мыльную оперу.

Пип никогда раньше не слышала о сериале «Добро пожаловать в рай». Впрочем, раз его показывали по телевизору в 1983 году, за семь лет до ее рождения, то удивляться нечему. Ей хотелось быстренько найти этот фильм в «Гугле», но помешало опасение быть пойманной Одри с телефоном в руках в рабочее время, что грозило неприятностями. Роз было бы все равно, но Пип знала, что жизнь в лавке проходит более гладко, если не нарушать установленных Одри правил. В «Гугл» можно было заглянуть позже.

Из подсобки донесся звон чайной ложечки по фарфору: Одри добавляла себе в чай подсластитель. Скоро она появится, чтобы проверить, чем занята помощница.

У Пип набралось слишком много вопросов, чтобы положить дневник к остальным книгам. Решено было забрать его на ферму и изучить в более спокойной обстановке. Если в нем обнаружится нечто, помогающее опознать автора, то она принесет его обратно и обсудит с

Одри, как с ним быть дальше. Если автор окажется прославленной актрисой, то дневник может приобрести кое-какую ценность – это привело бы Одри в восторг. Если же выяснится, как подозревала Пип, что он представляет мало интереса, то она присоединит его к прочим пожертвованиям и сделает вид, что не брала его в руки.

Она спрятала дневник в пластиковый пакет и убрала в сумку; в следующий момент Пип почувствовала угрызения совести. Уж не кража ли это – взять дневник, не заплатив? И как быть с постыдностью самого этого занятия – чтения чужих потайных мыслей? Пип мысленно взвесила все соображения и сочла, что ничем не провинилась. Она не совершила ничего дурного. Дневник отдали для благотворительных целей, а значит, владелица не волновалась из-за его дальнейшей судьбы; если Пип удастся ее опознать, она спокойно вернет ей дневник. Зато сейчас ее ждало удовольствие погрузиться на вечер-другой в чужую жизнь. Слишком соблазнительная возможность. Чего не сделаешь, лишь бы сбежать от ужасов своего собственного существования!

Пип стала складывать книги обратно в коробку. Это занятие выглядело как бессмысленная трата времени, но время было единственным, что у нее еще оставалось. «Видели бы меня сейчас лондонские коллеги», – насмешливо подумала она.

– Ну, что там за новые пожертвования? – раздался пронзительный голос Одри.

Пип виновато вздрогнула, как будто Одри могла проникнуть в ее мысли.

– Как раз их разбираю, – отозвалась она, натянув на лицо радостную улыбку. – Пока все как обычно, ничего особенного.

Одри суетливо, морща нос, заглянула в пару мешков, потом сняла крышку с коробки и не смогла скрыть досаду.

– Книги! Нам больше некуда их девать. Не знаю, зачем их сдают. Хотя порой их покупают.

Пип высыпала содержимое мешка на сортировочный стол и постаралась сосредоточиться на работе, но мысленно она сейчас была со Скарлетт, Джоан и женщиной, писавшей дневник.

Эвелин Маунткасл откинулась на подушки и закрыла глаза. У нее раскалывалась голова. Она сосредоточилась на оранжевом зареве у себя под веками и глубоко задышала, но пульсирование внутри черепа не прекращалось. С ней всегда так бывало от дешевого шампанского. Прозрачная пузырчатая жидкость выглядела такой безобидной, такой манящей, что всякий раз, обмочив ею губы, она умудрялась себя убедить, что в этот раз с ней ничего не будет. И каждый раз ошибалась.

Тихонько скуля, она выпустила из пальцев ручку и сосредоточилась было на головной боли, пока до нее не дошел весь ужас последствий. Распахнув глаза, она опять схватила ручку, но фиолетовые чернила уже успели пролиться на желтоватые простыни.

– Вот черт! – Она стала искать колпачок. Придется отложить дневник на потом: он требует от нее максимума внимания. Сперва пускай пройдет голова.

В коридоре зазвонил телефон, и Эвелин еще глубже зарылась в подушки. Она надеялась, что трубку снимет ее соседка по квартире Бренда, но телефон не переставал звонить, и она поняла, что тащиться к нему придется самой. Свесив ноги с кровати, она побрела, преодолевая головокружение, ежась от холода и беспокоясь, что звонящий, кем бы он ни был, устанет звонить, прежде чем она снимет трубку, чем сделает ее расставание с теплой постелью бессмысленным. Но этого не произошло.

– Алло! Эвелин Маунткасл слушает.

– Я поднял тебя с постели? Между прочим, уже почти обеденное время. Кто рано встает, тому... и все такое.

Эвелин узнала тягучий говор своего агента Джулиана и насторожилась. Джулиан никогда не звонил просто так: обычно его звонок означал предложение работы.

– В общем, я тебе дозвонился и спешу сообщить добрую весть! – сказал он, не дожидаясь ответа на свой первый вопрос. – Приезжай в

офис, милая, и я все тебе расскажу.

Эвелин предпочла бы все узнать прямо сейчас, но она знала, что Джулиан все равно не скажет. Любитель драматических эффектов, он не собирался жертвовать возможностью продемонстрировать свою значимость.

– Пробы на «Добро пожаловать в рай»? – осведомилась она с надеждой.

– До встречи в два часа! – отрезал старый негодник и бросил трубку.

По крайней мере, у нее оставалось время привести себя в порядок. Она метнулась к себе, бросилась в постель и натянула одеяло до подбородка, спасаясь от холода. Похмелье понемногу отпускало. Не иначе, речь пойдет о роли в «Добро пожаловать в рай». К другим ролям она сейчас не готова, и вообще, у нее было хорошее предчувствие. Она уже видела свое имя в титрах.

Эвелин познакомилась с продюсером этого проекта Рори Макмилланом на пошловатой новогодней вечеринке пару недель назад. Тот, зажав ее в угол, стал без устали разглагольствовать о своих проектах, едва ли не упираясь своим лбом в ее, источая запах виски и крепко держа Эвелин за талию.

– Сейчас он у меня главный, – заговорщически сообщил он. – Новехонький! Полицейская драма для телевидения, и, заметьте, главная роль – женская.

Последнее слово он особенно подчеркнул и для большего впечатления вытаращил глаза. Эвелин сделала то же самое, чтобы поощрить его продолжить рассказ, думая при этом: «А что, я бы взялась!»

– Главным будут чувства и работа мысли, а не гонки на машинах и избивание подозреваемых, – изливался продюсер. – Современнейший подход!

Сердце Эвелин забило быстрее. Она уже видела себя в этой роли. Подвиньтесь, Джон Тоу и Деннис Уотерман^[5], настала ее очередь. В конце концов, наступают 80-е годы, в воздухе запах перемен.

– Правда, вы еще слишком молоды, – сказал Рори Макмиллан. – Не знаю, как быстро растут по службе в полиции...

Женщине требуется для этого больше времени, чем мужчине, подумала Эвелин, но это уточнение не помогло бы делу, поэтому она промолчала.

– Я могу сыграть более возрастную роль, – сказала она с самой выигрышной улыбкой из своего арсенала.

– Там есть и совсем молоденький персонаж, – вспомнил Макмиллан. – Дерзкая, сметливая, броская... – Его ладонь сползла с талии Эвелин на ягодицу, он даже позволил себе слегка ее ущипнуть. – Вы будете в самый раз! – последовало обещание. – Пускай ваш агент позвонит моей секретарше после праздников, мы обязательно что-нибудь придумаем.

* * *

Эвелин добралась до офиса фирмы «Коулман, Трэвис энд Скотт, театральные агенты» (фамилию Трэвис носил Джулиан, унаследовавший долю в бизнесе от своего дяди) к двум часам дня и поднялась по лестнице. В приемной всегда орудовали молодые ясноглазые актрисы, приехавшие в Лондон с мечтой о сцене, но вынужденные довольствоваться работой в офисе. Эвелин всегда поражалась их непритязательности. Что за самоистязание – работать с актерами, не имея возможности лицедействовать самим!

В этот раз секретарь в приемной была даже моложе обычного. Она раскладывала письма по конвертам, но, видимо, запуталась, и Эвелин, терпеливо дожидаясь, пока на нее обратят внимание, понимала, что многие получают вместе с утренней газетой послания, адресованные не им.

– Эвелин Маунткасл к мистеру Трэвису! – сообщила она секретарю радостным голосом.

Эвелин жила с надеждой, что когда-нибудь ее станут узнавать в лицо, но пока что до этого было далеко. Впрочем, совершенно неизвестной Эвелин тоже не была: она сыграла в сериале «Вверх-вниз» и в трех сериях драмы о Первой мировой войне, но широкой популярности пока что не обрела. А так хотелось! Она знала, что слава бывает опасной, но была готова рискнуть.

Секретарь, близкая к слезам из-за неразберихи с письмами, кивнула и указала подбородком в сторону кабинета Джулиана.

Тот висел на телефоне. Еще не войдя, Эвелин услышала его плывущий по коридору ленивый голос:

– Да, я все понимаю, дорогая, но взгляните на это моими глазами: она уже не девочка и, конечно, не молодеет. Если мы не дадим ей эту возможность, другой может уже не быть.

Эвелин старалась не слушать, но помимо воли гадала, какую из своих клиенток Джулиан обсуждает и, самое главное, какого та возраста. Конечно, старше ее. Ей всего тридцать, разве это возраст? Она все еще без труда могла прикинуться двадцатилетней, даже сыграть школьницу, если правильно причесаться и накраситься. Но каждый раз, когда она слышала такое из уст Джулиана, ей становилось не по себе. Они оба понимали, что часики тикают.

При ее появлении Джулиан поднял голову, улыбнулся, скорчил гримасу, имея в виду собеседницу на том конце провода, и вяло указал ей на стул по другую сторону стола. Стул была завален папками, которые Эвелин сняла и аккуратно положила на пол у своих ног.

– Конечно, – сказал Джулиан в трубку и показал Эвелин жестом, что намерен закругляться. – Сделайте все от вас зависящее и сообщите мне о результатах. Да. Обнимаю всех ваших. Все, пока! – Он картинно вернул трубку на рычаги и перенес внимание на Эвелин. – Моя дорогая Эвелин! Видеть тебя такая радость!

Можно было подумать, что он ее совершенно не ждал, хотя сам назначил встречу. Раньше это сбило бы ее с толку, но она уже успела понять, что такое его поведение – всего лишь причуда человека, привыкшего контролировать каждый свой шаг.

– Дорогой Джулиан, я тоже рада! Как вы? Выглядите прекрасно.

– С божьей помощью. – Он с досадой указал на гору папок у себя на столе, но видно было, что комплимент ему приятен. – Здесь уже не первую неделю полный бедлам. Все время не слезаю с телефона.

Она мягко улыбнулась.

– Что вы, Джулиан, по-другому вы не умеете.

– В том-то и дело! Ну, займемся проектом Рори Макмиллана, – перешел он к делу без малейшего усилия. Изображая неопределенность, Джулиан на самом деле был хватким и опасным, как игла морского ежа, и всегда держал руку на пульсе событий.

Именно поэтому он и был агентом Эвелин. – Тебе хотят предложить роль констебля криминальной полиции Карен Уокер. Этот персонаж подолгу в кадре, потому что сопровождает своего начальника. Еще не слышал, кого прочат на роль самого начальника. Можно ожидать, что это будет известный зрителям актер. Для тебя все складывается удачно, милая, главное, чтобы ты справилась.

– Они хотят, чтобы я попробовалась на роль?

– Да, сначала у режиссера, а потом, если все пройдет удачно, состоится встреча с самим Рори Макмилланом. Вы уже знакомы, так что это будет простая формальность.

То ли Эвелин это почудилось, то ли из тона Джулиана можно было заключить, что он благоговеет перед Рори Макмилланом. Что ж, это было громкое имя. Даже Джулиан, делавший вид, что все на свете повидал, мог испытывать подъем из-за подвернувшейся возможности. Эвелин не знала, стоит ли признаваться, что «знакомством» это вряд ли можно было назвать – так, короткий разговор на вечеринке; все же лучше было об этом промолчать. Джулиану невредно было думать об этом знакомстве как о чем-то более серьезном.

– Так они это серьезно? Я насчет себя. – Эвелин было трудно в это поверить. На прежних своих пробах на роли она общалась только с директором по кастингу и никогда не доходила до продюсера; впрочем, тогда речь шла о второстепенных ролях.

– Похоже на то, – процедил Джулиан. – А как иначе? Роль как раз для тебя. Было бы безумием выбрать другую актрису.

При всем своем оптимизме Эвелин старалась сохранять здравомыслие. Впереди ее ждало еще много препятствий.

– Есть для меня какие-нибудь еще варианты? – осведомилась она с надеждой, вспоминая свои пустые кухонные полки и промерзлую квартиру.

– В данный момент нет, дорогая. Обстановка такая, что все дрожат от страха. Люди опасаются делать серьезные вложения, когда страна летит в тартарары. Но ты не беспокойся, если добьешься этой роли, то у тебя все равно больше ни на что не будет времени.

Эвелин прикусила губу. В первом сезоне намечалось десять серий, в случае успеха не исключался второй сезон. Получить такую роль значило бы сорвать куш.

Пробы проходили на киностудии в Уэмбли^[6]. Однажды Эвелин уже через это проходила и сейчас, хоть и немного нервничала, старалась приближаться к стойке администратора уверенной походкой. Интересно, сколько соберется кандидаток? Она бы не удивилась, если бы набрались десятки, а то и сотни людей, так же отчаянно, как она, жаждущих роли. Но ожидающих своей очереди актрис оказалось совсем немного. Она проверила время и даже дату: никакой ошибки. Сердце, и без того трепетавшее, забилось еще сильнее. Почему пробуют так мало людей? Неужели у нее серьезные шансы?

Тревога уступила место радостному ожиданию. Она ведь актриса, неважно, что у нее за роль и перед кем она выступает. Когда приходило время сверкать, Эвелин Маунткасл делалась ослепительной. Она поправила юбку (темную, узкую, неновую – чтобы еще больше походить на занятую сыщицу), сделала глубокий вдох и вошла в приемную. Все взгляды устремились на нее. Эвелин максимально уверенно подошла к стойке.

– Эвелин Маунткасл, – звонко представилась она и подала свое портфолио.

Секретарь взяла ее папку и не глядя положила к другим.

– Присядьте, – сказала она.

Эвелин выбрала стул ближе к двери, одернула юбку и, решив, что приняла самую выгодную позу, задрала подбородок и осмотрела своих соперниц. Ей сразу стало ясно, что лучше было бы этого не делать. В приемной сидели еще пять женщин. Все они были старше ее, причем как минимум две были если не знаменитостями, то непременно вызвали бы всеобщий интерес, зайдя, к примеру, в ресторан.

Эвелин решила не пугаться. У нее было ничуть не меньше права находиться здесь, чем у них, и уж по крайней мере столько же шансов получить роль. Плюс к этому она имела козырь в рукаве: мистер Макмиллан поставил на нее. Кто из остальных мог бы сказать то же самое?

Пока она все это обдумывала, дверь открылась, вызвали первую претендентку. Эвелин скрестила пальцы и приготовилась ждать.

Стрелки настенных часов неуклонно двигались, Эвелин пробыла здесь уже час. В конце концов стало понятно, что ее вызовут последней. Остальные выходили спокойные и собранные, хотя одна пробыла в комнате для прослушивания меньше двух минут – в ее пользу это не говорило, зато увеличивало шансы Эвелин.

– Эвелин Маунткасл, – объявила наконец секретарь. Эвелин, ждавшая этого и готовившаяся, все равно вздрогнула.

Она так резко вскочила, что закружилась голова. В дверь, из которой выходили остальные, она вошла с потными ладонями, с трепещущими в животе бабочками, но готовая не ударить в грязь лицом.

Эвелин оказалась в темном коридоре, в конце которого была приоткрыта дверь. Она направилась туда и очутилась в студии с зеркальной стеной и роялем в углу. Перед зеркалом стоял стол, за ним сидели трое мужчин. Подходя, Эвелин видела собственное отражение, но старалась не отвлекаться.

– Добрый день, – произнесла она уверенно, обращаясь к мужчине в центре – с виду он был старше двух других, а значит, главнее; впрочем, это была всего лишь ее догадка.

– Здравствуйте, Эвелин, рады с вами познакомиться. – Это было сказано так тихо, что ей пришлось напрячь слух. Говоривший вручил ей сценарий. – Найдите страницу шестнадцать. Реплика детектива Уокер.

– Конечно. Как мне ее играть?

– Она грубовата, – сказал мужчина слева. – Полна энтузиазма, но слишком прямолинейна. Режет правду-матку – надеюсь, вы меня понимаете.

– Хорошо, – бойко ответила Эвелин, продумывая одновременно дюжину вариантов перевоплощения. Найдя страницу шестнадцать, она вчиталась в текст. Детективу Уокер было посвящено около половины страницы, она быстро пробежала глазами эту часть сценария, чтобы прикинуть, что ее ждет. А потом начала.

Закончив, она подняла глаза и улыбнулась.

– Ну как? Если хотите, я могу и агрессивнее, и более размеренно, как скажете. Вижу, у нее больше здравомыслия, чем от нее, наверное, ждут, она умна не по годам – надеюсь, вы меня понимаете.

Средний в троице за столом кивнул.

– Продолжайте, – сказал он.

Эвелин не была уверена, что найдет, что еще сказать, но решила не молчать.

– По-моему, Уокер очень преданная, начальник может на нее положиться. Пусть у нее и маловато опыта, она все равно очень полезный член команды.

Эвелин истолковала кивки слушателей как хороший признак и с улыбкой показала им свой профиль – выигрышный ракурс.

– Что ж, спасибо, мисс Маунткасл, – промолвил третий, до сих пор молчавший. – С вами свяжутся.

Этим все и кончилось. Эвелин забрала у равнодушной секретарши свое портфолио, покинула здание и пошла на автобусную остановку.

– Хлеба нет, – предупредила Бренда, когда Эвелин вышла к завтраку на следующий день. – И молока всего капля, так что будь экономнее.

– Может, сходить в магазин? – предложила Эвелин.

– Разве ты не смотришь новости, Эви? Хлеба вообще нет. Как и всего остального. Водители грузовиков бастуют уже не одну неделю, неужели ты не заметила?

Эвелин была ошеломлена. Она и правда не следила за новостями. Они вызывали у нее скуку: никогда никаких событий, кроме жалоб, портивших ей настроение. Но дурочкой она не была.

– Заметила, а как же! – бросила она. – То есть в магазине тоже нет хлеба?

– Тоже нет. – Бренда показала ей сливочный крекер, намазанный малиновым джемом. – Вот, довольствуюсь тем, что есть. А что, тоже неплохо. – Она зашуршала газетой. – Тут пишут, что в понедельник промышленность встала так, как не вставала с 1926 года. В Ливерпуле проводят акцию протеста могильщики: там сейчас никого не похоронить ни за какие деньги.

– Как негигиенично! – фыркнула Эвелин, скорчив брезгливую гримасу. – Так и до эпидемии недалеко. Чего теперь ждать: тифа, чумы?

Бренда покачала головой.

– Для эпидемии сейчас холодновато, – бросила она.

Эвелин плотнее закуталась в тонкий халат, поежилась, с трудом подавляя дрожь.

– Да уж, зуб на зуб не попадает, – простонала она. Окна заиндевели, витки инея на стеклах походили на следы от детских пальчиков.

– Звонил мистер О’Молли, – сказала Бренда. – Он беспокоится, что грядут большие счета за газ, и рекомендует включать отопление всего на два часа в день.

– Это смешно! – возмутилась Эвелин. – А то он не знает, как здесь холодно.

Бренда пожала плечами. Только сейчас Эвелин заметила, что подруга натянула на себя почти всю одежду, какую нашла, и сообразила вдруг, насколько непрактичен ее собственный шикарный гардероб. Им грозила самая холодная на ее памяти зима. В ее родном Суффолке тоже бывало холодно, но с этими морозами не сравнить.

– Ну что ж, – сказала Эвелин решительным тоном, не собираясь пасовать перед стихией. – Мой выход – черный кофе. – Она включила чайник и потянулась за чашкой и за банкой Nescafé.

– Знаешь, Эви... – начала Бренда робким, неуверенным тоном. Эвелин замерла, превратившись в слух. – Я собиралась кое-что с тобой обсудить.

– Если дело в твоём шампуне, то извини, что воспользовалась им. Я возьму честное слово. Просто после Рождества стало туго с деньгами.

– Дело не в шампуне, – добродушно сказала Бренда. – Иди сюда, сядь.

Эвелин послушно поставила чашку и потянула к себе стул. Глядя на Бренду, она ждала, что та объяснит, что в этот раз не так, и заранее тревожилась.

– В общем, – начала Бренда, – Джим сделал мне предложение, и...

Продолжить она не успела: Эвелин тут же вскочила и крепко ее обняла.

– О, Брен! Это потрясающая новость! Поздравляю! Он уже подарил тебе кольцо? Вы назначили дату? Он встал перед тобой на одно колено?

Эвелин считала себя современной, однако по случаю славного старомодного предложения руки и сердца мигом вспомнила про ценности, с которыми выросла, – вполне традиционные.

Бренда пожала плечами.

– По-моему, это какой-то фарс, – сказала она. – Нам и так неплохо, живем вместе, чего же еще, но его мамаша уверена, что это «непорядок». – Бренда показала в воздухе кавычки и закатила глаза. – Считает, что без брака никуда.

Теперь плечами пожала Эвелин. Конечно, совместная жизнь Бренды и Джима без защиты таинством брака – это шикарно и богемно, но лично она разделяла точку зрения матери Джима, хотя умолчала об этом. К тому же всегда неплохо побывать на свадьбе.

– По-моему, это чудесно, – вдохновенно вымолвила она. – Поздравляю!

– Спасибо. – Бренда еще раз, но уже не так сильно, закатила глаза, и Эвелин решила, что малая толика ее воодушевления не прошла для подруги незамеченной. – На самом деле мне нужно поговорить с тобой о другом. Понятно, что я перееду. Ты сможешь самостоятельно платить за квартиру?

Эвелин тут же овладела паника. Она еле-еле вытягивала свою долю квартирной платы. Но не могла же она попросить Бренду не оставлять ее одну!

– Конечно! – заверила она ее с лучезарной улыбкой. – Все будет хорошо, даже не думай. – Недаром Эвелин была актрисой.

Бренда, довольная этим ответом, от души ее поблагодарила, а потом оставила за кухонным столом одну. Что ж, подумала Эвелин, теперь роль нужна ей просто позарез. Она осталась почти без денег, других вариантов у нее не было. Если деньги не появятся, причем без промедления, то ей придется признать свое поражение и вернуться обратно в Саутволд.

Впрочем, не так все плохо, поправила себя Эвелин. Чтобы всерьез задуматься о возвращении, требовался полный крах по всем статьям. Даже живя в Саутволде, она всегда отказывалась считать его своим домом. Младшая из троих детей и самая яркая из них, она привыкла сталкиваться с неодобрением ее жизненно важных решений, которые родители, верующие пресвитериане, не думали скрывать. Оба они умерли молодыми, и семьей занялась старшая сестра Эвелин, Джоан; родительский дом унаследовали равными частями все трое детей, но заправляла в нем Джоан. Эвелин могла бы потребовать свою долю, но это значило бы признаться сестре, что она нуждается в деньгах, а на это у нее не хватало духу. Доля от наследства никуда от нее не денется. Так у Джоан оставался, по крайней мере, свой угол, а у Эвелин было тепло на душе оттого, что она сделала для Джоан хоть что-то хорошее, невзирая на все исходившее от сестры зло.

Джоан была старой девой, чему не приходилось удивляться при ее вспыльчивости и замкнутости. Она утверждала, что одиночество – ее сознательный выбор, но Эвелин подозревала, что сестра озлобилась из-за своей неспособности найти мужа, и старалась делать на это скидку и не обращать внимания на ее скверный нрав. Их брат Питер,

человек слабохарактерный и малодушный, нашел жену себе под стать. В их семье каждый был сам по себе, всех такой расклад вроде бы устраивал, но Эвелин это казалось сущим адом. Питер тоже не мог воевать с Джоан из-за наследства, поэтому все годами оставалось в неизменном положении.

Иногда Эвелин даже жалела сестру, но это чувство оказывалось скоротечным. Джоан не одобряла ее, как раньше не одобряли родители, и давала волю своему неодобрению ее образа жизни гораздо шумнее, чем это делали они. К наименьшим претензиям относилось то, что Эвелин живет в Лондоне и снимает квартиру на пару с подружкой, то, что она актриса, не замужем в свои тридцать лет (ирония этой претензии была ей вроде бы недоступна), не пожелала остаться в Суффолке, под боком у родителей, и, значит, взвалила на нее, старшую сестру, ответственность за них и за их дом. Поэтому, прежде чем даже задуматься о возвращении домой, Эвелин пришлось бы вконец обнищать и отчаяться.

На столе лежал номер «Дейли Миррор», оставленный, видимо, парнем Бренды. Эвелин стала рассеянно просматривать газету. Текущую зиму уже прозвали «Зимой тревоги нашей»^[7], страна погружалась в нервозность и раздражительность по мере учащения призывов профсоюзов к трудящимся массово присоединяться к забастовке. Воистину странные времена! Взять хотя бы слухи о гибели Сида Вишеса^[8]. Жаль его, конечно, но удивляться не приходится.

Если Эвелин получит роль, то ее ждет успех, а может, даже громкая известность. Тогда Джоан уже не сможет над ней глумиться, обвиняя в напрасной трате жизни на бессмысленные причуды. Сестре даже придется поздравить ее и признать, что она все это время ошибалась.

А уж как будет ликовать сама Эвелин!

Сидя напротив Джулиана, Эвелин с улыбкой ждала от него новостей.

– Ты, конечно, произвела на них впечатление, – начал он. – По их мнению, ты проявила... – он умолк, водя пальцем по своим записям, пока не нашел нужное место, – ...выдающееся понимание персонажа. – Он поднял на нее глаза, вздернул брови, странно улыбнулся и опустил глаза. – Здесь говорится, что ты «добавила персонажу глубины, какой не предполагал автор сценария». – Джулиан откинулся в кресле, сплел на затылке пальцы. – Славная работа, Эвелин. Очень славная.

Ценность похвале придавало то, что она была редкостью, Эвелин даже почувствовала, что у нее пылают щеки. Скромно улыбаясь, она осведомилась:

– Констебль Карен Уокер участвует в каждом эпизоде? – Она уже знала, что это так, – несколько раз проверяла после прослушивания.

Джулиан закинул ноги в носках на стол, как будто находился дома, у себя в гостиной, а не на работе. Эвелин несколько смутила эта фамильярность, но она, игнорируя багровые носки, сосредоточила взгляд на его широко улыбающейся физиономии.

– Так и есть, – подтвердил он. – Это крупная роль, Эви.

Эвелин кивнула. Но в следующую секунду ее охватила тревога. Очень мило, конечно, что она им приглянулась, но как насчет официального предложения роли?

– Как ваше мнение, Джулиан? – спросила она. – Думаете, роль уже моя?

Джулиан проинспектировал свои ногти и царапнул ими штанину.

– Я настроен вполне оптимистично. По крайней мере, исходя из услышанного от них, моя дорогая. Но все зависит от Макмиллана. Понравишься ему – роль твоя. Вообще-то ты уже ему понравилась, судя по твоим собственным словам. Так что вряд ли будет трудно убедить его, что ты – именно то, что требуется.

Эвелин стало нехорошо. Что, если она все это придумала? Что, если Макмиллан повторяет одно и то же каждой молодой актрисе на

вечеринке? Она сглотнула и попыталась прогнать эту мысль. Эта роль была нужна ей позарез. От этого зависела ее жизнь в Лондоне.

– Встреча с ним назначена на четыре тридцать завтра, в «Хилтоне».

– В воскресенье? Вы уверены? – Встреча в воскресенье показалась ей сомнительной.

Джулиан заглянул в свой блокнот, поводит кончиком ручки по неразборчивым каракулям и нашел искомое.

– Так и есть: воскресенье. Наш Рори – занятой человек. Эти телевизионные шишки не работают с девяти до пяти. Подойдешь к ресепшену отеля, и тебе объяснят, куда идти. Все, больше я тебя не задерживаю, ты не одна, у меня есть другие клиенты. – И он весело помахал ей рукой.

Эвелин вскочила, обежала стол и чмокнула его в щеку.

– Спасибо, Джулиан! – выдохнула она.

– Мне подавай мои десять процентов, – ответил он деловым тоном, но не смог скрыть улыбку. – Смотри, Эвелин, – добавил он уже серьезно, когда она взялась за дверную ручку, – не вздумай оплошать.

* * *

Настало воскресенье. Эвелин тщательно подобрала юбку и блузку и похитила из комнаты Бренды пару целых колготок, полная решимости уже завтра вернуть их на место. Гостиничный швейцар заметил ее еще издали и с улыбкой распахнул перед ней дверь.

– Добрый день, мисс, – поприветствовал он.

– Добрый день. – Она поймала себя на том, что говорит голосом школьной учительницы или сотрудницы полиции, и самодовольно улыбнулась.

Эвелин прошла прямо к стойке администрации, чувствуя, как все присутствующие провожают ее глазами. Придется к этому привыкнуть, подумала она: к поворачивающимся головам, к зевакам, подталкивающим друг друга локтями, к шепоту при ее появлении.

– Я к мистеру Макмиллану, – сообщила она в надежде, что легкая дрожь в ее голосе слышна только ей.

Администратор посмотрела в свой кондуит и провела наманикюренным пальцем по колонкам.

– Мистер Макмиллан занимает апартаменты 507. Пятый этаж. –
Рука указала на лифт.

– Благодарю.

Эвелин направилась к лифту, надеясь, что выглядит непринужденно, как если бы каждый день посещала гостиничные апартаменты, хотя в животе жгло от волнения. Успех был так близок, что она почти чувствовала его вкус. Впереди была завершающая часть процесса, наверняка нетрудная. Комиссия по кастингу положила на нее глаз, как до того сам Рори Макмиллан на праздновании Нового года. Предстоящая беседа с ним виделась ей формальностью, простым закреплением знакомства.

Кто еще там будет? Сдержанный режиссер с прослушивания, актриса, отобранная на роль инспектора? Эвелин мысленно перебрала имена актрис, надеясь на встречу со знаменитостью. При хорошем раскладе знаменитостями вскоре станут они обе.

Апартаменты под номером 507 находились в конце длинного коридора. Эвелин негромко постучала в дверь.

– Войдите, – откликнулся голос с акцентом уроженца Глазго (Рори Макмиллан был оттуда). Впрочем, насчет акцента Эвелин не была уверена.

Она открыла дверь и попала в короткий коридор, ведущий в гостиную с окнами на две стороны. Одно выходило на Гайд-парк, хотя уже смеркалось и разглядеть снаружи можно было немного, только неясное мерцание.

Рори Макмиллан сидел на диване, одетый неформально – свободные брюки, рубашка с расстегнутым воротником; он прижимал подбородком к груди телефонную трубку и усердно накручивал на палец шнур, погруженный в эту нехитрую игру. При появлении Эвелин он поднял глаза и указал ей кивком на диван напротив себя. Эвелин не уловила, о чем он говорит по телефону: он ограничивался короткими «да» и «нет» и невнятным мычанием.

Пока шел разговор, она озиралась, ища остальных, но ничто не указывало на присутствие в номере кого-то еще. На стеклянном кофейном столике стоял один бокал для виски, рядом – тарелка с остатками сэндвича. Возможно, остальные скоро придут, подумала

Эвелин. А может, она останется единственной гостьей. Некоторое время она анализировала свое отношение к такому варианту. Не нервирует ли ее перспектива встречи один на один? Нет, ничего похожего. Разве они не болтали целых полчаса вдвоем на Новый год? Такой знатный собеседник, как Макмиллан, – редкая удача для неизвестной актрисы вроде нее. У нее будет шанс понять, как он видит весь сериал. Джулиан будет рад ее рассказу. Она уже слышала его поощрительный тон: «Узнай, что будет дальше, милая. И убедись, что для тебя и дальше припасена роль».

Эвелин уже становилось спокойнее. Привыкай к новому образу жизни, сопровождающему участие в сериале, создавай себе имя! Британское телевидение – это только начало. Кто знает, какие двери оно перед ней распахнет? Она уже позволяла себе мечтать, пускай робко, даже о Голливуде.

Но при этом ей требовалась сосредоточенность. Ничего еще не было решено. Нельзя переходить на бег, пока не освоена ходьба.

Макмиллан уже завершал свой телефонный разговор.

– Да, прекрасно. На следующей неделе я позвоню Дуги, надо его подготовить. Дело на мази. Доверься мне. Да, поговорим через неделю. Чао!

Он положил трубку и повернулся к Эвелин. Он был крупным мужчиной, крупнее, чем ей запомнилось, с широкой грудью, с сильными, как у спортсмена, руками. Она видела, как натянута на его атлетических бедрах ткань брюк.

– Эвелин! – начал он. – Я так рад снова вас видеть! Вы уж простите: ни минуты покоя! – Он подмигнул. Она решила, что он очень привлекательный: старше нее, немного неотесанный, но это его не портило. – Выпьете со мной?

Рори поднял свой пустой бокал, из чего Эвелин заключила, что он предлагает спиртное, а не чай, хотя было всего четыре тридцать пополудни. Не беда, ее такие вещи ничуть не смущают. Она не знала только, какой напиток выбрать, и вообще не бывала раньше в таких шикарных отелях. Не придется ли ему куда-то звонить, если заказанного ею не окажется в мини-баре? Не хотелось его раздражать. Эвелин бы не отказалась от шампанского, но роль еще не получена, забегать вперед было неуместно.

– Пожалуй, виски, – услышала она собственный голос, хотя пробовала виски всего однажды, на похоронах дяди Роджера, и тогда он ей не слишком понравился.

– Такие девушки мне по душе! – откликнулся он с улыбкой и двинулся к подносу с напитками. – Лед, содовая?

Представления Эвелин о виски хватало для того, чтобы знать, что шотландцы не кладут в него лед, но и сказать, что предпочитает виски чистым, она не осмелилась.

– С содовой. Пожалуйста, – пискнула она. – Содовой побольше.

Себе он налил гораздо больше, чем ей, и у нее отлегло от сердца. Можно будет медленно тянуть свою порцию, да еще и не допить. Вряд ли он сам платил за выпивку: все спишется на производственные расходы. Она опять взбодрилась. Скоро и у нее будет так же: дармовая выпивка, рестораны. Шикарная жизнь. Главное, не оплошать.

Рори снова уселся, откинулся на спинку дивана, широко расставив ноги.

– По словам Майка, вы преуспели на пробах и он хочет дать вам роль.

Эвелин почувствовала, что краснеет, и рассердилась на саму себя. Она взрослая женщина, а не простодушная девчонка.

– Спасибо, – бесхитростно проговорила она.

– Теперь ваша задача – произвести впечатление на меня, – продолжил он. – Да не пугайтесь вы так, Эвелин! Уверен, вы не будете ломиться в открытую дверь.

– Что от меня требуется? – спросила она, неуверенная, чего он ждет. Отбарабанить роль? Она могла бы попробовать, хотя без сценария в руках трудно было бы прозвучать убедительно.

– Расскажите о себе, – попросил он. – Какая она, настоящая Эвелин Маунткасл?

Это было хуже, чем пытаться вспомнить текст роли. Что он хочет услышать?

– Ну... – начала она осторожно.

– Я подскажу: что вас увлекает, Эви? – Так ее называли только хорошие знакомые. – Что подталкивает в спину? Из-за чего вам не спится ночами?

«От мыслей о невозможности заплатить за квартиру», – мелькнуло у нее в голове. Но это был бы неверный ответ. Ей хотелось

славы, но не хотелось в этом признаваться: она показала бы себя пустышкой, а нужно было заинтриговать, вызвать интерес. Лучше что-нибудь присочинить, но ведь он хочет понять, что она на самом деле собой представляет. Значит, скрывать амбиции нет нужды.

– Я хочу быть звездой! – выпалила она. – Хочу, чтобы на меня оглядывались, когда я куда-то вхожу. Чтобы просили у меня автограф. Хочу успеха в Британии, а потом – в Голливуде, прославиться там, сниматься у великих режиссеров – Скорсезе, Спилберга, Олтмена. – Она вдруг запаниковала: получалось, что телевидение – это что-то второсортное... Он, правда, слушал с улыбкой и поощрительно кивал.

– Мне нравится, когда моих актрис обуревают амбиции, – сказал он, сделал большой глоток виски и негромко икнул. – Хочу, чтобы девушек пожирало пламя.

Эвелин не вполне принадлежала к девичьей категории, но не сочла возможным его поправлять.

– Ну же, Эви! – Он похлопал по дивану рядом с собой. – Почему бы вам не подсесть ко мне и не поведать, как я могу вам помочь добиться всех этих целей?

Пип нетерпеливо следила за стрелками часов. Время ползло гораздо медленнее, чем на ее лондонской работе. Наконец Одри объявила о завершении рабочего дня, потушила свет и заперла за ними дверь.

– Увидимся в понедельник, – сказала ей Пип на прощанье. – Наметили что-нибудь интересное на уик-энд? – Можно было этого и не говорить, на самом деле ответ бы ей совершенно неинтересен.

Одри закатила к небу глаза, но ее лицо осталось каменным.

– В церковном вестибюле будет барахолка, – мрачно сообщила она. – Больше никто не вызвался все устроить, значит, дело за вашей семьей. Скажи матери, пусть принесет к восьми тридцати выпечку. Будет длинная очередь. Странное дело: от желающих принести свое и купить чужое не будет отбоя, но в эту лавку они ни ногой.

– Надеюсь, все пройдет удачно, – поспешно отозвалась Пип, надеясь, что ее саму не попросят о помощи, и наклонилась к велосипеду, чтобы отпереть замок, прежде чем мысль о ней как о помощнице на распродаже не посетит саму Одри. Удержаться на своей лондонской работе она не сумела, но приходская жизнь с ее мелкими проблемами сводила ее с ума. Непонятно, как все застрявшие в этой дыре не умирают от скуки. Барахолка... Час от часу не легче!

С лежащим в корзине велосипеда похищенным чужим дневником, спрятым в пакет, Пип покатила обратно на ферму по узким, усыпанным листьями дорожкам, планируя по пути предстоящий вечер. После ужина она побыстрее улизнет из кухни, нальет себе горячую ванну, понежится в ней, а потом рано ляжет в кровать с дневником.

Что с ней творится? Роз пришла бы в ужас от столь скучного вечера. Но Роз здесь не было, только Пип. Доминик поднял бы ее план на смех, но это ее не беспокоило. Она чувствовала какую-то странную связь между собой и автором дневника и была обязана с этим разобраться. Женщина, похоже, застряла не там, где надо, совсем как она, хотя Пип еще не выяснила, по каким причинам это произошло. А значит, нужно было продолжить чтение.

Но ее привлекала не только запутанность ситуации, в которой находилась незнакомка. Погружение на несколько часов в чужую жизнь сулило пользу, давало ей шанс, пусть призрачный, вырваться из замкнутого круга, в котором безнадежно метались ее мысли: вина, страх, встречное обвинение, горечь – и снова вина.

В более удачные дни у Пип получалось убедить себя, что не все еще потеряно, что мир, который она с таким трудом выстраивала для себя до трагедии, никуда не делся и ждет ее возвращения. От нее требовалось немного: прийти в себя и вернуться в точку накануне несчастья.

Но если бы все было так просто...

Родители, хоть и радовавшиеся ее возвращению на ферму, не понимали причин, вынудивших ее покинуть Лондон. Пип несколько раз силилась объяснить это матери, но той, при всем сочувствии дочери, было трудно ее понять.

«У меня была паническая атака, мама, – твердила она полным отчаяния голосом. – То есть целая серия таких приступов, но самый сильный был на работе».

«После происшедшего с тобой они обязаны были войти в твое положение, Пип».

Пип замечала, что никто не говорит о ее трагедии напрямую. Факт убийства ребенка отмывался эвфемизмами если не добела, то по крайней мере до неразличимости пятен крови.

«Вошли, насколько было возможно, мама. Я всех подвела. Расквасилась прямо в Высшем суде, у всех на глазах. Даже собственное имя забыла. После этого меня уже не могли оставить на работе. Им нужно было думать не только о моей репутации, но и о своей».

«Но ведь ты не виновата! – возмущалась мать. – Кто же винит за болезнь?»

Пип подозревала, что ее мать вычитала где-то, что панические атаки – симптом психического заболевания, и, преодолевая страх, пыталась смириться с этим ради блага дочери.

«Какая разница, мама? Клиенты платят кучу денег, чтобы я защищала их интересы. Если я не могу этим заниматься не позорясь, то мне не станут давать работу».

Мать кивала, как будто понимала эту логику.

«Это несправедливо, ты же не виновата. – Мать молчала, потом, комкая в руках кухонное полотенце, спрашивала: – Можно задать личный вопрос?»

Пип кивала, волнуясь, что сейчас услышит, но не имея сил придумать причину, чтобы избежать ответа.

«Каково это? – спрашивала ее мать. – Ну, эта самая паническая атака? Сколько ни пытаюсь представить, никак не выходит».

Пип не хотелось пускаться в объяснения, которые сами по себе могли спровоцировать у нее приступ паники, но мать пересиливала себя, задавая этот вопрос, поэтому не отвечать было нельзя. Пип набирала в легкие побольше воздуха.

«Это ужасно, мама. Я полностью теряю самоконтроль, а ты же знаешь, насколько это для меня невыносимо».

Мать кивала. Обе были согласны, что Пип – любительница все контролировать.

«Начинается с макушки, – продолжала Пип. – Потом немеет шея и щеки. Я уже знаю, к чему это ведет, но ничего не могу с этим поделать. Мне не хватает воздуха, грудь стискивает, невозможно дышать, в глазах туман. В конце концов я теряю сознание и...»

Она сбивалась. Что происходило дальше, она не знала. Поднимая глаза на мать, она видела катящиеся по ее щекам слезы.

«Пип, доченька... – хрипло говорила мать. – Бедная моя деточка!»

У Пип не находилось слез. Не текли, и все тут, будто она лишилась способности чувствовать.

«Все в порядке, мама. Со временем ко всему привыкаешь».

Но это была неправда. Она уже не могла сосчитать, сколько раз на нее накатывали воспоминания и сколько панических атак она пережила после, но никак не могла с этим свыкнуться. И поэтому не верила, что когда-нибудь сумеет вернуться к своей прежней лондонской жизни. Она уже начинала забывать, что значит быть Роз.

Происходившее у Пип в голове вместе со всеми навалившимися на нее в эти дни проблемами крайне сужало ее кругозор. Но появление дневника и гадания, что он может таить, все больше ее волновали. Это любопытство было чем-то новеньким.

Она въезжала на велосипеде на фермерский двор с нервным шумом в ушах. Горит ли свет в окне кухни? Если там не окажется матери, то будет проще простого незаметно пронести в дом дневник.

Но свет, конечно, горел – теплый, манящий. Она уже хотела оставить пакет с дневником в корзине велосипеда и вернуться за ним позже; впрочем, кому какое дело, с чем она пришла? Пип сунула пакет под мышку и поспешила в тепло кухни.

– Привет, мам! – сказала она, открывая заднюю дверь.

– Вот и ты наконец-то! – Тон матери был напряженным, неестественно приподнятым. – У тебя гость.

Пип увидела широкую спину сидящего за столом брюнета в ладно скроенном костюме. Доминик! К своему удивлению, Пип почувствовала раздражение: нагрянул без предупреждения и испортил ей намеченное общение с дневником!

Что с ней? Ей следовало радоваться, что он здесь. Она и радуется, одернула она себя. Просто вышла неожиданность, а Пип в последнее время не жаловала неожиданности. Но, сделав над собой усилие, она пришла в нужное состояние.

– Доминик! – вскрикнула Пип и, оставив сумочку и дневник на буфете, бросилась к нему с распростертыми объятиями. – Какими судьбами? Я не знала, что ты приедешь в этот уик-энд. Ты не предупреждал. Как чудесно тебя видеть! – добавила она, задыхаясь, чтобы снять любые сомнения.

Доминик встал и, улыбаясь, раскрыл ей ответные объятия.

– Сюрприз!

Пип врзалась в него, уткнулась носом в его лацкан. Цитрусовый запах лосьона после бритья напомнил ей о прошлой жизни, еще секунду назад тонувшей в тумане. Он обнял ее, но стискивать не стал. Она тут же испытала приступ ледяной тревоги.

– Встречу в Бристолe отменили, – объяснил Доминик. – Появилось свободное время, вот я и решил к вам заглянуть. Надеюсь, ты не возражаешь?

– Ничуть, – отозвалась Пип, гоня свои сомнения. Все в порядке, сказала она себе.

– Извините, Рейчел, что ворвался к вам без предупреждения, – обратился Доминик к ее матери.

Та небрежно махнула рукой, как будто появление на ферме лишнего человека даже не стоило упоминания, хотя Пип знала, что мать будет переживать из-за содержимого своего холодильника и стараться угостить гостя согласно его высоким стандартам. Темой для

переживаний будет и состояние постельного белья. Семейство Эпплби не было подготовлено к неожиданностям.

– До ужина еще целый час, – предупредила мать. – Ступайте пока что в гостиную. Через несколько минут я принесу вам что-нибудь попить.

Пип отпустила Доминика и, удерживая на расстоянии вытянутой руки, стала его разглядывать. Он слегка отпустил волосы – видимо, в ее отсутствие забыл побывать у парикмахера. В остальном он выглядел привычно – разве что устал сильнее обычного.

Она взяла его за руку и потащила из кухни, подальше от своей матери. Пип чувствовала, как он бредет за ней по темному коридору в гостиную. Там, как обычно, без всякого учета времени года, весело потрескивал камин. На коврике перед камином разлегся старый кот, никак не прореагировавший на их появление.

Пип усадила Доминика на диван и прильнула к нему для поцелуя. Он ответил, но как-то формально, без малейшей страсти. Пип подумала, что ему, наверное, не по себе здесь, он чувствует себя не в своей тарелке. К тому же они давно не виделись, им требовалось время, чтобы опять друг к другу привыкнуть, а уж времени впереди было полно, целый уик-энд.

– Ну, Роз, – заговорил он, – как тебе живется здесь, на краю света?

Лондонское обращение здесь, в Суффолке, прозвучало странно, она успела от него отвыкнуть.

– Терпимо, не более того, – ответила она. – Но, кажется, я прихожу в себя, избавляюсь от скачков настроения. Дело продвигается медленно, но, кажется, мне уже лучше.

Правда ли это? Уверенности у нее не было, просто она знала, что он хочет услышать именно это. Доминик заждался улучшения, и ей ничего не оставалось, кроме как оправдать его ожидания.

– Но хватит обо мне, – спохватилась Пип. – Дома-то как? О чем сплетничают? Боже, как жаль, что я не знала, что ты приедешь! Я бы попросила привезти мне другое нижнее белье. И туфли – становится тепло, а у меня здесь только сапоги. Чудно, в Лондоне у меня все это есть, а здесь...

Она не договорила, но Доминик этого не заметил, он вообще не пытался отвечать на ее вопросы. В этом угадывался какой-то беспорядок, но у Пип еще не было уверенности, что что-то стряслось.

Она предприняла еще одну попытку.

– Как на работе? – Работа была единственной темой, гарантированно не оставлявшей его равнодушным. – Ты загружен?

Доминик кивнул, дернув себя за мочку уха. Эту его манеру Пип всегда находила трогательной, но сейчас она только усилила ее подозрения.

– Да, все мы света белого не видим. Но оно того стоит, работа достойная.

У Пип заныло сердце. Она соскучилась по своей прежней жизни, по духу соревновательности, понижавшему все, даже их отношения. Но ее не устраивало, что даже при ней Доминик продолжает думать о работе. Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться. Меньше всего приступ был нужен ей сейчас, когда она старалась убедить его, что поправляется.

– Кому достались мои дела? – осведомилась она, хотя предпочла бы не знать ответа.

– Прити, – ответил он. – У девочки получается, она быстро учится.

Еще один удар наотмашь. Прити была моложе нее, хуже того, последнее время она обхаживала Доминика: всегда с готовностью ему улыбалась, предлагала помощь. Не хватало, чтобы коллега начала теснить Пип сразу на нескольких фронтах!

Доминик поерзал на месте, откашлялся.

– Послушай, Роз, я приехал сюда не для разговоров про работу, – начал он. Пип немного успокоилась: ей не хотелось признаваться Доминику, как ее тревожит эта беседа. Будет гораздо лучше, если они перейдут от темы работы к чему-нибудь поспокойнее, пусть и приземленнее. Она улыбнулась и положила голову ему на плечо. Он отпрянул.

– Понимаешь... – начал было он и осекся.

Доминик подыскивал слова, кусая губы. Пип ждала с испуганно бьющимся сердцем. Что-то не так на работе? После возвращения ее ждут неприятности?

– Дело в том, что... – Новая пауза. Он взъерошил свои темные волосы. – Черт, нелегкая задачка!

– Что тебе нелегко? – спросила она. – В чем дело? Что-то случилось? Ты заболел?

– Дело совсем в другом, – промямлил он.

Пип была в растерянности. Ей никак не приходила в голову причина его нервозности.

– Что бы ни случилось, Дом, мы обязательно разберемся, – ласково проговорила она.

Он с трудом сглотнул.

– Думаю, нам надо расстаться, – выпалил он.

Эти слова прошили Пип навывлет, как пули, непонятно было только, откуда хлынула кровь.

– Знаю, тебе очень нелегко, сейчас совсем не время, но мне уже все надоело. У нас было неважно и до того, как ты...

До того, как я убила ребенка и испытала нервный срыв, подумала она, но не смогла произнести это вслух.

– Но... – начала она, но он поспешил ее перебить.

– Прости, Роз, я не хочу причинять тебе боль. – Доминик не мог смотреть ей в глаза и, кажется, произносил заранее приготовленную речь. Пип слышала слова, но ни одному не верила. – Честно, не хочу. Но я больше так не могу. Кто знает, сколько пройдет времени, прежде чем ты придешь в себя? Несправедливо для нас обоих с этим тянуть, создавать у тебя впечатление, что все хорошо, когда это не так.

– Но, Дом... – Пип дотронулась до его щеки, как будто физический контакт мог не дать разверзнуться пропасти между ними, но Доминик мягко, но решительно убрал ее руку и встал.

– Я приехал для этого. Хотел сообщить тебе лично, а не по телефону.

У него был такой вид, словно он ждет похвалы за свое благородство, но она молчала, и тогда он продолжил:

– А теперь я уйду. Прости меня, Роз. Повеселились, пора и честь знать. Нам обоим пора двигаться дальше, налаживать жизнь.

Пип не могла шелохнуться. Она разинула рот, но не смогла выдать ни слова. Пип чувствовала оцепенение, как обычно в эти дни. Оцепенение не проходило с момента трагедии.

Может статься, теперь так будет всегда.

Она искала какой-нибудь ответ, но на ум приходила только проза жизни. Он не может ее бросить. Он – это все, что у нее осталось, он – единственная связь с ее другой, настоящей жизнью. Если он сейчас уйдет, то она навсегда застрянет в капкане этого нового, фальшивого

мира. Она искала у себя в душе эмоциональную реакцию, зная, что он ждет именно этого, но ничего не находила: в душе было пусто.

Доминик оглянулся на нее от двери, вцепившись в дверную ручку.

– Прости, Роз, – повторил он. – Мне искренне жаль. Я уйду не прощаясь, сама потом все объясни родителям. Я свяжусь с тобой, обсудим, как быть с твоими вещами.

Он вышел через переднюю дверь, решив не пересекать кухню. Пип осталась сидеть, глядя туда, где он только что стоял.

– Пип! – донесся из кухни голос матери. – Кто это прошел через двор? Доминик? Пошел к машине за вещами? – Он появилась в дверном проеме – румяная, с томатным пюре на подбородке, похожим на свежий шрам. – Пип?..

Дочь смотрела на нее невидящим взглядом, ничего не слыша.

– В чем дело, Пип? Что случилось? Где Доминик?

Пип чувствовала непробиваемое спокойствие. Она даже не помнила, когда ей было так же спокойно раньше.

– Он ушел, – сказала она. – Все кончено, он ушел.

– Бедная моя девочка! – ахнула мать, мигом оказавшаяся на диване, рядом с дочерью, касаясь ее всем своим тучным телом. После трагедии Пип ни с кем, кроме Доминика, так тесно не соприкасалась, поэтому ей было странно чувствовать, как в нее перетекает материнское тепло. К своему собственному удивлению, она не отстранилась, сработал давно забытый инстинкт – впитывать материнское тепло в моменты отчаяния.

Пип не могла разобраться в собственных чувствах. Казалось бы, она должна была находиться в шоке, но если быть до конца честной с собой, то она знала, что разрыва не избежать. Все признаки были налицо: их странные телефонные разговоры, все более редкие посещения им фермы, все более широкая пропасть между ней и его лондонской жизнью. Расшифровать все эти сигналы было несложно.

Сначала она думала, что может положиться на Доминика, что переживет с его помощью весь этот кошмар, что он будет рядом, пока она снова не встанет на ноги, невзирая на все сложности.

Получалось, что она в нем ошиблась. Он не мог дать ей того, в чем она нуждалась, – не мог или даже не хотел. Второе было, наверное, ближе к правде. Если поверить тому, что она только что от него услышала, то он намеревался завершить их отношения еще до несчастья и выжидал, чтобы не получилось слишком поспешно, – не хотел ее бросать, пока она была в полностью разбитом состоянии. Но Пип не очень в это верилось. Раньше их отношения были прочными, без трещин. Скорее всего, он убедил себя, что их отношения были шаткими и раньше, чтобы оправдать свое нынешнее решение уйти.

От этого ей было больнее всего. Пока Пип вынашивала планы на совместное будущее после ее возвращения домой, он придумывал, как бы окончательно с ней расстаться. С кем он откровенничал? Сколько его друзей знали про его план ухода? Не исключено, что они даже жалели его: бедняжка Доминик, он остается с Роз, потому что она разбита, человека в таком состоянии не бросают. Она представила их болтовню на встречах, которые она пропустила, на пьяных вечеринках, на которых он бывал без нее, пока она гнила в Суффолке.

«Он в ловушке. Скорее всего, до того, как она убила паренька, их отношения были еще терпимыми, но потом с ней случился срыв, и от отношений ничего не осталось. Дому оставалось только дожидаться, пока ей станет лучше, а потом проститься».

«Это затянулось на месяцы».

«Так и есть. Я и говорю: бедный Дом».

Что, если они правы? Что, если он не уходил, пока не убедился, что она уже ничего с собой не сделает? Пип не могла поверить, что он так думал. Ни разу после трагедии у нее не было мыслей о самоубийстве. Но знал ли об этом Доминик? Знал ли он ее вообще?

– Пип, милая, ты в порядке? – спросила мать, нарушив ход ее мыслей, и положила ладонь на ее руку. От этого прикосновения Пип опомнилась. Они сидели рядышком, обеим некуда было деваться. Теперь эта близость показалась Пип чрезмерной. Возникла необходимость вырваться, заручиться пространством вокруг себя, защититься, создать личное защитное поле. Она отодвинулась от матери, чтобы вскочить и сбежать.

– Все нормально, – сказала она. – Пожалуй, я пойду наверх. Мне просто надо...

Больше ничего не объясняя, она выскользнула из комнаты. Пип чувствовала себя бестелесной, как облачко дыма, такой хрупкой, что достаточно было чихнуть – и от Филиппы Роз апплби ничего не осталось бы.

– Крикни, если тебе что-то понадобится... – успела сказать ей в спину мать.

Пип поднялась по деревянной лестнице на второй этаж, перешагивая через две ступеньки, ввалилась в свою комнату и захлопнула дверь, как уже делала много раз: сколько лестниц было преодолено, сколько дверей захлопнуто! Иногда ей казалось, что последние десять лет ее жизни, все ее достижения превратились в ничто. Никто здесь не понимал толком, что значит быть барристером. Ее отец разбирался в ее занятиях не лучше матери. Однажды она слышала, как он объяснял кому-то, что она зарабатывает защитой убийц; при этом он выпячивал грудь и следил, все ли в комнате внимают его рассказу. Пип сбилась со счета, сколько раз пыталась им втолковать, что барристеры бывают разные и что ни она, ни кто-либо из ее коллег не имеют дела с уголовным правом. Сначала она была

удручена тем, что отец совсем не замечает ее другой, настоящей жизни, иначе он так не перевирал бы все, но потом она увидела, с какой гордостью он про нее рассказывает, и была вынуждена взглянуть на это иначе. Так ли важны подробности, если главное верно? Отец гордится ее лондонской жизнью, даже не понимая ее. Разве этого недостаточно?

Но чем ему гордиться сейчас? Кто она теперь? Остались в прошлом костюмы с иголочки, торжественные выходы из здания корпорации барристеров на глазах у замерших зевак, гадающих, что она за важная птица; нет больше статусного бойфренда и всех достоинств жизни с ним.

Жизнь за жизнь.

Пип лишилась почти всего; что у нее, собственно, осталось? Она привыкла гордиться тем, что делает, а не тем, кем является, своей внешней оболочкой, а не происходящим у нее внутри. Для нее все затмевал статус, статус ее вылепил, сформировал. Теперь, когда облетела мишура, что осталось? Ее волочило по жизни, и не за что было уцепиться. Какой ужас!

Пип залезла в постель, но вместо того, чтобы забиться под одеяло, устала на реликвии своего детства, сохраненные в этой комнате, как в храме. Она ощущала пугающее спокойствие. Всего за полгода все составляющие ее жизни, которые она считала надежными, рухнули или испарились. Почему же она не плачет? Где мучительные рыдания, жгучие слезы, оплакивание себя напоказ, причитания, что надо было заранее подготовиться к такому катастрофическому повороту? Ее глаза были неприлично сухими. Если не считать неожиданно случившегося с ней уклона в философствование, не вызывавшего, впрочем, огорчения, она чувствовала себя хо-ро-шо.

Но это же неправильно! Где шок? Неужели шаткое душевное состояние лишило ее способности осмыслить случившееся? Да, в последнее время для нее стало привычным внутреннее онемение, но сейчас она чувствовала нечто иное. То было не отсутствие эмоциональной вовлеченности, вызванное психической травмой, как раньше, а что-то ближе к принятию. Опасливо попробовав свою эмоциональную глубину, Пип заключила, что она в порядке. Она испытывала даже облегчение. Теперь Пип точно знала, где находится.

После ухода из ее жизни Доминика в ней не осталось абсолютно ничего.

Она опустела, превратилась в вакуум, в ничто.

Эта ночь вышла бессонной, Пип даже не пыталась уснуть. Она осталась сидеть, прижавшись спиной к спинке кровати, и не отрывала взгляд от ночного неба в узком окне. Когда она удалилась в свою комнату, был только ранний вечер, и линялые ситцевые занавески так и остались незадернутыми, поэтому она угадывала ход времени по тому, как розовато-оранжевое небо превращается в темно-синее, а потом снова потихоньку начинает розоветь. Звезды замерцали, а потом погасли, тоненький месяц полз по своей неизменной траектории.

В три с чем-то ночи закукарекал петух. Когда она только вернулась на ферму, несносная птица будила ее каждое утро. В Лондоне ее сон не могли потревожить ни ночные гуляки, ни сирены, ни завывание противоголономных систем, но здесь жалобное кукареканье одного-единственного проказника вспарывало ее сон, словно нож.

«Какая ты после этого фермерская дочь», – усмехался отец в ответ на ее жалобы на петуха, и она думала: «Да, я не такая. Я не называю себя фермерской дочерью – по крайней мере, в разговоре с теми, чье мнение мне важно». Но отцу Пип этого, конечно, не говорила. Она не хотела, чтобы все вокруг знали о ее скромном происхождении, но еще меньше ей хотелось обидеть отца.

Наступило утро субботы, впереди простерся уик-энд, подобный чистой странице в тетради. Или в дневнике. Дневник! Из-за всей этой беды с неожиданным приездом Доминика и его последствиями дневник совершенно вылетел у нее из головы. От ее плана на уик-энд ничего не осталось. Но теперь, когда Доминик ушел – во всех смыслах этого слова, – что может стать лучшим способом отвлечься от неприятных мыслей о нем, чем возврат к плану А, временное погружение с головой в чужую жизнь?

Она откинула перину и спустила ноги с кровати. Дело было за малым: сбегать вниз, схватить дневник и шмыгнуть назад. Но стоило ей приоткрыть дверь своей спальни, как раздался голос матери:

– Это ты, Пип?

Пип охватило привычное раздражение. За раздражением последовал приступ клаустрофобии. Здесь даже вздохнуть нельзя было

без того, чтобы кто-нибудь не заметил и не попытался удостовериться, что она дышит правильно.

Мать окликала ее из ванной, дверь которой была распахнута. В ее семье никогда особенно не заботились о соблюдении приватности. Пип это не тревожило, пока она здесь жила и не знала, что бывает по-другому, но с тех пор она приобрела другие привычки.

– Вчера вечером я вернулась с пластиковым пакетом. Не знаешь, где он? – спросила она мать, подойдя к лестнице.

– Пакет со старой книгой? Я убрала его в комод. Не хотела, чтобы Дом... – Мать осеклась на полуслове, выйдя из ванной в одном вытертом полотенце, с упавшими на лицо мокрыми волосами песочного цвета. – Не хотелось беспорядка. – Ее щеки покраснелись еще ярче обычного.

– Все в порядке, мам, – заверила ее Пип. – Ничего со мной не будет, честно. Наверное, это только к лучшему. У нас уже давно начался разлад, а уж когда я застряла здесь... – Она сделала паузу, потом закончила: – Пожалуйста, не волнуйся за меня. Я не расклеюсь, ничего такого.

До нее дошла ирония сказанного, и она усмехнулась.

– Вот и хорошо, – ответила мать, хотя на ее лице читался скепсис, как будто она не до конца верила дочери. Пип тоже не вполне верила самой себе. Неужели ей действительно было под силу легко закрыть главу с уходом Доминика? С другой стороны, это же не настоящая она? Нет, это только оболочка, главное в ней – ее сердце, душа, самая сущность ее естества – было отложено, отодвинуто, заморожено трагедией, откуда же ей было взять нормальную реакцию на любые события?

Повисла неловкая пауза, мать и дочь застыли посредине лестницы, каждая ждала, пока другая заговорит.

Первой сдалась Пип.

– Я возьму пакет. – С этими словами она побежала вниз по ступенькам, не позволив матери продолжить расспросы.

За кухонным столом сидел Джек, наливавший в свою фляжку чай из огромного чайника, который всегда готовила ее мать. Пип замешкалась на пороге. Она спустилась в том же, в чем промаялась ночь, непричесанная, с размазанной тушью под глазами. Не то что ей

было дело до мнения Дджеза, но что-то все же задержало ее у двери. Не хватало, чтобы он увидел ее в таком жутком виде!

Но было поздно: он услышал ее шаги, поднял голову и встретил ее улыбкой.

– Ну и вид! – Он тут же скорчил виноватую гримасу – видимо, поздно вспомнил, по какой причине она вернулась на ферму. – Ох, Пип, прости! Я не подумал.

Она сделала успокоительный жест и покачала головой.

– Нашел за что извиняться! Знаю, выгляжу кошмарно. Не задалось со сном.

– Ага. – Пауза, потом он сказал: – Я, пожалуй, пойду. Меня ждет твой отец. Рад был тебя увидеть. – Он не отвел глаза, встретился с ней взглядом и продолжил смотреть, пока она не отвернулась.

– Хорошего дня! – напутствовала Пип его удаляющуюся спину.

Почему-то этот обмен репликами напомнил ей о подростковых годах, и она сообразила, что все то время, что уже провела на ферме, ни разу не пыталась переброситься с ним даже словечком. А ведь в их жизни был период, когда они были не разлей вода. Собственно, они вместе выросли: учились в одной школе, имели общих друзей, вместе приобретали жизненный опыт. Случился даже момент истинной близости: тогда обоим страстно захотелось секса, хотя и после этого они продолжили считать друг друга не более чем друзьями.

А потом она поступила в университет, а он пошел работать на ферму к ее отцу, и их развело в разные стороны. Правильнее сказать, это она подняла паруса и сознательно устремилась в противоположную сторону, к новым берегам. Теперь, когда Пип вернулась, он, зная, наверное, как и все остальные, что с ней стряслось, решил не проявлять любопытства.

Пип предпочла бы, чтобы он хотя бы немного полюбопытствовал. Было бы неплохо с ним поболтать, возможно, он больше, чем родители, понял бы ее чувства. Он всегда знал ее лучше, чем кто-либо еще во всем Суффолке, а может, и во всем мире, поэтому она вдруг испытала ностальгию по периоду в своей жизни. Пип пригласила бы его как-нибудь вечером вместе выпить, вспомнить былые времена. Ее мать говорила, что у него есть девушка, но кому повредит, если старые друзья немного посидят и выпьют вместе?

Она наблюдала в окно, как Джек залезает в «Лендровер». Да, было бы неплохо провести немного времени в его обществе.

Но прямо сейчас ей не терпелось сесть читать дневник, поэтому она быстро пересекла кухню, подошла к старому валлийскому комоду, открыла дверцу и заглянула внутрь. Пакет лежал на полке, бесцеремонно задвинутый к самой задней стенке. Она осторожно достала пакет, стараясь не дотрагиваться до редко извлекаемой на свет посуды. Заглянув в пакет, она убедилась, что дневник на месте – куда же ему было деваться? У ее матери не было ни времени, ни желания его читать. Ее хватило только на то, чтобы убрать пакет с дневником с глаз долой из опасения, что Доминик заподозрит ее семью в неряшливости, как будто такие мелочи могли иметь хоть какое-то значение. Пип закрыла комод и быстро поднялась по лестнице.

– Нашла? – раздался голос матери.

Пип вздохнула. Шевельнуться нельзя, чтобы за тобой не проследили!

– Да, спасибо!

Она вернулась к себе в спальню и плотно затворила дверь. Пожалуй, ей следовало бы потратиться на задвижку, если она здесь задержится; не успев подумать об этом, она устыдилась. Надо отдать матери должное, она искренне заботится о ее благополучии.

Пип опять устроилась в постели, уютно укрылась и достала из пакета дневник.

Роль констебля Карен Уокер была у нее в кармане, как сообщил по телефону Джулиан. Начало съемок было назначено на лето, показ сериала намечался после Рождества, в благословенные «темные зимние вечера». Какая прекрасная новость! Все получилось именно так, как они надеялись.

Эвелин уже стала записывать это в своем дневнике, но прервалась, чтобы смахнуть с лица слезы, инстинктивно прикрыв ладонями страницы. Меньше всего ей хотелось испортить чернильными разводами именно это место. Иначе, читая потом эту страницу, она непременно спросит себя, почему плакала, когда писала, – спросит и вспомнит...

Ладно, неважно. Что было, то прошло, теперь роль ее, и уже нет смысла ковыряться в том, через что пришлось пройти, чтобы ее заполнить. Пусть это будет началом ее успеха, она уже в нем не сомневалась и была готова его отпраздновать. Роль констебля криминальной полиции Карен Уокер в революционном полицейском сериале с главными героинями-женщинами укрепит ее в качестве успешной актрисы. К моменту появления титров после заключительной серии все важные люди уже будут узнавать ее в лицо. Ее сфотографируют для обложки «Радио Таймс», не будет отбоя от желающих взять интервью у нее и у мгновенно узнаваемой Мэгги Бут, утвержденной на роль инспектора. Только те немногие, кто не смотрит телевизор, не будут знать, кто такая Эвелин Маунткасл, – но кому, если честно, есть до таких дело?

Тогда чем вызваны слезы?

Вот уж действительно – чем?

Эвелин уронила дневник на кровать и натянула одеяло до подбородка. Она допишет позже, когда справится с бурей чувств. Сейчас все было еще слишком живо: сначала шок, потом восторг от

свежего известия. Эвелин еще не разобралась, как ей со всем этим быть.

Сейчас она чувствовала себя дурочкой. Наивной дурочкой. Оглядываясь назад, она поражалась, как умудрилась так плохо подготовиться, ведь было совершенно очевидно, что у Макмиллана на уме. Гостиничный номер в воскресенье – разве от этого можно было ждать чего-нибудь еще? Но, оставшись наедине со своей совестью, Эвелин честно отвечала себе, что ей не приходило в голову, что Макмиллан мог затевать нечто большее, чем простой разговор. А потом было уже поздно.

Когда он похлопал ладонью по дивану рядом с собой, она заартачилась. Эвелин слыхала о таких вещах, как же иначе! Кастинг через постель. Все знали кого-нибудь, кто через такое проходил. Но это, уговаривала она себя, совсем другой сценарий, и упорно отказывалась пододвигаться к Рори: нет, она не из таких актрис! Она получит роль в силу своих достоинств, иначе она ей не нужна.

Он уважительно отнесся к ее сопротивлению, улыбался, как будто признавал обоснованность ее упорства, она была даже довольна собой. Эвелин показала ему, что серьезно относится к своей карьере и не намерена ничего добиваться через постель. Он ее понимал, более того, проникся к ней уважением.

Потом он завел разговор о своей работе, о знакомых знаменитостях, о своих связях в Голливуде, которыми он не прочь поделиться с ней. От всего этого у Эвелин пошла кругом голова – впрочем, это мог быть и эффект виски. Когда он в третий раз наполнил ее стакан, она уже потеряла им счет. Эвелин старалась пить маленькими глоточками, но это было невозможно при таком натиске Рори.

Когда снаружи совсем стемнело, он встал и выключил верхний свет.

– Зачем он нам? – сказал он. – Так куда приятнее, вы не находите?

После этого Рори уселся с ней рядом. Эвелин попыталась отодвинуться, но при этом ей не хотелось вести себя грубо. Она свела колени и попыталась стать совсем маленькой. Но он положил свою огромную ухоженную лапищу на ее бедро и стал поглаживать его большим пальцем через ткань юбки. Край юбки немного задрался, и она пыталась его одернуть. Эвелин не была недотрогой, просто

совершенно всего этого не хотела. Она надеялась, что Рори правильно расшифрует ее сигналы, но они, видимо, совсем не соответствовали его намерениям, потому что он их игнорировал.

К моменту, когда он навалился на нее и стал целовать в губы, она уже знала, что будет дальше, и успела прикинуть варианты. Их было всего два: позволить событиям развиваться так, как он хочет, или отвергнуть его и уйти. Но в голове возникли все ее мечты, завораживающе достигаемая роль, квартплата, деньги на которую негде было наскрести, невыносимая перспектива ползти с поджатым хвостом к Джоан. Стало ясно, что остается один-единственный вариант.

Поэтому она зажмурилась и позволила ему ее целовать. Рори уже ласкал ей шею, грудь, расстегивал одну за другой пуговицы на ее блузке. Эвелин решила не бояться: пусть это будет просто секс. Секс у нее уже бывал, она знала, что делать, и была готова через это пройти, раз ему этого хочется и иначе роли ей не видать. Невелика жертва, думала она, пока он задирает ей юбку и стягивал с нее колготки – сначала до колен, потом до лодыжек.

Эвелин разыгрывала удовольствие – не даром же она актриса. Заставить себя что-то говорить она не могла, просто издавала звуки, предполагавшие наслаждение, в надежде приблизить кульминацию. Когда он в нее вошел, она искренне ахнула, но это, вопреки его фантазиям, не было признаком экстаза. Она попыталась расслабиться: читала где-то, что в расслабленном состоянии не так больно; пародируя удовольствие, она водила ладонями вверх-вниз по его спине. Спина оказалась широченная, вся в темных курчавых волосах. Как любопытно! Похоже на мех. Пока он совершал свои возвратно-поступательные движения, она думала о том, что никогда ничего подобного не видала. Мысли об этом мехе отвлекали ее от происходившего. Он делал свое дело, а она запускала пальцы в мех; вдоль позвоночника он оказался погуще, на ребрах пореже.

Наконец все кончилось.

Рори со стоном сполз с нее.

– Спасибо, милая, – сказал он, словно Эвелин оказала ему услугу. Она чуть было не ответила «пожалуйста».

Эвелин деловито села, натянула колготки, поправила юбку. Справиться с пуговицами на блузке оказалось сложнее, слишком

тряслись руки, но в конце концов она их застегнула. Он замер, распластавшись на кровати, в прострации после оргазма, как ей казалось. В то время как ей хотелось одного – сбежать.

Но сперва надо бы убедиться, что все в порядке.

– Вы скажете Майку, что хотите отдать роль мне? – спросила она как можно более твердым голосом. Эвелин не собиралась пасовать – таков был ее долг по крайней мере перед самой собой; на то, чтобы услышать ответ, у нее вряд ли хватило бы смелости.

Он открыл глаза и посмотрел на нее. Сначала вопрос как будто застал его врасплох, но потом он собрался с мыслями.

– В «Добро пожаловать в рай»? А как же, она твоя.

И он опять закрыл глаза. Эвелин приросла к месту, не зная, может ли она идти или от нее ждут чего-то еще. Но его дыхание стало глубже, и она сообразила, что он уснул. Она поправила волосы, сунула ноги в туфли, взяла сумочку и плащ. Скорее вон отсюда!

Вернувшись в свою комнату в холодной квартирке, она могла думать только об одном: она добилась роли. Остальное должно было со временем померкнуть. Она сделала то, без чего нельзя было обойтись, и убиваться из-за этого не было причин. Не она первая, не она последняя. Лучше счесть это мелкой составляющей работы и двигаться дальше, надеясь, что это больше не повторится. Без этого первоначального шага не было бы всех последующих, пусть это будет толчок, взлет к вершине. Она твердила это себе, но по щекам струились слезы.

Звуки на общей лестнице вернули ее к действительности. Эвелин услышала, как в замочной скважине поворачивается ключ. Это могла быть Бренда, а мог быть хозяин квартиры, считавший, вопреки их негоднованию, что имеет право приходить, когда ему вздумается, наплевав на желание съемщиц. У Эвелин упало сердце: только бы не он! Ей бы пришлось затаиться у себя до его ухода, потому что она задолжала ему и пока что не имела средств расплатиться. Вообще-то он был благоразумным человеком и уступил бы, если бы она попросила отсрочки, но на то, чтобы взывать к его уступчивости, у нее не было сил: только не сегодня, не сейчас!

Но, к ее облегчению, раздался голос Бренды:

– Эви, ты здесь?

Эвелин выпрямила спину, смахнула слезы, проверила, как выглядит, в старом пятнистом зеркале, поправила волосы.

– Да, я сейчас, только...

Но дверь уже приоткрылась, к ней в комнату заглянула Бренда с обмотанной толстым клетчатым шарфом шеей, из-за которого ее голова выглядела как торчащий из земли ананас.

– Привет, Эви, это всего лишь я. Я хотела... – Она осеклась и пригляделась к Эвелин. – Все хорошо?

В первую секунду та была готова сознаться, что именно сейчас чувствует, и даже объяснить почему. Бренда умела слушать, она бы ее не осудила, подруга бы поняла, что у нее не было выбора и что сделанное было единственным способом проложить себе дорогу. Да и поделиться с кем-то своей бедой было бы большим облегчением.

Но она вовремя вспомнила о неизбежности слухов и решила промолчать. Изобразила широкую улыбку, ту самую, которую столько раз играла на сцене, и ответила:

– Лучше не бывает. Только-только проснулась, вот и все. Представляешь, у меня невероятная новость!

Эвелин понравилось бракосочетание. Свадьбы всегда смахивают на театральное представление, когда каждый знает свою роль, свои реплики, свое место. Сама она еще не бывала невестой и сейчас с удовольствием сидела в компании других статистов, гордясь своей внешностью, реагируя по сценарию и неотрывно следя за главными действующим лицами. По ее мнению, это был прекрасный способ провести день.

Церемония происходила в магистрате Камдена. Эвелин предпочла бы присутствовать на венчании и сама выбрала бы только его, если бы выходила замуж, но Бренда и Джим сочетались браком только ради родителей, решительно восстав против белых платьев и увитых цветами скамей.

Выдался ясный мартовский день. Зимний холод постепенно сменялся более терпимой погодой, но Эвелин решила не рисковать и надела длинное платье, свое любимое – на покупку нового у нее еще не было денег; раньше она не думала, что когда-нибудь наденет его при Бренде. Утром, натягивая его, она убедилась, что местами оно ей жмет. Надо будет иметь это в виду. Любому известно, что телеэкран добавляет актеру десяток фунтов.

Дойдя до здания магистрата, она поднялась по лестнице. Присутствовать на бракосочетании без спутника было рискованным испытанием, но она не сомневалась, что не ударит в грязь лицом. Главное – улыбаться и сохранять уверенный вид, а разве это не то, для чего она появилась на свет?

Следуя указателям, она добралась до нужного зала. Гости в шляпках, с цветами на платьях выделялись среди большинства в джинсах с отвислым задом, в туфлях на платформе; сразу было видно, где друзья родителей, а где гости самих жениха и невесты. Эвелин решила, что ее облачение позволяет ей не причислять себя ни к одной из категорий, и сочла это плюсом.

Через минуту-другую двери открылись и гости хлынули в зал регистрации. Эвелин прошла в левую часть зала, где выбрала себе место примерно в десятом ряду. Темные деревянные панели на стенах

производили впечатление, добавляя церемонии торжественности, но до церкви этому месту было далеко. Джим стоял впереди с мужчиной, показавшимся ей знакомым, – она вспомнила их знакомство на вечеринке Бренды. Он переминался с ноги на ногу, словно пол был горячим, и то и дело оглядывался на дверь.

Голоса вокруг нее начали стихать и в конце концов совсем смолкли. Видимо, появилась Бренда. Эвелин привстала, чтобы ее увидеть. В этот момент мужчина в полосатом коричневом костюме шмыгнул в ее ряд и занял место рядом.

– Еле успел, – сказал он с широкой улыбкой. Глаза у него были светло-карие, в точности как волосы, как будто и то и другое было нарисовано одной кистью.

– Точный расчет, – шепнула в ответ Эвелин. – Еще немного – и вы бы пошли за ней по проходу, или как это здесь называется.

Она улыбнулась, показывая, что не осуждает его, и опять перенесла внимание на Брендю. Та ждала у двери в обществе кругленького господина с зачесанными на голый череп остатками волос. Наверное, это отец Бренды, решила Эвелин, хотя внешнего сходства не заметила. Он поощрительно кивнул Брендю, она – ему, и оба направились к Джиму. Зал наполнился пульсирующим диско-ритмом You Make Me Feel (Mighty Real) Сильвестра, половине гостей трудно было под него не приплясывать, другая половина весело переглядывалась. Эвелин затруднялась с суждением: хорошо, что не Мендельсон, но вокруг ощущалась какая-то тревога.

– Смелый выбор, – прокомментировал музыку мужчина со светло-кариими глазами.

Эвелин с улыбкой кивнула. Ей хотелось, чтобы он перестал к ней обращаться. Это было неуместно, но вежливость не позволяла ей просто его не замечать.

Бренда чудесно выглядела в своем светло-желтом брючном костюме. Назвать его свадебным не поворачивался язык, и Эвелин не хватало именно ощущения свадьбы, но Бренда озаряла своей широкой радостной улыбкой весь зал. Эвелин была страшно рада за нее. У Джима сделался такой вид, словно он копил для этого случая радость десятка рождественских вечеров: он заворожено смотрел на приближающуюся невесту, а та шла, слегка пританцовывая. Шагавший рядом с ней мужчина притоптывал одной ногой и отбивал рукой ритм

по своей полосатой штанине. Церемония становилась все радостнее, и Эвелин замечала, что регистратор все больше теряется, понимая, что все меньше управляет происходящим.

Когда Бренда дошла до Джима, музыка стихла, и старшие гости облегченно перевели дух. Дальше события развивались по более традиционному сценарию: клятвы верности и подписи в свидетельстве о браке. Эвелин встала и заплодировала счастливой паре, уже покидавшей зал. Ее сосед так лихо свистнул, что у нее заложило уши. Она инстинктивно накрыла их ладонями.

– Прошу прощения, перебор, – сказал он с застенчивой улыбкой. – На всякий случай, я Тед, Тед Баннистер.

Он протянул для пожатия не очень-то ухоженную руку. Эвелин подала свою, надеясь, что на ее лице не отразилась неприязнь.

– Эвелин Маунткасл.

– Идете тусоваться в паб? – осведомился он.

Эвелин кивнула, и он с преувеличенной ретивостью огляделся по сторонам.

– Никакого мистера Маунткасла? Где кавалер, готовый взять вас под руку?

По мнению Эвелин, он говорил с истинным лондонским акцентом, как будто родился прямо под церковью Сент-Мэри-ле-Боу.

Она покачала головой.

– Боюсь, я одна, – ответила Эвелин, подражая его выговору. Она уже избавилась от своего восточноанглийского акцента и гордилась тем, что никто не может, по крайней мере по голосу, определить место ее появления на свет.

– Раз так, вы позволите мне вас сопровождать? – спросил он.

Тед уже смахивал на Дика Ван Дайка из «Мэри Поппинс». Она колебалась, нужен ли ей при данных обстоятельствах кавалер, но подумала, что прийти с незнакомцем все равно лучше, чем совсем одной.

– Благодарю, было бы чудесно, – ответила она.

Тед оттопырил локоть, чтобы она взяла его под руку. Сразу возникло чувство непозволительной близости, но он улыбался, словно все это всего лишь веселый розыгрыш, поэтому Эвелин решила подчиниться: сделала легкий реверанс, кивнула и взяла его под руку. Пара вышла следом за другими гостями на улицу и направилась в паб

«Джордж и Дракон», где всех ждал шведский стол и танцы до самого закрытия.

Паб находился недалеко от магистрата. Эвелин постаралась заранее запомнить дорогу туда, чтобы никого не спрашивать, но оказалось, что это лишнее: ведущим оказался Тед.

– Идемте, – скомандовал он, не отпуская ее. – Доверьтесь мне. – Тед указал на переулок, перегороженный ящиками из-под яблок. – Здесь можно срезать.

Узкий проулок показался Эвелин подозрительным, но Тед успокоил:

– Не бойтесь, здесь совершенно безопасно. Я знаю эту часть города как свои пять пальцев. Вожу сюда товар для своего босса.

– Что именно возите? – осведомилась Эвелин, ей было любопытно узнать что-нибудь о своем спутнике.

– Разное, – отозвался он без особой охоты. – Говорю же, доверьтесь мне. Так мы сэкономим целых пять минут.

И, не давая ей возразить, он потянул ее в переулок. Впервые Эвелин стало не по себе. Вспомнились предостережения ее сестры Джоан: не ходи по темным переулкам с незнакомыми мужчинами! В этот раз она была готова с ней согласиться. Идти с ним было безумием. Ей следовало бы что-то сказать, отказаться идти незнакомым путем, настоять на возвращении на освещенную улицу; с другой стороны, было бы грубостью возражать столь учтивому провожатому. К тому же Тед вызывал доверие, а она считала себя знатоком характеров. Но уверенность в своей проницательности дала слабину, стоило ей вспомнить случившееся в «Хилтоне». Как жестоко она тогда просчиталась!

Теперь с этим, впрочем, ничего нельзя было поделать, и Эвелин покорилась, хотя при этом старалась мысленно составить карту маршрута, чтобы при необходимости бегом вернуться в начальную точку. Нужды в этом, правда, не возникло: вскоре, выйдя на людную улицу, они оказались прямо перед «Джорджем и Драконом».

– Видите? – Тед улыбался, как кот, наевшийся сметаны. – Что я вам говорил! Как свои пять пальцев!

Он толкнул и придержал деревянную вращающуюся дверь, пропуская ее вперед. Эвелин вошла и, сделав несколько шагов, остановилась, привыкая к полутьме. Паб был полон мужчин с пивом и

сигаретами. От застарелого запаха кислого пива, табачного дыма и сажи ее затошнило, захотелось шархануться назад, на воздух, но Тед упорно подталкивал ее в сторону барной стойки.

– Нам туда! Банкетный зал наверху.

На втором этаже не было такого марева, и Эвелин мигом полегчало. Зал был наполовину полон, она узнала по нарядам некоторых гостей свадьбы, но не их лица. Потом она увидела Джима, запарившегося в костюме, надетом в качестве уступки родителям. Она помахала ему рукой.

– Эвелин! – позвал он. Пара гостей оглянулась, это ей понравилось. Наверное, Бренда и Джим предупредили некоторых гостей, что их свадьбу почтит своим присутствием актриса Эвелин Маунткасл.

– Вижу, ты уже познакомилась с нашим Тедом, – продолжил он.

«Наш Тед»? Уж не родственники ли они?

– Мы с Тедом были однокашниками, – объяснил Джим. – Он был тем еще сорванцом!

Эвелин увидела краем глаза, как Тед скорчил гримасу, возражая против такого определения. Он так старался произвести на нее благоприятное впечатление! Она даже растрогалась.

– Но с тех пор он взялся за ум, – сказал Джим, торопясь исправить впечатление о друге. – Перед тобой образцовый гражданин.

– Я противник грубой лести, – подал голос Тед. – Мы с Эвелин прекрасно ладим и без твоих разглагольствований.

Он подмигнул, и Эвелин опять поймала себя на сбивающем с толку чувстве, что она сунула голову в логово льва.

– Справедливо! – уступил Джим. Кто-то помахал ему с другого конца зала. – Мне туда! – Он широко улыбнулся, наслаждаясь тем, что находится в центре внимания. – Знать бы еще, где моя благоверная!

– Неважное начало, приятель! – хмыкнул Тед. – Задумайся о поводке покороче.

Эвелин уже разглядела Бренду, окруженную желающими ее поздравить: помог ее светло-желтый костюм.

– Она вон там! – подсказала она молодожену.

Джим закивал, но направился к другой группе. Эвелин это понравилось: даже поженившись, Бренда и Джим остались независимыми людьми.

– Что-нибудь выпьете? – спросил Тед, и она вспомнила про него. – Игрстого перри?

Эвелин не возражала против перри, раз нельзя было попросить чего-нибудь покрепче, но в этой духоте, в клубках дыма, ее не прельщала сладенькая водичка. Ее все еще подташнивало, и спиртное вряд ли помогло бы.

– Просто апельсиновый сок, – попросила она. – Прохладный, неразбавленный.

Тед приподнял бровь, но послушно двинулся к стойке, оставив Эвелин одну. Она глазом моргнуть не успела, как он протиснулся сквозь толпу со стаканом сока. Указав кивком на свободный столик справа, он предложил сесть.

Эвелин колебалась. Сядешь сейчас с ним – весь вечер не сможешь от него отделаться: когда появится еда, все столики окажутся заняты. Но так ли это ужасно? Тед казался приятным малым. Он не вызывал подозрений. К тому же пока что с ним было весело. Это был не худший вариант, главным было не подавать ему неверных сигналов. Лучше провести время с ним, чем пытаться вклиниться в сложившиеся группы гостей.

– Почему бы нет? – отозвалась она, надеясь, что пауза не слишком затянулась.

Они уселись, Тед поставил перед ней сок. На всех столиках желтели бумажные скатерти, скорее рекламировавшие горчичный порошок, чем подражавшие костюму Бренды; тут же стояли желтые нарциссы в вазочках. В целом скромный зал над пабом получился вполне симпатичным.

– Здесь чудесно! – сказала она Теду, просто чтобы не сидеть молча. – Как думаете, когда подадут еду? – Она вдруг почувствовала волчий голод.

Тед пожал плечами.

– Понятия не имею. Раз приходится ждать, то, может, расскажете о себе? Откуда вы знаете Джима?

– Я его не знаю, – созналась она. – То есть толком – нет. Я снимаю квартиру на пару с Брендой. Теперь, выйдя замуж, она съехала.

– Вы остались в одиночестве?

– Да, – ответила Эвелин со вздохом. – Так и есть. Не знаю, сколько это продлится. Наверное, хозяин найдет мне соседку. Платить за

квартиру целиком я точно не смогу.

На самом деле ей и за себя-то было трудно платить, хотя это она обычно тщательно скрывала, чтобы сохранить у других несколько искаженное представление о своей жизни. Но в этом зале, полном людей, которых Эвелин либо не знала, либо не желала знать, она была не прочь немного приоткрыть чужому человеку правду о своем положении. Как это может ей повредить?

– Говоря начистоту, Тед, – продолжила она, – уход Бренды ставит меня в безвыходное положение. Не представляю, как с этим справиться.

Тед оценивающе посмотрел на нее. У него доброе лицо, подумала она, когда он не паясничает.

– Уж я знаю, каково это, – тихо сказал он. – Сам попадал в эту яму. У вас есть какой-нибудь план?

– На ближайшее время нет, – созналась она. – Мне брезжит неплохая работенка, только я не знаю точно когда.

– А пока вы никому не будете отпирать дверь и открывать конверты? – Он подмигнул, и она улыбнулась.

– Да, примерно так. Но хватит обо мне и о моих невзгодах, давайте лучше о вас. Чем вы занимаетесь?

Тед устался на свою кружку с пивом, поерзал на месте.

– Так, разными мелочами, – ответил он, не глядя на нее.

Это прозвучало не очень откровенно, но Эвелин обнаружила, что ей это неважно. Этот человек ее заинтриговал.

– Звучит захватывающе, – пробормотала она.

Тед пожал плечами.

– Большую часть времени приходится оплачивать счета.

Он допил пиво и указал на свою кружку и на ее стакан, тоже пустой.

– Еще по одной? Может, в этот раз чего-нибудь настоящего? Скучно пить одному.

Эвелин не хотелось спиртного, но стыдно было проявлять неблагодарность.

– Джин с тоником, – уступила она.

– Со льдом и с кусочком лимона? – спросил он, вставая. Она кивнула.

В углу сидел растрепанный диджей, стол перед ним был завален конвертами с дисками. Негромко звучал хит АВВА давностью в несколько лет, Эвелин невольно подпевала. Обстановка понемногу становилась более свойской. Бренда и Джим умели развлекаться. Голоса в зале, хвала выпивке, становились все громче. Эвелин решила уйти до того, как гости дадут себе волю. Но сначала надо было дожидаться угощений – отказаться от бесплатной кормежки она не могла; насытившись, она незаметно ускользнет. Если Бренда обидится, что она ушла не попрощавшись, то она как-нибудь с ней объяснится; но, честно говоря, она вряд ли заметит ее исчезновение.

Тед отлучился к стойке в третий раз. Тут как раз прозвучало приглашение к шведскому столу. Он и Эвелин оказались в первых рядах, после молодоженов, конечно, и оба набрали полные тарелки. Теду пришлось пальцами придерживать гору снеди, которую он набрал. Похоже, ему было все равно, что кто-то может отпустить реплику по поводу его чрезмерной прожорливости; Эвелин ничего не стала говорить, а просто принялась с наслаждением есть.

– Как вышло, что вас до сих пор не окольцевали? – обратился с ней Тед, простодушно облизывая жирные пальцы. – Такая интересная женщина! Вас давным-давно должны были прибрать к рукам.

Эвелин пожала плечами.

– Даже не знаю, с чего начать. Не встретился подходящий человек? Слишком занята на работе? Все время оказываюсь в неподходящем месте в неподходящее время? Можете выбирать.

– Но вы ведь хотите замуж, детишек, всего этого? – спросил он.

Таких вопросов ей еще никогда не задавали. Ей уже исполнилось тридцать, и люди, видимо, полагали, что ее не интересует обычная супружеская жизнь. На самом деле она ее интересовала. Еще как! От страшной мысли, что она может остаться бездетной, ее не знавшее любви сердце больно сжималось. Эвелин всегда считала, что это произойдет, когда наступит время, и переживала оттого, что этого, возможно, никогда не произойдет.

– Хочу, – ответила она. – Но сначала мне нужно многое сделать.

В этом месте собеседник обычно цокал языком, качал головой и отпускал бесполезный комментарий насчет того, что тянуть вредно. Тед поступил иначе: он просто кивнул, как будто посчитал ее реплику

разумной, и Эвелин испытала прилив благодарности к нему за понимание.

– А вы? Что особенного происходит в вашей жизни?

Повисла пауза, казалось, что Тед ушел в себя. Он перестал улыбаться, уперся взглядом в стол.

– У меня была девушка, – пробормотал он. – Энни-Фрид. – Он судорожно глотнул. – Но у нас не срослось.

Эвелин внимательно наблюдала за ним, ее так и подмывало засыпать его вопросами, но не хотелось его спугнуть. Пришлось сказать просто:

– Сочувствую.

Он пожал плечами.

– Такая вот трагедия. – Тед упорно смотрел на свое пиво. – Ушла к другому, к своему коллеге. К Бенни. Без слез не взглянешь: бородатый коротышка. Я просил ее дать мне шанс, но она все равно выбрала его. Ну что тут скажешь?

Тед наконец поднял глаза, и Эвелин обнаружила, что мужчина готов прыснуть. Он ее провел!

– Ну вы даете! – пробормотала она в притворном гневе. – Я уже была готова вам посочувствовать, а вы...

– Не сердитесь! – Он ухмыльнулся. – Не смог с собой справиться. На самом деле я был женат, но брак распался. Мы были слишком молоды. Расстались, оставшись друзьями, не затаив дурных чувств. У меня нет желания торопиться с повторением той же ошибки.

Что это, предостережение? Да какая, собственно, разница? Одно дело – планы на жизнь, и совсем другое – поиск мужа или даже просто любовника. Никаких поисков! Для этого она слишком занята.

Зазвучала песня Boney M., и гости тут же сгрудились в центре зала. Первого танца молодых не ожидалось. Если бы Эвелин выходила замуж, она бы очень хотела танцевать с мужем на глазах у своих родных и друзей.

Она вдруг поняла, что ужасно утомилась, и с трудом подавила зевок. Тед уловил ее состояние.

– Я вам наскучил? – осведомился он все так же с улыбкой.

– Извините, Тед, я вдруг почувствовала усталость. Пожалуй, мне пора домой.

– Позвольте мне вас проводить, – попросил он, и она оценила, что он не уговаривает ее остаться. Ее охватило неодолимое желание очутиться дома, в своей постели. Обычно она ценила общение с людьми, но в этот раз ее сломил приступ меланхолии.

– Давайте лучше без фокусов, – продолжил он. – Честное скаутское, я не допущу, чтобы вы в одиночестве слонялись в темноте по Лондону.

Можно ли ему доверять? Эвелин склонялась к положительному ответу. Они провели вместе несколько часов, и он ни разу не дотронулся даже до ее колена.

– Сделайте одолжение, – разрешила она. – Если это не злоупотребление вашей добротой.

– Попрощаемся с молодыми? – спросил он ее.

Бренда и Джим самозабвенно прыгали среди других гостей. Ничто не указывало на то, что они скоро устанут. Эвелин отрицательно покачала головой.

Они встали. Тед допил пиво, обошел танцпол и спустился вниз. Эвелин вышла на улицу следом за ним. Было прохладно, небо очистилось, в нем уже мерцали первые бесстрашные звезды.

– Когда я жила в Суффолке, – сказала на ходу Эвелин, – звезд было не счесть. Особо ясной ночью можно было разглядеть даже Млечный Путь. Я всегда жалею лондонцев, они не догадываются, что там, над ними.

Оба засмеялись, и Эвелин позволила себе взять Теда под руку, совсем как по пути в паб. Разница была в том, что между ними возникло взаимопонимание, прежнее неясное состояние сменилось подобием дружбы.

– Спасибо, что составили компанию, – сказала она ему перед своей дверью. – Мне понравилось.

– Не стоит благодарности, – ответил он. – Я тоже прекрасно провел время. Можно попросить номер вашего телефона? Можем встретиться как-нибудь вечером и найти другой паб, чтобы хорошо там посидеть.

Эвелин подумала долю секунды и тупым карандашом, выуженным из сумочки, нацарапала на завалявшемся в кармане чеке номер.

– Хотите – звоните сами, – предупредила она, подмигнув. – Не ждите, что я буду перезванивать.

Тед оставил ее у двери, не попытавшись поцеловать, и Эвелин с удивлением поняла, что разочарована. На его звонок можно было не рассчитывать. Такие, как он, никогда не звонят. Но свадьба все равно получилась чудесная.

Наконец-то дело с сериалом «Добро пожаловать в рай» сдвинулось с мертвой точки. Несколько недель после обещания роли прошли без дела, и Эвелин поняла, что дальше жить без работы не сможет. Но бегать на пробы больше не требовалось: подвернулось теплое местечко в риелторском агентстве. Она коротала время за заполнением бланков и рассылкой писем, фантазируя при этом о покупке собственного дома на предстоящий заработок. Работа в риелторском агентстве оказалась прекрасным способом развить в себе мечтательность.

Когда она покидала контору в пять тридцать, Тед ждал ее в кафе через дорогу. Такие встречи за чаем в конце рабочего дня вошли у них в привычку. Тед оказался верен своему слову: он позвонил ей после свадьбы Бренды и предложил выпить вместе и поболтать. Он не намекал, что это будет свидание. Эвелин устраивал такой вариант. Теда это вроде бы тоже устраивало: паб быстро сменился кафе с чашкой чая, откуда каждый возвращался к своей жизни, к тому, что готовил ему вечер. Эвелин ее вечер готовил совсем немного. Офисная работа оказалась неожиданно изматывающей, к шести часам она бывала выжатой как лимон. Эвелин не знала, чему посвящает вечера Тед, и не проявляла настойчивости, если он отказывался об этом говорить. Достоинствами такого расклада были для обоих хороший разговор и спокойная дружба.

Эвелин не дождалась «зеленого человечка», перебежала дорогу, виляя между машинами, и нырнула в кафе. Тед сидел за их обычным столиком у окна с двумя чашками чая и тарелкой солодового молочного печенья. Иногда вместо печенья были песочные коржики или крекеры, а в один памятный день на тарелке лежали шоколадки для улучшения пищеварения. Все зависело от того, что оставалось у хозяина кафе Санжита после напряженного дня.

В этот раз на Теде были джинсы и футболка. Иногда он ждал ее в пиджаке и галстук, иногда в коричневом костюме. По предположению Эвелин, это отражало его дневной досуг, о котором она никогда не спрашивала, ограничиваясь вопросом «хороший день?». «Средней

паршивости», – неизменно отвечал он. Обычно Тед, дожидаясь ее, просматривал страницу частных объявлений в лондонской «Ивнинг Стандарт». Этот раз не стал исключением.

«Никогда не знаешь, что можно отыскать среди частных объявлений, – объяснил он как-то раз, когда она спросила, чем ему так интересны последние страницы газеты. – Здесь, в этих рамочках, – жизнь всего Лондона в миниатюре».

Они уже делились друг с другом подробностями своей жизни. Она знала, что он живет с матерью в Хекни, в квартире на семнадцатом этаже. Кроме него, о ней, похоже, некому было позаботиться.

«Мать уже немолода, – рассказал он Эвелин. – Лестницы ей теперь недоступны, а лифт вечно ломается. Я просил муниципалитет подыскать для нее что-нибудь более подходящее, но все без толку. Одному богу известно, что с ней стало бы и кто делал бы для нее покупки. Всем все равно».

Многочисленные огрехи муниципальных властей были регулярной темой сетований Теда, но Эвелин знала, что он бесконечно предан матери и с радостью посвятил бы уходу за ней всю жизнь.

Какая огромная разница с отношениями в ее собственной семье! Это они тоже подробно обсудили за чаем.

«Я одного не понимаю! – возмущался Тед всякий раз, когда поднималась больная тема родни Эвелин. – Почему они не смогли принять твоё желание быть актрисой и помочь тебе его осуществить? Мне это кажется бессмыслицей: взять и спровадить тебя!»

«Не сказать, чтобы они меня спровадили, – возражала Эвелин. – Я уехала по собственному желанию».

«Но только потому, что они тебя предали. Будь у меня дети, я бы постарался, чтобы они знали, что я всегда на их стороне, что бы они ни захотели делать, – отвечал он, болея за нее и нисколько не сомневаясь в собственных родительских талантах, невзирая на очевидное – отсутствие у него детей. – Да, и еще! – распаялся он. – Почему Пит и Джоан стоят на своем теперь, когда родителей больше нет на свете? Это для меня полная загадка. Да кто они такие, чтобы диктовать, как тебе следует жить, а как не следует?»

Эвелин забавляло, что Тед так свободно рассуждает о ее брате и сестре, даже называет их укороченными именами, хотя ни разу их не

встречал. Ее брат Питер никогда в жизни не откликнулся на «Пита». Еще ее грело возмущение, которое у него вызывала допущенная к ней несправедливость: ни с чем похожим она еще не сталкивалась.

«Зря ты их осуждаешь, – говорила она в ответ (хотя сама их осуждала, еще как!). – Никто из них никогда меня не понимал. Ну да ладно, мне туда не возвращаться».

«Вот выйдет на экраны твой сериал, они убедятся, что ты была права, и проглотят язык».

Тед торжественно выпрямлял спину, а Эвелин не хватало духу уточнить, что у сестры Джоан даже нет телевизора, а значит, сериала ей не видать.

– Как все прошло у Джулиана? – осведомился Тед в этот раз, закрывая и складывая газету.

– Лучше не бывает, – ответила Эвелин, воодушевленно кивая и одновременно пробуя печенье. – Через неделю начнутся репетиции.

– Наконец-то! – воскликнул Тед, но Эвелин покачала головой.

– Как-то быстро все произошло для телевидения. Хотя, конечно, уже пора.

– Познакомишься с актерским составом. С режиссером ты, кажется, уже знакома? А с продюсером?

При упоминании Рори Макмиллана ее затошнило.

– Я встречалась с обоими на разных этапах, – ответила она.

Тед достал ногтем крошку печенья изо рта.

– Какие они? – поинтересовался он. – Телевизионщики всегда казались мне самодовольными типами.

Эвелин помедлила, решая, как повернуть разговор. Признаться Теду, как она на самом деле ко всему этому относится и почему? Было бы чудесно поделиться с кем-то правдой о происшествии в гостиничных апартаментах, о своих чувствах по этому поводу. Но тогда она уже не сможет запереть случившееся в дальнем углу своей головы и забыть о нем. Расскажешь кому-то – и эта уродливая ситуация станет реальностью.

– О! – бросила она самым беззаботным тоном, на какой была способна. – На самом деле они неплохие люди. Просто надо уметь с ними обращаться.

– Вы только ее послушайте! – усмехнулся Тед. – Какая умудренность!

Он дразнил ее, в этом не было ничего дурного, но никогда еще она не чувствовала себя менее умудренной, чем сейчас.

Дневник был помечен 1983 годом, от этого Пип еще больше разбирало любопытство. Может быть, автор регулярно вела дневник? Может быть, этот – один из многих? Если так, почему ей не попались другие? Предположим, человек, отнесший дневник в благотворительную лавку, сознательно выбрал именно этот год. Она представила шеренгу дневников на полке и руку неизвестного, выбирающего год на отбраковку. Вряд ли такова была причина появления дневника в лавке, но сама идея ей понравилась. Нельзя ли с такой же легкостью изъять из ее собственной жизни последние шесть месяцев? Пошла бы она на это? Не задумываясь, решила она. Не задумываясь!

Впрочем, скорее всего, появление дневника в лавке объяснялось досадной случайностью. Досадной для автора, но счастливой для Пип.

Дневник был формата А5, с веселенькими оранжевыми маргаритками на обложке, у каждой желтенькое пятнышко в середине. Пип потрогала вытисненные цифры 1983, немного поразмыслила, этичен ли ее замысел, и снова пришла к выводу, что дневник не настолько интимен, что о нем лучше умолчать.

В глубине души она понимала, что это не так. Никто не стал бы намеренно оглашать содержимое дневника. Нет такого намерения – уничтожишь его, и дело с концом. То, что этот в конце концов угодил в коробку с книгами в благотворительной лавке, значило одно: это произошло по ошибке. Но, рассуждала Пип, эту ошибку она может исправить, попробовав определить по содержанию дневника, кто его автор. С точки зрения этики этот довод, конечно, прихрамывал, но что с того? Она же не в суде!

Более-менее удовлетворенная своей хромой логикой, Пип открыла дневник – и тут же, на первой странице, наткнулась на ответ на свой вопрос. «Дневник принадлежит...» И дальше большими печатными буквами: «ЭВЕЛИН МАУНТКАСЛ».

У Пип упало сердце. Задача выполнена. Дневник принадлежал некой Эвелин Маунткасл, и, чтобы узнать это, ей даже не пришлось начинать чтение. Теперь оставалось только выяснить местонахождение владелицы и вернуть дневник ей.

Но Пип это не нравилось. Она была готова приступить к изучению чужого мира, хотя бы ради недолгого забвения своего собственного. Разве она этого не заслуживает? Ее собственная жизнь испорчена, и не исключено, что непоправимо. А раз так, почему бы не позволить себе небольшое послабление?

Договорившись со своей совестью, Пип перевернула страницу.

По кремовой бумаге текли, как вода из ручья, пузырьясь и пенясь, легко читаемые разборчивые строки. Даже не вчитываясь, Пип угадывала воодушевление автора этих коротких энергичных фраз – взять хотя бы количество восклицательных знаков! Над *i* стояли точки, но Пип уже виделись на их месте пузырьки.

Пип знала, что почерк человека многое говорит о его натуре. Перед ней лежало наглядное свидетельство вкуса к жизни, даже некоторой восторженности. У самой Пип почерк был ровный, легко читаемый, скучноватый. В детстве ей хотелось выработать почерк пооригинальнее, передающий ее непохожесть на остальных, но стоило перестать стараться – возвращалась прежняя скучная скоропись.

Но сейчас она столкнулась с чем-то совершенно другим; сам почерк Эвелин Маунткасл рождал у Пип симпатию к ней. Она прикинула нынешний возраст Эвелин, но задачу затрудняло отсутствие подробностей ее жизни. Аналитический ум Пип лихорадочно заработал. Судя по уже прочитанному, у Эвелин была дочь Скарлетт, в то время совсем малышка. Если в 1983 году Эвелин было лет тридцать, то теперь ей должно быть в районе шестидесяти. Это позволяло надеяться, что она жива. Книги и дневник могли попасть в коробку в результате посмертной уборки в ее доме, но такую вероятность Пип отмела.

Тяжело вздохнув, она приняла сознательное решение продолжить чтение.

1 января 1983 г.

С днем рождения, Эвелин!

До Скарлетт (назовем это Д.С.) я бы встречала год на шумной вечеринке, следила бы за стрелками, приближающими день моего рождения. Я бы прыгала на месте, привлекая внимание окружающих к тому, что это я рождаюсь, а не очередной год. Честно говоря, я уже плохо помню те беззаботные деньки. Такое ощущение, что тогда все происходило не со мной, в совсем другой жизни.

1983 год я встречала в постели, а не на вечеринке (хотя бы не спала – не забыла, что начало нового года следует как-то отметить, пускай и в тишине). Где-то дальше по улице веселились, гуляки шумно проходили мимо моего дома. Джоан открыла окно и наорала на них: нечего, мол, мешать спать приличным людям. Ирония в том, что своим воплем она, наверное, разбудила еще больше народу. Ну не понимает человек, что такое веселье!

Я урвала несколько часов сладкого сна, а потом меня разбудила Скарлетт: пришла ко мне в комнату, залезла в постель, прижалась своими холодными ножками к моим теплым ногам. Даже вспомнила про мой день рождения – очень трогательно для трехлетки! Такой впечатлительный ребенок!

Начало года – самый лучший момент, чтобы оценить, где ты находишься и куда тебе хочется попасть. Я не там, где хочу быть! Это просто. Гораздо труднее что-то изменить, но я собираюсь поставить в 1983 году цель все вернуть на круги своя. В следующем году Скарлетт пойдет в школу, сначала это будет прогулочная группа; но у меня наконец-то появятся драгоценные часы для себя. Может, я даже найду какую-нибудь работу и покончу с полной зависимостью от Джоан. Та беззастенчиво скупится на каждый пенни, который вынуждена тратить на меня и Скарлетт. Если я смогу работать, то начну хотя бы немного участвовать в расходах, а то и откладывать кое-что на будущее бегство!

Тед говорит, что после переезда в Лондон нетрудно будет найти кого-то, кто бы присматривал за Скарлетт после школы. И тогда я смогу полноценно вернуться к работе. Я уже буквально считаю дни...

К тому моменту, когда отцовский «Лендровер» с рычанием въехал во двор, Пип добралась до конца февральских записей. Судя по всему, живя с дочерью Скарлетт и сестрой Джоан, Эвелин Маунткасл света белого не видела. Все происходило в Саутволде, иначе ее дневник не

попал бы в здешнюю благотворительную лавку. В нем пару раз упоминались места, которые Пип помнила по своему детству, хотя она не нашла ничего, что позволило бы определить, где находился ее дом.

Она взяла телефон и написала в «Гугле»: «Эвелин Маунткасл, актриса». Урожай был невелик, всего лишь упоминание роли в драме семидесятих годов «Вверх-вниз» с фамилией, датой рождения и местом – Саутволд, Суффолк. Фотографии не было.

Раз Эвелин из Саутволда, кто-то должен о ней знать, может, даже мать самой Пип. Саутволд невелик, ее родители прожили здесь всю жизнь. Она быстро натянула джинсы и футболку и спустилась вниз завтракать.

Ее отец и Джек, уже проработавшие пару часов на ферме, сидели за столом, мать в туго повязанном фартуке в горошек подавала им шипящие ломти бекона к намазанным маслом лепешкам. При появлении Пип Джек поднял голову и робко улыбнулся. Взгляд отца был озадаченным, сбивающим с толку; она не сразу сообразила, что он, наверное, знает о драме с Домиником и тревожится за ее состояние.

– Доброе утро, Пип, милая, – сказал он. – Как ты?

В его голосе слышалось беспокойство, но она знала, что отец никогда не спросил бы ее напрямую о личной жизни. Такие разговоры считались сугубо женскими.

Она улыбнулась, чтобы его успокоить.

– Все в порядке, спасибо, папа.

Он еще на секунду-другую задержал на ней взгляд, как будто желая удостовериться, что она не врет, а потом продолжил завтракать.

Пип подняла чайник и попробовала ладонью, горячий ли он.

– Как насчет бекона? – спросила ее мать. Пип отрицательно покачала головой. Ей разонравились сытные фермерские завтраки. В Лондоне она ела на завтрак фрукты, йогурт и мюсли, иногда – авокадо. Бывало, обходилась одним кофе. Боже, как она соскучилась по кофе!

Хотелось невзначай спросить мать об Эвелин, не упоминая похищенного дневника. Дневник был ее тайной, которой ни с кем не следовало делиться.

– Хочу спросить, мам, – начала она самым беззаботным тоном. – Ты что-нибудь слышала об Эвелин Маунткасл?

Мать поджала губы и наморщила лоб, роясь в памяти.

– Эвелин Маунткасл? – пробормотала она и покачала головой. – Как будто нет, а что? Кто это?

– Так, никто, – торопливо ответила Пип. – Услышала в лавке обрывок разговора, только и всего. Подумала, вдруг ты ее знаешь.

– Извини, милая. А ты знаешь про Эвелин Маунткасл, Рой? – обратилась она к мужу. Тот тоже помотал головой.

– Ладно, неважно, – сказала Пип. – Так, простое любопытство.

Хорошее настроение Пип оказалось таким хрупким, что не выдержало мелкого разочарования. Глупо было надеяться, что ее родители что-то знают об Эвелин. Но чем черт не шутит? Что ж, в этом, как и во многом другом в последнее время, ей не повезло. Теперь она спросит об Эвелин у Одри. Может, и сама ее узнает, если та часто заглядывает к ним в лавку. Надо будет хорошенько все разнюхать на работе, вдруг там ее ждет успех?

Джес прожевал свой бекон, допил чай и вытер рот тыльной стороной ладони.

– Я знаю мисс Маунткасл, – сообщил он, глядя в тарелку. – Моя мать у нее убиралась. То есть не у нее, а у другой мисс Маунткасл. Они сестры. Она живет на набережной, в одном из больших домов, у которых окна выходят на мыс. Или раньше жила. Мать давным-давно там не работает. Но я ее помню, та еще была корова. Не Эвелин, другая. – Он откусил от кекса и стал жевать, отчего разговор прервался.

Другая мисс Маунткасл – это, наверное, Джоан из дневника, подумала Пип, довольная, что пазл начинает складываться.

– Ты не знаешь, живет ли она там до сих пор? – спросила она Джеза, не обращая внимания на удивление матери, но Джез молча пожал плечами и покачал головой.

– Напомни, как ты о ней узнала? – спросила мать.

Пип нельзя было медлить с ответом. Не хватало, чтобы в это вмешалась мать! Это было ее личное приключение.

– Сама не знаю, – отозвалась она небрежно. – Услышала имя, вот и все.

Пип постаралась изобразить безразличие. Мать перестала мыть посуду в раковине – сигнал, что объяснение Пип не показалось ей убедительным.

Взяв один тост с тарелки, Пип стала сосредоточенно намазывать его маслом. Потом отец заговорил о видах на урожай, и Эвелин Маунткасл была забыта.

Настал понедельник. Большую часть выходных Пип провела в мире Эвелин и утром без всякой охоты покинула его ради возвращения на работу. Когда мать впервые заговорила о том, что дочь могла бы помогать Одри, речи о полной занятости в благотворительной лавке не шло, все должно было ограничиться шансом для Пип отвлечься от фермы и прийти в себя. Но шли недели, Пип стала приходить в лавку каждый день, и никто не возражал. Если бы не работа, ей пришлось бы и дальше копаться в себе, что было губительно для ее душевного состояния.

Пип, конечно, не скрывала от себя, что отказ признавать тьму внутри – путь к оттягиванию своего исцеления, но ни на что другое она пока что не была способна. Ярчайший пример – история с Домиником. Он оставался ее партнером более двух лет, пока не грянула трагедия. Она переехала в его шикарную квартиру, научилась ценить его друзей, разделяла его экстравагантные вкусы: он предпочитал кашемировые свитеры и шелковые платки. Его жизнь стала ее жизнью, и Пип уже осмеливалась надеяться на длительное совместное будущее.

И вот он ушел, испарился из ее мира, как пар из его модной кофемашины, а она не пролила почти ни слезинки. Ей хватало ума, чтобы понимать: отсутствие реакции отражает не столько горе из-за разрыва, сколько все ее состояние. Пип превратилась в эмоциональный пустырь. Ничто больше ее не трогало, ничто не могло пробить панцирь, в который она влезла, потому что то, что с ней уже произошло, оставляло далеко позади любые другие эмоциональные встряски.

Когда она позволяла себе думать о трагедии – робко, опасливо, так трогают кончиком языка язвочку во рту, – то возникало чувство, что она уже никогда не станет прежней. Уже месяц обходилось без настоящих панических атак, но ее не переставали преследовать воспоминания: автомобильный гудок, визг шин, завывание сирены – все могло спровоцировать новый приступ страха. Сущие мелочи могли заставить ее сердце бешено забиться: выезжающая из боковой улочки

машина, пешеходы, ожидающие на самом краю тротуара щелочку в плотном потоке машин, чтобы перебежать на другую сторону улицы... Этого могло хватить, чтобы перед ее мысленным взором снова разыгралась та чудовищная трагедия.

А уж дети... Она больше не садилась за руль автомобиля и вряд ли могла кого-то покалечить, сидя за рулем велосипеда, но появление у дороги детей так оживляло в ней воспоминания о несчастье, словно оно произошло вчера. При виде женщин, беспечно толкающих перед собой детские коляски и виляющих между машинами, или мальчишек на скейтбордах, преследующих мяч или погруженных в какое-нибудь еще более опасное занятие, она боролась с желанием поднять крик, предостеречь их от беды, которую они приближали забвением собственной безопасности. Пип ненавидела наушники, тележки с мороженым, стайки подростков, других велосипедистов – все, что могло отвлечь ребенка, побудить его выбежать на дорогу и угодить под колеса случайной машины, как случилось с тем несчастным мальчишкой. Она чувствовала потребность спасти другие жизни, раз не сумела спасти его жизнь. И хотя технически, нравственно, юридически Пип была невиновна, сама она своей невиновности не признавала. Она убила ребенка. Она, а не кто-нибудь другой! И это чувство вины никогда ее не оставит. Оно с ней навсегда.

Единственный выход, который она нашла, – не позволять себе праздности. В данный момент у нее было занятие – ехать на работу.

В то утро лавка встретила ее распахнутой дверью: торговля уже шла, пусть ни шатко ни валко. Женщина с неестественно рыжими волосами яростно рылась на стеллажах с одеждой, разыскивая что-нибудь поновее. Еще две особы небрежно копались во всем сразу, не переставая болтать. До начала работы в благотворительной лавке Пип не могла себе представить, как много людей не мыслят ни одного дня без копания в чужом барахле. Она даже не знала, есть ли в ее районе Лондона такие лавки. Работа здесь оказалась поучительным опытом, сбивающим спесь. Повесив плащ на крючок, Пип пошла искать Одри, чтобы доложить о своем прибытии. Она застала ее у кассы, за разговором с покупательницей. Сложив покупки, Одри рассовала их по потрепанным пластиковым пакетам и ссыпала из блюда скудные гроши, назначенные лавкой за товар. Не желая прерывать разговор,

Пип стала наводить порядок на книжных полках. Бездельничать на глазах у Одри значило навлечь на себя ее гнев.

Когда та освободилась, Пип подошла, поздоровалась и спросила, как прошла распродажа.

Одри чуть заметно кивнула ей и скупой улыбнулась. Пип сразу поняла, что распродажа удалась и что Одри приписывает этот успех себе одной.

– Лучше не бывает, – похвасталась она. – Внесем еще денег на ремонт церковной крыши. Что у тебя? Хорошо провела уик-энд?

Мысли Пип перескочили на Доминика, вспомнилось его лицо, когда он объявлял ей, что уходит; пришлось заставить себя сразу переключиться на другое.

– Тихо-мирно, – ответила она, напряженно раздумывая при этом, как добыть нужные сведения, не спровоцировав ненужных вопросов. В конце концов она пошла простейшим путем. – Одри, вы, случайно, не знаете некую Эвелин Маунткасл?

Одри в это время раскладывала, сортировала миниатюрные открытки, ставя в первый ряд самые популярные сюжеты.

– Актрису Эвелин Маунткасл? – переспросила она, не поднимая глаз. – Общаться не общалась, но на улице я ее узнала бы. Хотя на улице ее вряд ли встретишь.

Этот ответ был до того дразнящим, что Пип запнулась, решая, за какой конец ухватиться.

– Не знала, что она актриса... – начала она, хотя, конечно, знала.

– Была, – коротко уточнила Одри, а потом решила перейти к подробностям. – Пользовалась известностью в семидесятые годы. Потом разразился скандал, она вернулась в Саутволд и... Дальше произошла трагедия. – Одри скорбно покачала головой.

– Что именно случилось? – спросила Пип, стараясь не быть заподозренной в праздном любопытстве, но неспособная скрыть жгучий интерес.

– Ее дом попросту притягивал беды, – продолжила Одри. – Немудрено, что она малость чокнулась. Там любой съезжал с катушек. Ну, что-то вроде этого.

«Вроде чего?» – чуть было не спросила Пип, но тут из глубины лавки прозвучал зов покупательницы, не справившейся с застежкой-молнией, и Одри поспешила туда, оставив Пип недоумевать.

На протяжении дня она пыталась создавать условия, чтобы еще раз расспросить Одри об Эвелин Маунткасл, но безуспешно. Спросить напрямую она побаивалась – вдруг ляпнет ненароком, что присвоила дневник? Одри бы ей этого не спустила.

Похоже, Одри знает подноготную всех и каждого в городке, размышляла Пип, разбирая одежду и складывая в стопки. Если чего-то все же не знает, то не успокоится, пока не устранил пробел. Правильнее было больше не тормозить проницательную Одри, а попытаться добыть желаемые сведения у другого, менее любопытного знатока местной жизни.

На ум ей тотчас пришел Джек. Тот определенно знал кое-что о той семье, к тому же Пип не сомневалась, что он не станет допытываться, почему она спрашивает. Провести немного времени в его обществе тоже было бы недурно. После их встречи на кухне она была к этому готова и даже ждала удовольствия от этого общения.

К концу дня Пип решила, что проведет вечер у себя в спальне, на пару с дневником. Все лучше, чем коротать время с родителями! Они бы выпытывали, как она себя чувствует после ухода Доминика, а ей не хотелось об этом говорить.

Но вечером, придя в кухню, чтобы поужинать, она почувствовала в воздухе какое-то напряжение. Родители, садясь, переглядывались – не иначе, их подмывало что-то сказать.

Долго ждать не пришлось.

– Мы тут с твоим отцом поговорили, – начала мать, раскладывая по трем тарелкам пирог с рыбой.

– Правда? – отозвалась Пип, потупив взгляд.

– В общем... – неуверенно продолжила мать. За столом повисла неуклюжая тишина. Пип ждала продолжения. Ее возмущало, что ее обсуждают у нее за спиной, как и то, что она дала для этого повод.

– В общем... – повторила мать. – Мы подумали, что... – Она встретилась взглядом с отцом Пип и умоляюще улыбнулась. Он понял намек и принял эстафету.

– Твоя мать толкует про то, что пришло, наверное, время немного поговорить о твоих планах. На будущее, – уточнил он.

Какие планы? Никаких планов у Пип пока что не было, не считая желания удалиться к себе и почитать дневник.

– Раз такое дело... То есть, учитывая случившееся в выходной, мы подумали: может, съездить за твоими вещами и привезти их домой? Это не мешает тебе потом вернуться в Лондон, если будет желание.

– Конечно, я вернусь в Лондон! – повысила голос Пип. – Не могу же я оставаться здесь.

Получилось жестче, чем она собиралась, и на лице матери появилась обиженная гримаса.

– Нет-нет, конечно, не можешь, – повторила она за дочерью. – Это мы знаем. Просто на время, пока ты не придешь в себя.

– Мы не хотим, чтобы ты сбивалась с ног, подыскивая новую квартиру, – подхватил отец. – Мы с Джемом поехали бы туда на фургоне, собрали твои вещички и привезли сюда – ясное дело, на время.

– Не годится оставлять все твоё добро у бедняги Доминика, – добавила мать.

Пип стиснула зубы, чтобы не заорать. Бедняга Доминик? Бедняга Доминик! Тот самый бедняга, который отвесил ей пинок в самый тяжелый для нее момент, кто бросил ее, не задумываясь, что перечеркивает тем самым все ее надежды и мечты?

Но что толку вываливать все это на родителей? Они стараются ради ее блага как могут, да и ей придется рано или поздно забрать свои пожитки. Будет не так болезненно для нее, если это сделает отец.

Пип сглотнула комок в горле и сказала:

– Было бы здорово, папа, спасибо. – Положив нож и вилку, она встала из-за стола. – Боюсь, у меня нет аппетита. Пойду-ка наверх, немного полежу. Спасибо за ужин, мама.

Покидая кухню и поднимаясь по лестнице, чтобы спрятаться в своей захлавленной комнатке, она слышала озабоченное перешептывание родителей.

Ее отец сказал, что хочет привезти ее вещи «домой». Ничего особенного он под этим не подразумевал, домом была ферма, где он прожил всю жизнь, – безопасная гавань, удобный причал в любой шторм, центр его мира. Но для Пип это слово было как пружина, захлопывающая мышеловку. Она потратила годы на то, чтобы обеспечить себе бегство, трудилась, зарабатывая на билет во внешний мир. И вот теперь они собираются затащить ее обратно, туда, откуда она пыталась сбежать. Это была воронка водоворота: как отчаянно ни

гребешь, ни за что не выгребешь в безопасное место. Более того, они воспринимали это как благо, собирались оказать ей услугу, вернув ее «домой».

Если бы Пип могла плакать, то разрыдалась бы.

Пип достала дневник из тайника – пространства между двумя книгами на полке, села на кровать и стала читать.

Судя по всему, Эвелин жила спокойной жизнью, похожей на ее. Правда, жизнь Пип изменила трагедия и последующие события, а жизнь Эвелин – рождение ребенка. Кажется, Эвелин не хватало места, ей трудно было делить дом с Джоан. При этом у Пип было впечатление, что каждый новый день все сильнее подтачивал силу ее духа.

В дневнике прослеживались три темы: любовь Эвелин к Скарлетт, ее ненависть к Джоан, несправедливость жизни; правда, Пип еще не до конца разобралась, что именно с ней стряслось. Это было как-то связано с причиной ее отъезда из Лондона, с тем, что она стала матерью-одиночкой. Прежняя жизнь Эвелин-актрисы почти не упоминалась, зато Пип чувствовала ее клаустрофобию, острую потребность сбежать вместе с дочерью в какое-то правильное место, где она перестанет горевать, – и неспособность сделать это. Впрочем, в сложившейся ситуации она делала, похоже, все возможное. Да, Эвелин Маунткэсл была несчастна, потому что дом, где она жила с сестрой, оказался для нее ловушкой, но дочь дарила ей мгновения счастья.

Контраст между этим и тем, с каким трудом сама Пип привыкала к переменам в собственной жизни, вызывал у нее стыд. Пока что она либо копалась в себе, разведывая глубины собственного отчаяния, либо гадала, сколько еще пробудет в этом разобранном состоянии.

Только сейчас она начала кое-как обращать внимание на то, что ее окружало. Этим утром в роще за фермой куковала кукушка. Пип уже много лет не слышала кукушку. «Ку-ку» просочилось сквозь гул у нее в голове, заставило прервать все мелкие занятия и прислушаться. Первое ли это весеннее «ку-ку», или она до сих пор была глухой? Так или иначе, то был маленький шаг вперед.

Эвелин куда лучше нее сознавала мелкие радости жизни, и именно о мгновениях счастья Пип больше всего нравилось читать. Дневник был полон упоминаний о словечках и о поступках Скарлетт, полон наслаждения, которое они доставляли Эвелин. Благодаря им в

жизнь возвращалась логика – явление, о котором Пип совсем забыла. Она не была уверена, что ее собственная жизнь когда-нибудь была так же проста. Хотя была, конечно, как же иначе!

31 марта, четверг

Сегодня мы с С. гуляли по лужам. На ней были резиновые сапожки, я дала ей свой зонтик, хотя для нее он великоват и она не смогла держать его прямо. Я предложила перевернуть зонт и плыть в нем, как делал Винни Пух, но С. уставилась на меня как на глупейшее создание на всей планете. Стоя в сапожках посреди лужи, она уперла ручки в бока и покачала головой.

«Какая ты глупая, мамочка. Зонтик нас не выдержит, мы утонем!»

Я изо всех сил крепилась, чтобы не засмеяться, такая она прелесть. Сдержалась, не засмеялась, сохранила серьезное выражение лица и сказала, что она умница, не то что я, дурочка. Так бы и слопала ее!

Участь матери-одиночки в 1983 году была нелегкой. Пип родилась только в 1989-м, но инстинкт ей подсказывал, с каким клеймом жила Эвелин, особенно в консервативном городишке. В том, как она описывала свою жизнь, угадывалось противостояние «мы со Скарлетт – весь остальной мир». Не вызывало сомнений, что сестра Эвелин, Джоан, осуждала и ее саму, и то, как та жила. В дневнике почти нельзя было найти добрых слов в адрес сестры.

11 мая, среда

Иногда мне бывает непонятно, что у Д. на уме. Знаю, пока что она поддерживает нас с С., и я признательна ей за это, но не забыла ли она, что этот дом принадлежит нам троим? У нее на него не больше прав, чем у Питера и у меня, и из того, что я уехала, а она решила остаться, не следует, что у нее вдруг появились какие-то дополнительные права. Но она умудряется так все вывернуть, что я каждый день чувствую себя ее должницей. Вроде как я для нее – женщина второго сорта, и она едва терпит меня в доме из простого великодушия, а не потому, что мы родные люди. Да что там говорить, С. ей родная племянница, хотя она не испытывает к ней

никакой привязанности и не проявляет к нам обеим ни малейшей доброты.

Она так ревностно охраняет от меня кошелек, как будто хочет, чтобы я нуждалась. Вчера я попросила у нее немного денег на сандалии для С. Не может же та все лето проходить в резиновых сапогах, к тому же она так быстро растет, что я сомневаюсь, что они налезут на нее осенью. Джоан закатила такой скандал, словно я попросила у нее драгоценности Короны, а не несколько фунтов на обувь для ребенка. Заставила меня клянчить, и это – родная сестра! Иногда я ее ненавижу.

Но делать жизнь еще труднее, чем она есть, нет никакого смысла. Я прикусила язык, и в конце концов она дала мне денег, вздыхая и закатывая глаза, чтобы я не забыла о благодарности. Мы с С. отправились в магазин, я позволила ей самой выбрать сандалии, и она остановилась на красненьких, с вытисненными на коже цветочками. Если бы их делали большего размера, я бы и себе такие купила – будь у меня деньги, конечно. По дороге домой мы купили малиновое мороженое, слопали его на набережной, а потом гоняли чаек, забежали в воду и намочили себе подошвы. Море было ледяное, у нас посинели ноги, но нам было хоть бы что. Надо чаще бывать у моря, пока мы здесь. После возвращения в Лондон это станет гораздо труднее.

Только в Лондон они так и не вернулись. Одри сказала Пип, что Эвелин по-прежнему здесь. Сколько та ни твердила, что заберет отсюда Скарлетт и продолжит актерскую карьеру, Саутволд стал для нее ловушкой. Скарлетт уже должно быть около сорока лет. Пип надеялась, что хотя бы она расправила крылья и улетела.

Решив побеседовать с Джемом, Пип уже на следующий день поймала его после завтрака.

– Привет, – начала она. Вышло немного вымученно, но надо же было с чего-то начать.

– Привет, – отозвался он без особого тепла в голосе.

– Послушай, мне стыдно, что после возвращения я еще с тобой не разговаривала, – сказала Пип. – Мне было как-то... ну, ты понимаешь. Прости. Я должна была постараться.

На лице Джема читалось: «До тебя это только сейчас дошло?» Но он промолчал и явно не собирался облегчать ей задачу.

– В общем, – продолжила Пип, – я тут подумала, может, нам сходить выпить вместе, вспомнить былые времена? Надо наверстывать упущенное, сам понимаешь...

Ответа все не было, и Пип слегка поджала хвост. Уж не обманулась ли она? Вдруг у него властная девушка, которая не одобрит, если он согласится выпить со своей бывшей, пускай со времени их связи минула вечность. У его молчания могла быть и другая, более неприятная причина: слишком много воды утекло с той поры и ему уже неинтересно тратить время на ту, кем она стала за эти годы. Пип очень надеялась, что это не так.

Джем наконец поднял голову и посмотрел ей в глаза. На мгновение этот взгляд перенес Пип в детство. Он совсем не изменился, подумала она, не то что я...

Он улыбнулся ей.

– Продолжай, раз так бодро начала, – сказал Джем. – Вспомним старое, говоришь? Заодно я поведал бы тебе все, что знаю, о старушке Маунткэсл. – Он приподнял бровь, и она поняла, что он ее разгадал – это было нетрудно. Он знал ее, по крайней мере знал раньше, и достаточно хорошо, чтобы так легко купиться.

У Пип вспыхнули щеки, она закатила глаза.

– Ты меня поймал! – сказала она с улыбкой. – Но все равно упущенное пора наверстывать. Где тут нынче выпивают?

– Как насчет «Головы клячи»? Примерно в семь тридцать?

Пип с облегчением кивнула.
– Самое то!

* * *

Почти весь день Пип ломала голову, что надеть. Конечно, встреча с Джемом – это не свидание: у него была девушка, а тут еще свежая, кровоточащая история с Домиником. И все же ей хотелось выглядеть привлекательной. В последнее время Пип махнула рукой на свою внешность и довольствовалась джинсами и мешковатыми свитерами, но мысль о предстоящей встрече с Джемом послужила щелчком. Она не могла разобраться в своих чувствах, потому что вообще отвыкла от каких-либо чувств; возможно, это была гордость, требовавшая, чтобы она не ударила в грязь лицом, возможно, что-то даже более важное, ее неотъемлемая часть, о которой она запомнила, но которая теперь попыталась ожить.

Одновременно ее не оставляло чувство, что она не заслуживает ни прилично выглядеть, ни развлекаться – учитывая содеянное. Как наряжаться, когда мать убитого ею мальчика никогда уже, наверное, не позаботится о своей внешности?

В конце концов она остановилась на джинсах и на белоснежной блузке – нейтральный выбор, не слишком стильно и без выпячивания своих стараний; в любом случае Джем вряд ли обратит на это внимание.

Не желая привлечь внимание родителей к своим делам, она попыталась улизнуть, оставив на столе записку с адресом, где будет находиться, но ее мать, опять проявив незаурядное чутье, появилась в кухне как раз в тот момент, когда она натягивала куртку.

– Куда-то идешь, милая? – спросила она со смесью любопытства и радости на лице.

– Так, опрокинуть стаканчик, – ответила Пип в напрасной надежде, что дальнейших вопросов не последует.

– Вот и хорошо. С кем?

Иногда это смахивало на допросы в гестапо. Пип знала, что мать не зря интересуется, куда она собралась, ведь, приехав, она почти никогда не покидала ферму по вечерам, но у нее не было привычки

отчитываться, поэтому сразу возникла клаустрофобия. Велик был соблазн наврать, но этим она только себе навредила бы. Лучше быть честной и не обращать внимания на вскинутые брови.

– Всего лишь с Джемсом, – ответила она, избегая пытливого материнского взгляда.

– О!.. – только и ответила мать, но Пип и в этом звуке расслышала одобрение. Родители всегда считали, что лучше бы она вышла за хорошего местного парня, а не сбегала в Лондон, и, если честно, это их мнение все больше казалось ей разумным.

– Не знаю, когда вернусь, – предупредила она. – Ложитесь спать, не ждите.

Это было не прощание, а сознательная провокация. Она знала, что вернется задолго до того, как родители отправятся на боковую, просто была раздражена тем, как мать лезет ей в душу. Она покинула кухню не оглянувшись и хлопнула дверью.

– Как ты доберешься назад? – крикнула мать ей вслед.

Проклятье, об этом она и не подумала! В былые времена она бы попросту поехала на машине, но теперь этого варианта не существовало. Машина стояла во дворе нетронутая с тех самых пор, как отец забрал ее из полиции. Даже если бы она решилась сесть за руль, машина не завелась бы – наверняка сел аккумулятор.

– Могу попросить твоего отца отвезти тебя, а потом забрать, – предложила мать.

Не ребенок же она! Сначала приносишь в жертву личное пространство, а потом независимость.

– Нет, спасибо, лучше поеду на велосипеде! – крикнула в ответ Пип, как бы ни хотелось ей принять предложение.

– Осторожнее на дороге, – напутствовала ее мать без всякой нужды: Пип была теперь сама осторожность.

В пабе было пусто. Туристический сезон еще толком не начался, посетители были по большей части местными жителями. Джемс уже был на месте – болтал с барменом, заказав пинту пива. Когда Пип вошла, оба повернулись в ее сторону. Джемс подмигнул ей, и она опять почувствовала себя шестнадцатилетней.

– Ты же помнишь Пип, Уилл?

Уилл утвердительно кивнул.

– Привет!

Обошлось без вопросов, чего это она вернулась и как поживает; Пип предположила, что они успели это обсудить до ее появления. Она приветливо улыбнулась, заказала себе выпивку и указала на столик подальше от стойки, чтобы Уилл не подслушал их разговор. Скрывать ей было нечего, просто не хотелось, чтобы ее и дальше обсуждали. В Лондоне никто ни на кого не обращал внимания, а здесь было почти невозможно остаться незамеченной.

– Ну? – сказал Джек, когда они уселись за столик друг напротив друга. – Давно не общались.

Это прозвучало саркастически, но все равно безобидно. Пип взглядела в него, силясь понять его настроение. За годы после ее отъезда в университет они почти не разговаривали. Пип могла бы ответить, что их пути разошлись, хотя на самом деле она сознательно постаралась с ним порвать. Джек, как и многое другое в ее прежней жизни, не соответствовал ни ее новому окружению, ни ее исправленной версии самой себя. Знал ли он об этом? Сейчас, глядя на него, Пип пришла к выводу, что да, знал, и еще как хорошо!

– Да-да, я виновата, – сказала она, решив не вилить. – Мне нет прощения. Я уехала в Лондон, там возомнила о себе, потом села в лужу и вот приползла назад с поджатым хвостом.

В таком описании произошедшего не было ни крупицы правды, зато, сведя все к шутке, было проще всего не позволить разговору принять направление, к которому она не была готова.

Однако Джек не проявил готовности клюнуть на ее отвлекающий маневр.

– Сочувствую твоей беде, – сказал он. – Так не повезло! Даже не знаю, как ты с этим справляешься. Сущий ад!

Никто еще не подбирался так близко к тому, как она на самом деле себя чувствовала.

– Спасибо... – пробормотала она.

– Каково это вернуться назад? – спросил он.

– Честно? Дерьмо дерьмом.

Он приподнял бровь, как будто в шутливой признательности за откровенность, и она продолжила:

– Только давай без обид. Мать с отцом, не зная, как быть, решили обходиться со мной как с пятилетней. Моя заработанная такими трудами звездная карьера меркнет с каждой неделей, а теперь еще и

мой возлюбленный решил, что я не стою того, чтобы меня дожидаться. Это плюс ко всему тому... – Тяжкий вздох. – Плюс ко всему тому, что мне досталось. Так что верно, все из рук вон плохо.

Повисла пауза. Джез ждал, пока сказанное ею осядет, как пыль после взрыва.

– Могло быть еще хуже, – сказал он. – Взяла бы и померла.

Ее подмывало ответить, что так было бы даже лучше, но она знала, что он не купится на ее жалость к себе, поэтому всего лишь слабо кивнула.

– Так что ты собираешься делать? Как собираешься все исправлять?

Ее удивила прямота вопроса. За все время после трагедии никто, даже Доминик, не говорил с ней так откровенно. Все ходили вокруг нее на цыпочках, прибегали к эвфемизмам, недоговаривали, как будто если не касаться фактов, то они возьмут и испарятся. Другое дело Джез: он знал ее давным-давно. Они выкурили на пару свою первую сигарету, на пару выпили первую украденную банку сидра, ее первый поцелуй был с ним, а его с ней, много чего еще у них происходило впервые совместно – много такого, что осталось у нее в душе. Подобный уровень интимности рождал и привилегию – не размениваться на пустую болтовню, а сразу задать звонкую ноту, ухватить самую суть.

– Если бы я знала! – простонала она. – Сначала мне надо покончить с травмирующими воспоминаниями и с паническими атаками. Потом можно будет вернуться домой, к работе. Не знаю, сколько на это понадобится времени. Ну, и вишенка на всем этот дурно пахнущем торте: официально я теперь бездомная, потому что мой бывший выпер меня из моей квартиры. То есть технически она его, но все же...

Пип удивилась тому, как освежающе действует возможность высказать свои мысли, вместо того чтобы все замалчивать. Разговаривая с родителями, она подслащивала каждое слово. Они и так достаточно за нее переживали, чтобы усугублять их волнение своей откровенностью.

– Панические атаки – это тяжело? – спросил Джез. Он смотрел ей в глаза, как будто старался оценить по ее взгляду правдивость ее ответов.

– Тяжеловато, – призналась она. – Беда в непредсказуемости. Бывает, днями не накатывает, а потом вдруг отбрасывает туда, откуда все началось.

Джез кивал, как будто отлично ее понимал.

– Мой друг служил в Ираке. С ним все то же самое. Что бы мы ему ни вдалбливали – что, мол, война есть война, он делал свою работу, мало ли что бывает, – он никак не может побороть свое чувство вины. Говорят, должно пройти время. Хотя не знаю, насколько оно целительно.

Пип пожала плечами. Ей вдруг расхотелось думать о себе и о своих проблемах.

– Хватит про мою безнадегу! – взмолилась она, изображая улыбку. – Давай лучше о тебе. Что у тебя хорошего?

– Меньше, чем у тебя, – иронически ответил он. – Сама знаешь, я вкальваю на ферме. Мне нравится работать на воздухе. Была мысль поступить в универ, как все, – была и сплыла. Впрягся и тяну себе лямку.

Пип ощутила прилив чего-то похожего на ревность. Она отвергла Джеза, отвергла ту жизнь, которую он мог ей предложить, но мысль, что и он ее отверг, впиалась ей в сердце и не отпускала.

– Я ее знаю? – спросила она в надежде на отрицательный ответ.

Джез покачал головой.

– Терезу? Вряд ли. Она менеджер в одном из самых больших отелей города. Она родом из Ипсвича.

– Вы уже назначили дату венчания? – осведомилась Пип беззаботным тоном, надеясь не выдать свое разочарование.

– Нет, все время откладываем. Никак не договоримся о том, чего хочется нам обоим. Ей подавай шик: цилиндры, все такое, я стою за скромность. Твой отец предлагает установить на ферме павильон, я признателен ему за предложение, но Тереза выступает за банкет в отеле. – Он пожал плечами. – Уверен, рано или поздно мы придем к согласию.

– Тоже уверена в этом, – закрыла тему Пип. Ей больше не хотелось слушать про Джеза и его счастье. – А теперь расскажи мне все, что знаешь, о Маунткаслах.

Джез прищурился, пристально на нее глядя.

– Объяснишь, зачем тебе это?

– И не подумаю! – выпалила она.

Он с досадой фыркнул.

– Ты всегда любила загадочность. В целом я знаю немногим больше, чем уже сказал. Жили-были в доме на набережной две сестры. Моя мать у них убиралась. Потом одна умерла – якобы в результате падения. Не уверен, которая; по слухам, одна столкнула другую с лестницы. Потом оставшаяся рассчитала мою мать – обвинила в том, что мать что-то у нее похитила, хотя это было неправдой. А может, наоборот – сначала было увольнение, потом падение... Это было давным-давно, задолго до нашего рождения, но мать не перестает это вспоминать. По ее словам, все знали, что она никогда ничего не брала, но все равно на ее репутации осталось пятно. Всякий раз, когда мы проходили мимо того дома, она заговаривала о том, как несправедливо с ней там обошлись.

– Ты помнишь этот дом? – спросила Пип с надеждой.

– Конечно, помню. Не прохожу мимо, не плюнув на порог. – У Пип отвалилась челюсть, но Джек широко улыбнулся. – Уже не буквально. Но в детстве мы с Джеком плевались на этот дом. Когда никто не видел, конечно. Вдруг та женщина – убийца? Не хватало попасться к ней в лапы! – Пип уже хихикала, и Джек, работая на аудиторию, продолжил: – Мы придумывали небылицы про то, что она ведьма. Глупости, конечно. Уверен, она ни в чем не виновата. Если она и вправду убила сестру, ее бы арестовала полиция и уpekла в тюрьму.

– Ты так и не знаешь, которая из двух умерла? – спросила Пип.

Джек покачал головой.

– Вторая так и живет в этом доме?

– Насколько я знаю, да. Дом насколько не изменился.

В глубине памяти Пип задрезжал звоночек.

– Кажется, я что-то помню про ведьму, – пробормотала она. – Дети бывают такими злыми! Как в истории с Бу Рэдли...

Джек непонимающе посмотрел на нее.

– Это персонаж книги «Убить пересмешника», мы читали ее в школе. Ладно, проехали.

– Между прочим, Джек теперь – трейдер в Сити, – сказал он. – Стал богачом.

– Мне всегда нравился Джек, – созналась Пип с улыбкой.

– Брось! – возмутился Джек. – Он всегда был козлом, даром что мы братья.

Пип пожала плечами.

– Пусть так. Тебе виднее.

* * *

Чистя вечером зубы, Пип думала о Джеке. Она забыла, до чего легко с ним общаться. Впервые с незапамятных времен она опять почувствовала себя самой собой, беда на час-другой отступила. Надо же, он женится! Еще одна упущенная возможность, еще одна лодка уплывает в закат без нее. Пип не устраивал маршрут этой лодки. Еще один повод для грусти.

Эвелин лежала в ванне. Вода успела остыть, лопнули последние пузырьки. Без Бренды в квартире стояла мертвенная тишина. Они мало времени проводили вместе, но Эвелин нравилось, когда в квартире чувствовалось присутствие другого человека. Хозяин квартиры разрешил ей какое-то время платить только за себя, из чего она заключила, что он хочет поселить кого-нибудь в освободившуюся комнату, но пока что у нее оставался шанс насладиться одиночеством.

Впрочем, о наслаждении речи не шло: ей требовался собеседник. Накануне Эвелин едва не созналась во всем Теду, но в последний момент удержалась. Он был таким хорошим другом, что она могла предсказать его реакцию, но уверенности все равно не было, и риск лишиться его повергал ее в ужас. Тед был единственным, кто у нее остался, не считая Джулиана, с которым она и подавно не собиралась делиться своей тайной. Скоро надо было решаться, как быть.

Эвелин погладила себе живот. Ей показалось, что она замечает, как он меняет очертания, как там, где раньше ничего не было, растет выпуклость, как живот округляется. Одежда уже становилась ей тесна. Пока что никто ничего не замечал. Незнакомые люди не обращали внимания, что с кастинга она набрала пару лишних фунтов.

Все еще можно было вернуть в прежнее состояние, для этого достаточно было посетить специальное место. Теперь это не было нарушением закона, ей не пришлось бы искать какую-то грязную подпольную клинику. Семидесятые годы все-таки! Как женщина, она имела право поступить со своим телом по собственному усмотрению. Эвелин сознавала иронию ситуации, не могла забыть того, каким образом оказалась в таком положении.

Эвелин полагала, что ситуация сработает в ее пользу, когда придется объяснять врачу, что она нуждается в помощи: не замужем, у нее никого нет, как нет и связи с отцом ребенка, не говоря о постоянном доходе. Любой согласился бы, что такой женщине не стоит

рожать. Оставалось принять решение и покончить с проблемой. Никто ничего не узнал бы.

Никто – кроме нее самой. Сама она останется с этим знанием, и оно будет пожирать ее до конца дней. Эвелин не мыслила себя без детей, не могла припомнить минуты без уверенности, что когда-нибудь станет матерью, не могла представить свою старость без внуков. В глубине души она знала, что станет прекрасной матерью – хотя бы потому, что ее собственная преподала ей хороший урок, какой матерью быть нельзя.

Беда была в том, что все произошло не вовремя. У нее не было ни мужа, ни даже зыбкой перспективы замужества, она только что получила работу, о которой мечтала, открывавшую перед ней целый мир возможностей. Эвелин Маунткасл стояла на пороге всего, чего только можно было ждать от успешной карьеры. Казалось бы, это облегчало ей решение. И все же...

Она встала и, ежась, потянулась за полотенцем. Когда она выпрямлялась, животик становился заметнее. Им нельзя было не гордиться: у нее внутри развивалась новая жизнь, на которую трудно было не обратить внимания.

Но как же ей не повезло со сроками! Сейчас был самый неудачный момент для беременности. Начать с того, что Джулиан ее убьет: его жирное агентское вознаграждение превратится в дым, если придется подбирать на роль новую актрису. Продюсерская компания ни за что не согласится ждать, пока она родит, а значит, работа ее мечты уплывет из рук. Выбор был прост: либо роль, либо ребенок. Тридцать лет, уже не девочка. То, что сейчас происходило у нее внутри, могло оказаться для нее единственным шансом материнства.

Одеваясь, она в сотый раз обдумывала предстоящие шаги. Ей придется вернуться в Суффолк: без работы и без сбережений она не сможет самостоятельно жить в Лондоне. Из этого вытекала необходимость разговора с Джоан о своей доле в родительском наследстве. До сих пор она не проявляла к этому интереса. Ей так хотелось независимости, так хотелось самой идти по жизни, что заставить Джоан продать дом и забрать свою долю значило бы признать свой провал, а такой радости она дарить сестре не собиралась.

Но ребенок все это отменял. Она не могла позволить себе независимость, если придется заботиться не только о собственных нуждах. Пуританка Джоан придет в ужас, но на улицу ее не выкинет, а если бы даже захотела, то Питер ей не позволит. В ее силах было, правда, превратить жизнь Эвелин в ад. Она не удержится от подлых комментариев по поводу вынужденного возвращения сестры домой с плодом позора в подоле. Джоан будет старательно унижать Эвелин, изображать ее дешевкой; что ж, такова цена, которую ей придется заплатить за решение сохранить ребенка.

Но не вечно же ей мучиться! Когда ребенок пойдет в школу, она сможет опять начать работать. Так ведь поступают современные женщины? Такие, как констебль криминальной полиции Карен Уокер. Эвелин потеряет только четыре года, максимум пять лет от своей карьеры, зато потом у нее будет чудесный ребенок и богатейший жизненный опыт, бесценное подспорье для актрисы. Как ни жаль жертвовать ролью в «Добро пожаловать в рай», в конечном счете это только пойдет ей на пользу.

Причесываясь, Эвелин поняла, что решение уже принято, и нисколько не удивилась. Если быть честной с собой, то она с самого начала знала, что не станет избавляться от ребенка. Но при этом никогда никому не признается, кто его отец. Надо думать о своей репутации, а значит, все сделать, чтобы он оставался в неведении. Ее ребенок не имеет к нему никакого отношения. Она была ужасно наивной, но усвоила урок, такое с ней больше не повторится. Если опять сложится такая ситуация, она, по крайней мере, не станет жмуриться...

Что ж, теперь ей надо всего лишь... Эвелин затошнило при одной мысли об этом. Джулиан. Джоан. Тед. Всем им придется сказать, что она, Эвелин Маунткасл, родит сама и будет одна растить ребенка.

– Что ты собралась сделать?!

Джулиан рывком снял ноги со стола, сел в кресле прямо и уставился на нее с разинутым ртом.

Эвелин сглотнула и повторила то, что сказала только что:

– Я хочу уйти из «Добро пожаловать в рай». То есть не хочу, но должна. Мне очень жаль.

Она опустила глаза, изображая раскаяние, но Джулиана было не провести.

– Ты не можешь вот так взять и «уйти»? – рявкнул он, изображая изящными пальцами кавычки в воздухе. – Так не делается, Эвелин. Ты подписала контракт. Мы все его подписали. Передумала она, видишь ли!

Эвелин подняла глаза и встретила с ним взглядом. Он малость смягчился, съехал в кресле и тяжело вздохнул.

– Что происходит, Эви? – спросил он уже просто возмущенно, а не гневно. – Ты что-то мне недоговариваешь?

Эвелин нехотя кивнула. Впервые она произнесет это вслух, лишив себя возможности отступить. Ее тайна перестанет быть ее исключительной собственностью.

– Я беременна, – произнесла она так тихо, что испугалась, что он не расслышал. Но, судя по его реакции, испуг был напрасен. Он закрыл лицо ладонями, запустив пальцы в редящие волосы.

– Боже мой! – пробормотал он. – Из всех глупостей – эта... – Но он тут же выпрямился и сверкнул глазами. – Это еще не конец света, Эви. Не надо паниковать, принимать скоропалительных решений. Это поправимо. Я кое-кого знаю. Сама понимаешь, я не впервые с этим сталкиваюсь, этим меня не напугаешь. Несколько телефонных звонков – и...

Он уже потянулся к трубке, но Эвелин его остановила.

– Нет, Джулиан, – тихо сказала она. – Я решила оставить ребенка.

Джулиан недоверчиво покачал головой.

– Но, Эвелин, у тебя же только стартовала карьера! Если ты сейчас отступишь, то нет гарантии, что ты кому-то понадобишься,

когда выйдешь из тени.

Эвелин пожалала плечами. Ребенок был ей важнее, чем то, от чего она ради него отказывалась, и с каждым днем его важность нарастала. Если слова Джулиана окажутся правдой, то она будет разбираться с этим, когда придет время.

Джулиан застонал.

– Простите, Джулиан, – сказала она. – Все это не входило в мои планы, и, уж конечно, я не хотела создавать проблемы вам. Но что есть, то есть, и я вынуждена с этим считаться.

Джулиан поднял голову, и теперь Эвелин увидела в его глазах кое-что другое: озабоченность, может, даже жалость.

– Не знал, что у тебя есть друг, – сказал он.

Эвелин передернула плечами.

– Нет у меня никого.

Уголки рта Джулиана опустились, он прикидывал другие возможности.

– Я не думал, что ты из тех, кто соглашается на роман на одну ночь, – сказал он, хмуря лоб.

– Нет, я не такая, это было...

Что это было? Неужели она должна описывать случившееся? Изнасилование? Нет. Направляясь в номер отеля, она не ждала такого развития событий, но и убегать не стала. Она не была наивной девочкой: знала, что такое происходит с актрисами сплошь и рядом. Просто ей не приходило в голову, что это может произойти с ней. Рори Макмиллан сделал гадость, но так уж это устроено, такова плата за участие в его сериале; убедившись в этом, она не отказалась ее внести. Забеременела – значит, не повезло.

Но что-то не позволило ей высказать все это Джулиану. Позаботилась о репутации – то ли своей собственной, то ли Макмиллана; а еще ее заставило промолчать нечто, чего она не замечала раньше: стыд.

– Это было... – попробовала она еще раз. – Неважно. Факт в том, что я беременна и хочу сохранить ребенка, а значит, не смогу сыграть роль. Мне очень жаль, но тут уж ничего не поделаешь. У меня связаны руки.

Джулиан тяжело вздохнул.

– Ну ладно... – протянул он. – Раз ты приняла твердое решение, я сделаю все необходимые звонки.

– Благодарю, Джулиан, – сказала она, вставая. – Простите меня.

Она протянула ему руку, но он уже отвернулся и снял телефонную трубку.

Покидая агентство и выходя на улицу, Эвелин понимала, что больше ей здесь не бывать. Джулиан изымет ее имя из всех списков актрис, а когда она вернется, вряд ли пожелает с нею знаться. Придется искать нового агента. Но сейчас это не имело значения. Сейчас главное было собрать вещи и вернуться в Саутволд, к Джоан, в ту жизнь, от которой она так хотела сбежать.

Эвелин с тоской оглядела свою комнатнуюшку, прежде чем навсегда ее покинуть. Квартира была неказистая, тесная, зимой там было холодно, летом душно и всегда сыро, все шаталось, все, что только можно, грозило выпасть из пазов, и все же целых пять лет здесь был ее мир, и она любила это место. При всех своих многочисленных недостатках оно вмещало все, что было для нее важно. Квартира была признаком независимости, решимости преуспеть. Показателем если не осуществившихся, то близящихся к осуществлению мечтаний. Когда-то Эвелин покинула знакомый мир надежности и пустилась в одинокое плавание, мечтая об успехе в городе, манящем ее своими огнями. Не сказать, что она полностью добилась желаемого, но все-таки умудрялась кое-как перебиваться и ни разу никого не попросила о помощи, чем очень гордилась.

Но теперь она возвращалась в родной Суффолк, в семейный дом, к сестре. Это был очевидный шаг назад, движение в неверном направлении, перечеркивание всех достижений. Хуже того, она везла с собой запах скандала: беременная без обручального кольца на пальце, без отца для ребенка в своем чреве. Банальная и даже приемлемая ситуация для Лондона, но там, куда она теперь направлялась, это сочтут позором. Весь городок станет перемывать ей косточки. Ирония в том, думала Эвелин, что она послужит для городка самой захватывающей темой на долгие годы.

Если бы не сложности, сопровождавшие всю эту ситуацию, Эвелин даже гордилась бы бомбой, которую готовилась швырнуть в родной городишко. При иных обстоятельствах она бы наслаждалась гримасами на физиономиях людей из ее прошлого, вызванными зрелищем ее живота и одной мыслью о том, что она поселится с Джоан, в родительском доме. Более того, она бравировала бы и своим животом, и статусом матери-одиночки.

Но жизнь, увы, несправедлива. Ей придется зависеть от расположения сестрицы, а значит, ходить по струнке. Джоан, без сомнения, попытается придать ее истории глянца. В одном

телефонном разговоре она даже предложила Эвелин приехать с ложью о неожиданной кончине «мужа».

– Было бы куда лучше, Эвелин, если бы мы изобразили тебя приличной женщиной, попавшей в трудное положение, – сказала Джоан.

Нескрываемое презрение сестры Эвелин пропустила мимо ушей, но ее плану воспротивилась:

– Пришлось бы каждый день всем врать. Я почему-то думаю, что важно все время оставаться честной. И вообще, я бы ужасно запуталась, припоминая, что собиралась сказать тому или другому. Я только и делала бы, что спотыкалась, а это еще хуже, чем с самого начала держаться правды.

Джоан хмыкнула.

– И вообще, вряд ли кому-нибудь будет интересно, – бесхитростно гнула свое Эвелин. – Если кто пристанет, скажу, что рожаю сама по себе и что вернулась домой, где меня поддержит любящая семья.

От сестры даже за сто миль тянуло холодом. Было совершенно ясно, что Джоан соглашается принять Эвелин только из чувства долга. Эвелин, правда, надеялась принести пользу, составить сестре компанию, покорить ту своим мягким характером. Она хотя бы была готова попытаться, чего никак нельзя было сказать о Джоан. Может быть, после рождения ребенка сестрица смягчится. Трудно будет продолжать злиться, когда крохотный племянник или племянница станет улыбаться и сучить ножками – или что там делают младенцы? С неизбежными слухами обе они ничего поделать не могли, оставалось пережить эту бурю.

– Все готово?

Эвелин обернулась и увидела Теда с коробкой в руках.

Она безрадостно кивнула.

– Кажется. Деваться-то все равно некуда.

– Не надо так. – Тед поставил коробку на пол и обнял ее за плечи. – Подумаешь, квартира! Кирпич, известка, больше ничего. Воспоминания – вот что важно. – Он снова взял коробку и пошел к лестнице. – Поторопись! Если выедем прямо сейчас, то не попадем в пробку. Доедем до Суффолка с ветерком. Мечтаю подышать морским воздухом, до чертиков надоел городской смог!

Боже, благослови Теда! Он где-то раздобыл фургон и предложил отвезти ее вместе со всем скарбом. Если бы не он, ей пришлось бы обратиться в компанию по перевозкам, занять на оплату ее услуг и ломать голову, как вернуть долг. С Тедом они договорились, что она даст ему денег на бензин и будет развлекать его в пути. Это ей было по силам.

Под болтовню Эвелин они выехали из Лондона и покатали по трассе A12. Она рассказывала смешное из своего детства, он, слушая, хохотал, закатывал глаза, ужасался – всего понемногу.

– Ну и семейка у тебя! – простонал он. – Ходячий ужас.

– Доставалось всегда одной мне, – объяснила со смехом Эвелин. – Меня ловили и наказывали. Думаю, Джоан на меня ябедничала, но у меня нет доказательств. Когда мне попадало, она всегда выглядела страшно довольной собой.

– Вряд ли мне понравится Джоан, – предупредил он.

При приближении к городку болтовня Эвелин стихла, теперь она ограничивалась скупыми словами, указывая направление. Она не знала, какие чувства испытает, когда они доберутся до места: разнервничается, почувствует разочарование, злость? Но когда фургон затормозил перед домом, где она выросла и откуда сбежала, Эвелин с удивлением обнаружила, что преобладающее у нее чувство – грусть. Она, конечно, радовалась, что скоро станет мамой; если бы не это, она ни за что сюда не вернулась бы. Но, стоя на пороге своего бывшего дома, она знала, что это – символ завершения той жизни, к которой она раньше так стремилась.

– Хочешь, чтобы я зашел? – спросил ее Тед. – Если не надо, могу сразу развернуться и укатить.

– Вот еще! – отмахнулась Эвелин. – Ты так добр, привез меня в такую даль. Накормить тебя обедом – наименьшее, что я могу для тебя сделать. Входи, вещи разберем потом.

У Эвелин сохранился ключ от входной двери – это же был и ее дом. Она вставила ключ в замок и повернула. Дверь открылась, и ее окатило волной знакомых запахов. Они остались прежними: мебельный лак, хлорка, дегтярное мыло – все это ассоциировалось с чистотой, но никак не с гостеприимным домом, скорее со строгим порядком и с суровым режимом. В прихожей было темно, потому что все двери были плотно закрыты – мера по борьбе с пылью, знакомая

Эвелин со времен ее родителей. Ребенком ей хотелось все их распахнуть и свободно носиться туда-сюда, прыгать по подушкам, оставлять на полированной древесине следы своих пальчиков. Но то были, конечно, пустые мечты: за такое буйство последовало бы наказание. Однажды она опрокинула на каминную полку подсвечник, отчего откололся кусочек кафеля. За это ее на месяц заперли в комнате, выходить разрешали только для похода в школу и чтобы поесть. Ничего, у нее и у ее ребенка все будет иначе. Она не позволит Джоан поступать с ее ребенком так же, как поступали с ней самой.

Дом встретил их безмолвием, нигде не было признаков жизни. Ни звуков радио, ни собачьего лая, вообще ни малейшего шума. Сам воздух пах одиночеством.

– Она не знает, что ты сегодня приезжаешь? – удивился Тед. – Я думал, она будет тебя встречать.

– Здесь она, где же еще, – насупленно ответила Эвелин. – Она никогда ничего не забывает.

Из прихожей Эвелин прошла по темному коридору до кухни. Ее сестра Джоан сидела там на стуле у плиты с газетой в руках, открытой на странице с кроссвордом. При появлении Эвелин она не шелохнулась.

– Здравствуй, Джоан. Вот я и вернулась.

– Вижу, – прозвучало в ответ.

– А это мой друг Тед. Он любезно согласился привезти меня из Лондона с вещами.

– Добрый день, – подал голос Тед и протянул руку.

Джоан презрительно глянула на него и оставила протянутую руку висеть в воздухе.

– Это тот самый? – Джоан указала на Теда кивком головы, больше не удостоивая его взглядом.

– Нет, – ответила Эвелин, уже не справляясь с раздражением. – Я же сказала, друг.

– Занятная у тебя жизнь. В друзьях у тебя мужчины, – выдавила Джоан.

Глядя на Теда, Эвелин закатила глаза и горестно вздохнула: вот, мол, с чем мне теперь придется мириться!

– Нормальная жизнь, – буркнула она. – Хочу напоить его чаем. Хочешь чаю, Тед? Присядь.

Тед сел как можно дальше от Джоан и проямлил слова благодарности.

Отказываясь реагировать на грубость Джоан, Эвелин занялась чаем: нашла на полках заварной чайник, чашки с блюдцами, чай; все оставалось на тех же самых местах, что когда-то, до ее отъезда.

– Хороший у вас дом, – попробовал завести светский разговор Тед.

Джоан не ответила.

– Я тоже всегда хотел жить на берегу моря. Моя тетка жила в Маргите. В детстве я любил ее навещать.

Джоан упорно молчала, пришлось Эвелин прийти на помощь Теду.

– Ты мне этого не рассказывал, – прощепетала она. – Она по-прежнему там?

– Тетя скончалась. – Тед повесил голову и перекрестился, хотя был не больше католиком, чем она. – Храни Господь ее праведную душу. Ее квартиру передали Лиге защиты кошек. Кому такое понравится?

Он валял дурака. Эвелин, знакомая с его чувством юмора, знала, когда он шутит, а когда говорит серьезно. Он был готов отнестись к Джоан снисходительно и от души позабавиться. При других обстоятельствах Эвелин охотно подыграла бы ему, подбросила вопросы для его уморительных ответов, но ни к чему было злить Джоан еще до того, как она внесла в дом свои вещи.

Обернувшись с чайником в руках, она обнаружила, что Джоан, кривя губы, уставилась на ее живот.

– Пока что-то не видать, – сказала та презрительно. – Тем лучше. Один Бог знает, что скажут соседи, когда поймут, какой позор ты навлекла на этот дом.

Эвелин так грохнула чайником об стол, что из носика на клеенку брызнула струйка.

– Прекрати, Джоан! Сейчас 1979 год, а не 1929-й. Кому какое дело до разговоров соседей? Я не совершила ничего незаконного. У меня будет ребенок, как у миллионов других женщин.

– Вот заработаешь на собственный дом, тогда и плюй на мнение соседей, а пока живешь под моей крышей, изволь проявлять уважение.

– Я думал, дом принадлежит всем троим... – не сдержался Тед.

Эвелин покачала головой, давая ему понять, что лучше не продолжать. Он был, конечно, прав, но в ссоре не было бы толку. Больше всего Эвелин хотелось тишины и мира, она была на все готова, лишь бы сестра угомонилась.

– Послушай, Джоан, – заговорила она миролюбиво, – знаю, это нелегко принять. Я сама этого не хотела...

– Надо было думать, прежде чем раздвигать ноги, – пробурчала Джоан.

Эвелин набрала в легкие побольше воздуха, решив не реагировать.

– Ситуация такая, какая есть, так почему бы нам всем не поладить? Нет никакого смысла все время ругаться. Давайте извлекать из ситуации пользу. Со временем тебе могут даже понравиться шаги маленьких ножек по всему дому.

Когда эти слова уже сорвались с ее уст, Эвелин вспомнила полные фарфоровых безделушек стеклянные шкафы, ценные книги, к которым отец никогда не разрешал прикасаться, не говоря о том, чтобы их читать. Насколько она успела увидеть, Джоан не поменяла в доме буквально ничего. Он так и остался самым враждебным для любого ребенка местом.

Тем не менее она находилась именно здесь. Можно было малопомалу самой кое-что изменить, внедрить новый образ жизни. Денег у нее не было, но вдруг получится уговорить Джоан на какие-то усовершенствования, которые осовременят дом. Это могло бы даже доставить удовольствие.

– Изволь уважать то, как я живу, – сказала Джоан, – поменьше попадайся на глаза, и все пойдет как по маслу. – И она вернулась к разгадыванию кроссворда.

Эвелин переглянулась с Тедом и закатила глаза. Тед едва заметно покачал головой, давая понять, что все понимает. До сегодняшнего дня у Эвелин теплилась надежда, что Джоан изменилась, что они каким-то образом сумеют сосуществовать, пока не сложатся отношения, при которых они смогут нормально уживаться. Но, приехав сюда, она убедилась, что это была пустая мечта. Джоан осталась такой же, какой была всегда, и Эвелин ничего не могла сделать, чтобы сестра стала хоть чуть теплее и научилась сопереживать. Тем не менее она решила не оставлять попыток, потому что ничего другого ей не оставалось.

Тед так смотрел на Джоан, будто был готов в любой момент вступить за Эвелин, и та была благодарна ему за моральную поддержку. Она не одна – это уже немало.

– Что ж, начинаем заносить мои вещи? – обратилась она к нему. – Я поселюсь в своей прежней комнате, Джоан? – спросила она, хотя заранее знала ответ.

Джоан с досадой хмыкнула.

– Не знаю, где еще ты могла бы спать.

– Вот и хорошо, – отозвалась Эвелин со всем доступным ей спокойствием.

Вот она и дома. Последних десяти лет как не бывало.

Стоя на противоположном тротуаре, Пип глазела на дом Маунткаслов. У нее за спиной разбивались о берег волны, галдели чайки, ветер уносил вдаль их жалобные крики. Найти дом не составило труда. Джек описал его так подробно, что Пип безошибочно его опознала. Теперь дом казался ей смутно знакомым. Наверняка она пробегала мимо него в детстве, пугая себя всяческими ужасами из рассказней о живших здесь женщинах; теперь ее воображение разожгли зловещие истории, услышанные от Джека.

Ныне дом выглядел убогим, заброшенным. С рам облезла краска, оконных стекол, похоже, много лет не касалась тряпка. Состояние обветшания было таким, что дом вполне можно было бы счесть нежилым, если бы не свет в одном окне на втором этаже. Там кто-то был. Но кто?

Джек не мог вспомнить, с которой из сестер произошел смертельный несчастный случай; Пип искренне надеялась, что с Джоан. Желать одной из сестер гибели было бесчеловечно, но с каждой прочитанной ею дневниковой записью она проникалась все большей симпатией к жизнерадостной, положительной Эвелин. Впрочем, состояние дома заставляло сомневаться, что в нем живет Эвелин из дневника.

Пип гадала, что за события могли вызвать такой крах. Возможно, она не выдержала тоскливое существование в этой ловушке и невозможность вернуться к прежней жизни. В этом содержался урок, но Пип не хотелось в него углубляться. Она твердила себе, что находится в совершенно другой ситуации. В отличие от Эвелин она не в ловушке, у нее есть деньги, есть любимая работа, к которой она вернется, когда более-менее воспрянет духом. В Саутволде она временно, вот придет в себя – и... Эвелин, возможно, прожила здесь все эти десятилетия, но это вовсе не значит, что и Пип ждет та же судьба. Тогда откуда у нее это близкое к отчаянию настроение?

Она отбросила мысль, что тоже может увязнуть в трясине. Чтобы не думать о плохом, Пип заставила себя мысленно вернуться к дому через дорогу и к причине, по которой она его разыскала. Был только один способ узнать, жива ли Эвелин Маунткасл и что с ней приключилось: постучать в дверь.

При мысли об этом Пип испытала чувство, близкое к радостному предвкушению. К этому времени она прочла уже почти половину дневника и была уверена, что Эвелин Маунткасл ей понравится – лишь бы та была жива! Дело было не только в очевидных параллелях между их жизнями, но и в той энергии, в том напоре, которые вдруг ощутила в себе Пип. Если она постучится в эту дверь и заведет с Эвелин разговор, то они непременно поладят.

Но это приключение она решила отложить на потом. Не было еще и девяти часов утра, слишком рано для визита, к тому же Пип хотелось сначала дочитать дневник, а уж потом вернуть его владелице. Вот прочтет все, тогда и вернется, объяснит, кто она такая, отдаст дневник. Надо поднакопить знаний об актрисе Эвелин Маунткасл, нужна уверенность, что пожилая женщина пригласит ее в дом, подкупленная мастерской лестью.

Впрочем, плачевное состояние дома подсказывало, что Эвелин не избалована гостями. То ли она их не жалует, то ли ее попросту некому навещать. Пип задумалась о том, где сейчас Скарлетт. Возможно, она переехала в совсем другие края. Было приятно фантазировать, что дочь Эвелин тоже стала актрисой и продолжила дело матери. Пип привлекало изящество этой версии. Ею могла объясняться и заброшенность дома. Скарлетт может жить в Лондоне, а может и за границей. Предположим, она трудится на круизном лайнере, развлекает пассажиров. Пип улыбнулась: вот она и сочинила для девочки целую биографию. Теперь той уже лет сорок, странно думать так о «малышке Скарлетт», еще дошкольнице, каждую ночь впархивающей в спальню к Эвелин.

Пип уже дочитала дневник до августа 1983 года. Для чтения у нее было выделено время после ужина, когда она погружалась наконец в бесхитростную жизнь Эвелин и Скарлетт. Судя по дневнику, они вели скромное существование, не избалованное событиями. Кроме жалоб на дурное обращение со стороны Джоан, Эвелин писала о мыслях, посещавших ее каждый день. Не все они были понятны Пип.

Порой, когда Скарлетт засыпает, я, хлопоча по дому, даю волю воображению: фантазирую, как бы все было, не появись у меня она. Скоро начнется второй сезон сериала «Добро пожаловать в рай». Первый сезон оказался очень успешным, как я и предполагала. Джулиан, наверное, рвет и мечет из-за потери комиссионных. Популярность сериала объясняется, по-моему, тем, что он состоит не только из погонь и пьянства. В нем рассказывается о том, как женщины совмещают работу с обязанностями жен и матерей. Ирония в том, что именно это мне и не удавалось.

Вынуждена признать, что девушка, исполняющая роль вместо меня, оказалась способной, хотя у меня все равно вышло бы лучше. Не могу долго об этом думать – слишком тяжело. Жизнь так несправедлива! Моя ошибка лишь в наивности. Сама и понесла – продолжаю нести – наказание за это. Он даже не знает, что у него есть дочь; я бы никогда ему не сказала, но, думаю, если бы пришлось снова его увидеть, то я бы постаралась, чтобы он узнал, что мне пришлось пережить.

Никогда не расскажу про него С. Ей не нужно ничего знать. Пару раз она спрашивала меня о своем папе, но она так мала. Ее нетрудно отвлечь. Но вечно уворачиваться не выйдет. Настанет день, когда она захочет узнать больше.

Это было первое упоминание отца Скарлетт. Как Пип ни вчитывалась, больше ничего не нашла. Она решила, что произошла старая как мир история: двое встретились, у девушки беда, парень ударился в бег. Ей не хотелось, чтобы он имел какое-то отношение к жизни Скарлетт, невзирая на то, какой тяжелой оказалась по его милости эта жизнь. Правда, в том, что писала Эвелин, чувствовалась горечь, не очень вязавшаяся с ее рассказом, и Пип терялась в догадках.

Джоан, сестра Эвелин, продолжала ее третировать, вызывая у Пип приступы праведного гнева. Эвелин жила в доме почти что на положении прислуги: Джоан взваливала на нее всю домашнюю работу, как будто Эвелин была ее служанкой, а не родной сестрой. Пип невольно вспоминала Золушку и ее уродливых сводных сестер, но Эвелин как будто мирилась с таким обращением, если судить по дневнику.

Пип поневоле сравнивала положение Эвелин и то, как ее собственная мать изредка, очень мягко просила ее о помощи. От этих мыслей Пип становилось стыдно, контраст между поведением ее и Эвелин был невыносимо вопиющим. Читая, она давала себе слово, что впредь будет охотнее помогать матери. Ее жизнь была сложной, все давалось ей с трудом, но это не было оправданием для того, чтобы огрызаться на бедняжку маму или неприкаянно бродить по ферме, как недовольный всем подросток.

Пип уже хотела уйти, но напоследок еще раз подняла глаза на дом. В освещенном окне появилось бледное лицо. За грязным стеклом трудно было разглядеть черты, но видно было, что это женщина с пучком седых волос на макушке. Пип показалось, что они встретились глазами, и Пип не смогла отвести взгляд.

Это Эвелин?

В голове Пип мелькнуло: вдруг та знает, что она читает ее дневник и посвящена в ее потаенные мысли? Нет, быть того не может! Откуда ей знать?

Но пока они смотрели друг на друга через улицу, Пип не могла избавиться от чувства, что между ними существует некая непостижимая связь.

Потом женщина отошла от окна и пропала, оставив Пип на улице одну.

Пип отпирала замок на своем велосипеде, чтобы поехать домой, когда кто-то окликнул ее по имени. Она обернулась и увидела на другой стороне улицы отцовский фургон с Джемом за рулем.

– Так вот чем ты весь день занимаешься? – По его ухмылке можно было подумать, что благотворительная лавка – это секс-шоп.

Пип оставила велосипед на прежнем месте, пропустила машины и подошла к фургону.

– Шикарное место! – сказала она. – Видели бы меня сейчас мои друзья...

– А что такого? – удивился Джем. – Не забывай, я – твой друг, и я не замечаю ничего предосудительного.

Пип, как ни старалась, не удержалась от улыбки.

– Лестью ты добьешься всего, чего пожелаешь.

– Это обещание?

Между ними проскочил электрический заряд, тут же рассеявшийся в вечернем воздухе.

– Послушай, у меня есть полчаса, – сообщил Джем. – Выпьем по стаканчику? Потом я заброшу велосипед в фургон и отвезу тебя на ферму.

– Отлично, я не против.

В этот раз они выбрали другой паб. Пип не исключала, что Джем не хочет, чтобы их слишком часто видели вместе.

Он заказал ей полпинты сидра, ее любимого напитка в юности, и пинту пива себе. Они сели на лавку под окном и замолчали, молчание не было неуклюжим. Оба охотно разглядывали других посетителей, отхлебывая из своих кружек.

– Видишься с кем-нибудь из наших? – спросила она немного погодя.

Уехав учиться в университет, она потеряла из виду школьных друзей, но это не значило, что ее не интересовала их судьба. Джем перечислил тех, кто никуда не уехал, тех, кто женился, кто развелся, поведал о разразившихся за десять лет скандалах; Пип слушала, издавая те или иные звуки, если новость была этого достойна.

Казалось, Джек наслаждается ролью рассказчика, как будто ему, как и ей, некому доверить свои истории. Она предположила, что его невесте Терезе не очень интересно слушать про людей из его прошлого, вот он и рад свежей аудитории. Парочка упомянутых им имен ничего для нее не значила.

– Ты не можешь не помнить Роббо! – Он расширил глаза. – У него еще были сестры-двойняшки на год младше нас. Крохотные такие блондиночки. Шатались по коридорам, как два привидения.

Но даже это описание не помогло ей вспомнить Роббо, кто бы это ни был. Джек удрученно покачал головой, как будто убедился, что в ней есть какой-то дефект.

– Как я погляжу, ты укатила и всех нас забыла.

Это было сказано в шутку, но Пип уловила в его тоне не то печаль, не то горечь. Она виновато пожала плечами.

– Расскажи мне про Терезу, – попросила она – и сразу об этом пожалела. Не хотела она о ней слушать, не хотела знать, что его жизнь двигалась вперед, тогда как ее застряла, угодив в штиль. Попросить об этом ее заставила вежливость, та же вежливость побуждала улыбаться и изображать интерес.

Джек приосанился.

– Она – горячая штучка! – сообщил он с гордой усмешкой.

Пип закатила глаза.

– Вот оно что! Никаких других причин жениться на ней не существует?

– Никаких! – подтвердил Джек с воодушевленной улыбкой.

Опять его юмор, который раньше так ей нравился.

– Нет, серьезно, – продолжил он, – она классная. Безупречное сочетание красоты и мозгов. Она управляет одним из здешних крупных отелей. На самом деле на ней вся отельная сеть. Ее босс – кретин, вечно она его покрывает. Она там у них самая молодая.

Он был так ею горд! Пип порадовалась за него, хотя еще испытывала некоторую ревность. В отличие от нее он заслужил счастье.

– У тебя есть ее фотографии?

Джек выудил из кармана плаща телефон, ввел пароль, пролистал фотографии, парочку отверг и остановился на той, которую счел годной.

– Вот она, моя красотка, – сказал он, любовно глядя в телефон, и передал его Пип.

Та посмотрела на экран. Тереза оказалась привлекательной, но не красавицей, и у Пип отлегло от сердца. Удостоверившись, что соперница – не супермодель, она позволила себе в нее взглядеться и пришла к выводу, что Тереза – приятная женщина, хотя то, как гордо она держала голову, свидетельствовало о самоуверенности, с которой Пип намучилась в Школе права. Что ж, это не ее дело. Тереза – всего-навсего менеджер отеля в маленьком городке, тогда как она – ведущий барристер по правам человека в одной из лучших судебных палат Лондона. Соревнование? Ничего похожего!

А с другой стороны, вправе ли она до сих пор так себя называть? Она уже не была уверена, кто она такая, и, конечно, не имела права поглядывать сверху вниз на Терезу, в чью пользу свидетельствовало гораздо больше, чем сейчас могла приписать себе Пип.

Она отдала Джезу телефон.

– Выглядит чудесно, – тихо сказала она. – Знаю, вы оба будете очень счастливы.

Пип вдруг поняла, что больше ни минуты не сможет поддерживать возведенный вокруг себя фасад. Ей нужно было побыть одной.

Посмотрев на часы, она фальшиво всполошилась.

– Боже, сколько времени прошло! Я обещала помочь матери с ужином. Подбросишь меня прямо сейчас?

Джез допил залпом пиво, и они зашагали к фургону, болтая о переменах в их городке. На этой территории Пип чувствовала себя увереннее. Прошлое! Она так долго от него убегала, а оно вдруг оказалось гораздо более надежной опорой, чем настоящее.

Пип понадобилась марка для открытки ко дню рождения. Это само по себе было удивительно. Она не знала, сколько ее друзей отметили день рождения, пока она жила на ферме. Дни рождения были последним, о чем она думала, пока боролась с депрессией. А теперь почему-то вспомнила, что одной из подруг через два дня исполняется тридцать, и купила в обеденный перерыв открытку. Нормальный поступок, одна из тех мелочей, которыми она почти машинально занималась до трагедии. И вот прежние мелочи возвращаются. Прогресс?

Ища в бумажнике марку, она наткнулась на визитную карточку Доминика. Он написал на ней телефон ресторана, в котором хотел побывать. Она собиралась заказать там столик, вот и взяла карточку, чтобы заняться этим позже. Но «позже» так и не наступило.

При виде его имени она замерла, испытав шок. К этому она не готовилась. Те несколько дней, что прошли после его визита, она старалась о нем не думать, чтобы не грустить, вернее, чтобы не осознать вдруг, что ничего не чувствует. Непонятно, который из этих двух вариантов был бы хуже, поэтому правильнее было избегать любых мыслей. Для этого Пип за последние месяцы отточила навык – постоянно чем-то себя занимать, чтобы в голову не взбрело ничего лишнего.

Но сейчас, теребя кусочек картона, к которому прикасался Доминик, она поневоле его вспоминала. Она бы не сказала, что ей его не хватало – скорее всего, после его визита она в любом случае не выходила бы с ним на связь, потому что их отношения уже держались на волоске, – но ее печалил его уход, тот факт, что эта часть ее жизни осталась позади. Правда, все это походило на наблюдение за тем, как кто-то другой разыгрывает на сцене ее собственную жизнь, а она всего лишь зритель. Рассуждая объективно, нельзя было не пожалеть, что отношения с человеком, которого она вроде бы любила, разрушились, рассыпались в прах. Но у нее было чувство, что все это происходит не с ней. Пип видела, что это крайне досадно, что ей положено чувствовать себя подавленной, даже безутешной, но сама ничего не

чувствовала. Вся проводка у нее внутри провисла и больше не пропускала тока – не исключено, что навсегда.

Она нашла марку и прилепила ее в углу конверта. Визитная карточка отправилась в мусорную корзину.

Потом они с матерью стояли бок о бок в кухне, готовили ужин. Подростком Пип часто заводила споры, часто жаловалась на гендерные стереотипы, в соответствии с которыми был устроен фермерский труд ее родителей. Теперь она понимала, что труд отца в поле и работа матери по дому и у очага – наилучшее распределение обязанностей. Они были командой. Отец не мог бы толком работать на ферме, если бы мать не обеспечивала ему сытную еду, чистую одежду, надежный теплый дом. Без денег, заработанных отцом, матери пришлось бы искать себе работу и запустить дом. Главное, оба были довольны и не захотели бы меняться обязанностями ни при каких обстоятельствах. Гендерные стереотипы гендерными стереотипами, но их жизнь была симбиозом, где одна половина была жизненно важной для благополучия другой. Истинное партнерство!

Довольство своей участью, думала Пип, – вот понятие, с которым она много лет сражалась; только теперь до нее начинало доходить, что оно содержит гораздо больше, чем она допускала, думая о родителях. До трагедии она относилась к их мировосприятию пренебрежительно, считая его ограниченным. Ее всегда огорчало отсутствие у родителей амбиций. То, что она раньше считала их слабостью, ныне оборачивалось сильной стороной.

– Хорошо посидели с Джемом? – спросила мать, соскребая грязь с морковок и передавая их Пип для чистки и нарезки. – Кажется, это уже второй раз?

Вопрос был невинный, но, зная это, Пип приняла его в штыки. В юности она упорно утаивала любые сведения о своей личной жизни, но какой вред могла причинить откровенность с матерью теперь – как, впрочем, и тогда?

– Да, но в этот раз получилось скорее спонтанно, – призналась она. – Но было хорошо поболтать. Он совсем не изменился. Даже не знаю, честно говоря, почему так долго избегала разговоров с ним.

– Не до того было, – просто объяснила мать.

– Он женится? – продолжила Пип, ей не терпелось пролить свет на эту новость, прежде чем мать сама о ней вспомнит. – Ты мне не

говорила.

– Разве? – как ни в чем не бывало откликнулась мать. – Забыла, наверное.

Ее попытки изобразить безразличие не могли обмануть Пип.

– Я никогда не собиралась за Дджеза замуж, – сказала она со смехом, хотя еще не полностью переварила эту новость.

– Он не худший вариант, – сказала мать. – Джек – хороший человек.

Пип не забыла, как непросто у них с Джемом складывалось в юности; мать либо запамятовала об этом, либо вообще ничего не знала, либо предпочитала не вспоминать, раз о замужестве Пип не шло речи, а Джек вознамерился связать себя узами брака с другой.

– У нас с Джемом ничего не получилось бы, – сказала она. – Наша связь была неудачной. – Вместо уверенности ее тон выдавал уныние. – Какая она, его невеста? Ты ее встречала?

– Терезу? А как же! Она очень... – Мать запнулась. Пип знала, что она ищет способ выразить сомнение, не сползая в критику. – Очень самоуверенная.

Пип украдкой улыбнулась: нахалка!

– По-моему, там водятся деньги, – добавила мать. В таком ключе она всегда отзывалась о людях выше их по социальной лестнице, Пип этого не выносила. – Джек об этом молчок, но уж больно она задается. Это неспроста. А как одевается! По-моему, она не из простых.

Пип прекрасно понимала мать, при всей завуалированности ее речи. Такая, не из простых, Джезу не ровня. «А она не ровня мне», – хотелось ей огрызнуться. Уж точно не ровня Роз Эпплби. Хотя матери это было бы непонятно, да и что толку огрызаться? Какая разница, как ты себя ведешь, как говоришь, как одеваешься? В жизни полно вещей поважнее, не последняя по значимости – просто оставаться живой.

– По-моему, у нее хорошая работа, – продолжила Пип.

– Да, она менеджер в том большом отеле на набережной, забыла название.

Ничего мать не забыла, догадалась Пип, просто невеста Дджеза ей не по душе.

Повисла пауза. Пип, зная, что мать готовится задать трудный вопрос, напряглась.

– Удалось тебе поговорить с Джезом? – Слово «поговорить» она произнесла с нажимом, хотя смысл был и без этого кристально ясен. Ей были важнее всего интересы Пип, верхом желаний было, чтобы дочь пришла в себя, поэтому Пип велела себе не раздражаться.

– Более-менее, – ответила она и кожей почувствовала облегчение матери.

– Вот и славно, – выдохнула та, и Пип тоже испытала облегчение – оттого, что можно не продолжать.

* * *

После ужина Пип, как всегда, отправилась к себе наверх: ей не терпелось снова нырнуть в жизнь Эвелин. Она улеглась в постель и нашла страницу дневника, на которой остановилась прошлым вечером.

16 августа, вторник

Какой сегодня чудесный день! Я повела Скарлетт на край мола ловить крабов. Мы раскопали в гараже старую леску Питера, я похитила из холодильника немного бекона на приманку. Прилив начался очень рано, но нас это, конечно, не отпугнуло. Народу на моле было мало, мы нашли отличное местечко. С. нетерпелива, ждать ей не по нраву, сколько я ни объясняла, что надо набраться терпения. Но не прошло и десяти минут, как нам повезло. Нам попался настоящий гигант, но нам удалось дотащить его до нашей корзинки, не упустив. С. ужасно радовалась (и одновременно боялась). Я показала ей, как держать краба, чтобы он ее не ущипнул, и она даже погладила его по панцирю. Потом мы его отпустили и пошли в кафе, пить горячий шоколад и есть булочку. С. не допила и не доела, слишком была возбуждена, пришлось мне ей помочь. Потом мы возвели ее любимый замок из песка, со рвом и с мостом, и ушли домой, спать. Пляж только-только начал заполняться людьми. Получилось прекрасно.

У Пип остались смутные воспоминания о ловле крабов. Родители были слишком заняты, чтобы покидать ферму ради такой малости, а когда она подросла и уже могла заняться этим сама, ее слишком увлекла учеба, так что ловля крабов перестала ее интересовать. Но у

Эвелин и Скарлетт все получилось в тот день. Она представила себе Эвелин, одетую в стиле участников группы Dexys Midnight Runners^[9]. Волосы убраны под платок в горошек, Скарлетт в сарафанчике; они шагают рука об руку по пляжу с корзинкой и с мотком лески. От этой счастливой картинке Пип заулыбалась.

Она перевернула страницу, приготовившись узнать про новый день, но следующая страница оказалась пустой. Странно! Иногда Эвелин писала совсем мало, но всегда выжимала из себя хоть что-то. Пип стала перелистывать страницы – ничего! Провал растянулся на целых десять дней. Возможно, они уехали отдыхать, но Эвелин непременно захватила бы дневник с собой; к тому же долгого отдыха ничто не предвещало.

Наконец тридцатого августа записи возобновились, но какие-то небрежные: то ли Эвелин писала не той рукой, то ли в полусне.

Сегодня мы ее похоронили. Приехал Тед. Без него я не пережила бы этот день. Еще были Питер с женой. Джоан не пошла, сказала, что простужена, но я знаю, что это отговорка. Я была даже рада. Сейчас я слишком зла на нее и не сумела бы это скрыть.

Не знаю, что мне делать без нее. Не знаю, как буду без нее жить. Моя жизнь кончена. У меня ничего не осталось.

Пип перечитывала эти несколько строк снова и снова. О чем это Эвелин? Может быть, есть иной способ истолковать эту запись, кроме самого очевидного? Но на самом деле Пип все понимала.

Скарлетт. Чудесная малышка Скарлетт, еще не ходившая в школу. Скарлетт, огонек в жизни Эвелин, центр ее вселенной. Скарлетт не стало.

Глаза Пип защипало от слез, через секунду-другую они покатались по ее щекам. Бедная Эвелин. Пип знала, что потерять ребенка – худшее, что может случиться с матерью, обреченной после этого на невыносимую боль. Знала, потому что ее саму день и ночь преследовала та же боль, пускай чужая.

Ее затошнило, она побежала в ванную в коридоре и едва успела. Ее шумно вырвало в унитаз.

Лишиться ребенка. Убить ребенка. Две стороны одной медали. Эвелин потеряла Скарлетт. Пип убила мальчика.

Но это была разная боль. Эвелин уже прошла через тот ад, в котором наверняка продолжала жить мать убитого. У Пип был свой собственный ад, она стала источником боли. Без нее ад не разверзся бы.

Она сидела на полу в ванной и вся тряслась, пока не прошел шок.

Когда к ней наконец вернулась способность шевелиться, снаружи уже стемнело. Снизу доносилось бормотание телевизора. Ей показалось, что она слышит музыкальную тему новостей в десять вечера. Скоро родители пойдут спать, нельзя, чтобы они обнаружили ее лежащей на полу в ванной.

Пип с трудом, преодолевая головокружение, поднялась. Болел живот, ее знобило, кожа на всем теле была липкой, не отпускало чувство отстраненности, часто сменявшее паническую атаку, как будто за нее движется и живет кто-то другой.

У себя в комнате она чуть не наступила на дневник, упавший на пол, когда она бросилась в ванную. Она подняла его дрожащей рукой и нашла то место, где прервала чтение, надеясь, что ошиблась, но нет, никакой ошибки: в обычный августовский день 1983 года мир Эвелин Маунткасл бесповоротно изменился. Так же изменился и ее собственный мир в обычный вроде бы день в октябре.

Пип съезжилась в своей постели и так разрыдалась, что слезам не было видно конца. То были все те слезы, что ей не удавалось пролить все прошлые месяцы. В голове щелкнул переключатель, и голос, прежде запрещавший ей рыдать, произнес: «Теперь можешь плакать. Начинай прямо сейчас».

К тому времени, как в дверь ее спальни постучалась мать, чтобы пожелать ей доброй ночи, у Пип уже не осталось слез.

Наступило утро. До слуха Пип доносились звуки в остальных частях дома: отец собирался на работу, мать готовила завтрак. Начало обычного дня, такого же, как другие. Но кое-что изменилось.

Она чувствовала, что у нее распухли веки так сильно, что ей даже не хотелось представлять, как ужасно она выглядит. Мать сразу поймет, что она проплакала почти всю ночь, но сейчас ей не было до этого дела. Пускай видят. Какой ей от этого вред? Какой смысл притворяться?

В ванной она умыла лицо холодной водой, приложила к глазам компрессы из мокрой туалетной бумаги, но это мало что поменяло. Со следами слез могло справиться только время.

Но даже при своем ужасном облике Пип чувствовала себя уже по-другому. Ей было просто нехорошо. Ничего похожего на то, что она чувствовала до трагедии, но все же пустота внутри начала затягиваться, и это было отрадно. Возможно, наконец-то наметился какой-то прогресс. Ей не хотелось избавляться от всей ставшей привычной боли – это была ее ноша, и она считала справедливым, если ей придется влачить хотя бы ее часть до конца своих дней. Другое дело, если ей станет чуть-чуть легче. Ведь от этого вряд ли будет какой-либо вред.

Стоило матери увидеть дочь, как стало ясно, что перемена заметна и ей. От матери было не спрятать красные распухшие глаза, но на ее лице отразилось чувство облегчения: она начала понимать, что происходит. Все эти месяцы она не переставала советовать Пип хоть немного поплакать, уверяя, что дать волю своему горю, своей боли – все равно что принять целительную пилюлю. Теперь было очевидно, что Пип именно так и поступила и тем самым встала на путь выздоровления.

Впрочем, мать предпочла промолчать.

– Ты поедешь сегодня в лавку? – только и спросила она.

Пип молча кивнула, насыпая себе хлопья, а потом обильно посыпая их сахаром. Мать никак не отреагировала.

– Мам? – подала голос Пип, съев хлопья.

– Да, милая? – Пип заметила, что мать замерла, перенеся все внимание на нее: поняла, что настал важный момент.

– Спасибо тебе. За то, что меня терпишь. Конечно, со мной нелегко... Просто хочу, чтобы ты знала, как я тебе благодарна.

Мать слегка улыбнулась, и Пип увидела, что она старается сдерживать свои чувства.

– Двери родного дома всегда для тебя открыты, – тихо промолвила мать.

Обеим было трудно усидеть на месте, но обе не знали, в какую сторону двинуться. Наконец мать хлопнула себя по лбу.

– Совсем забыла! Я расспросила кое-кого про Эвелин Маунткасл. Там, оказывается, целая история. Напомни, почему она тебя заинтересовала?

Скрывать, что она завладела дневником, не было смысла. Важнее было узнать об Эвелин Маунткасл как можно больше.

– В лавке нашелся старый дневник, – начала объяснять Пип. Мать приподняла бровь. – Он был в коробке вещей на выброс, – уточнила она в порядке оправдания. – Ну, так кто она такая?

– Кто, кто... – Мать никогда не оставалась без дела: сейчас она разбирала сушилку. Расправив складки на клетчатой фланелевой рубашке, она аккуратно ее сложила и положила в плетеную корзину с вещами для глажки. – Жила себе с сестрой и с маленькой девочкой, думаю, своей дочкой. В общем, бедная девочка погибла. Несчастный случай. А немного погодя сестра упала с лестницы. Говорят, сломала шею. – Мать покачала головой, подчеркивая ужас случившегося, и стала искать пару толстому шерстяному носку; найдя, засунула один носок в другой, получился мягкий шерстяной шарик. – С тех пор она живет одна в доме. Никогда не выходит. Вроде бы за ней присматривает племянник, но только он не живет в нашем городе.

Значит, погибла Джоан, а не Эвелин! От облегчения Пип чуть не пустилась в пляс.

– Кажется, она была актрисой, – сказала она в надежде, что таким простым способом выудит из матери еще сведений, но та скорбно опустила уголки рта.

– Неужели? – вяло отреагировала она. – Не слыхала о таком. Мне рассказывали об одних несчастьях. Вот ведь бедняжка! Потерять

ребенка... От такого никогда не... – Мать осеклась и густо покраснела. – О, Пип! Прости, я не хотела тебя...

Пип отмахнулась.

– Не переживай, мама, да, от такого не оправиться.

Они выдержали минуту сочувственного молчания и продолжили беседовать, старательно обходя тему гибели детей.

– Как, по-твоему, мне надо поступить с дневником? – спросила Пип. – Мне не верится, что она хотела отдать его в благотворительную лавку.

– Это верно, – согласилась мать. – Странно как-то. Слыхала, внутри этот дом – руина. Не похоже, что она вдруг решила наводить в нем порядок. Другое дело, что после ее смерти там начнется...

Ну нет, подумала Пип, Эвелин жива, ведь только что подтвердилось, что с лестницы упала Джоан, а не она. Вряд ли Эвелин так быстро последовала бы за сестрой. Пип не терпелось узнать, что произошло с ее карьерой, где отец Скарлетт, почему Джоан поступала с ней так бесчеловечно, как умерла Скарлетт. Тут она вспомнила женщину у окна.

– Думаю, я ее видела, – сообщила Пип. – Она смотрела на улицу.

Судя по укоризненной гримасе матери, та не одобряла манеру заглядывать в чужие окна. Но осуждать дочь не стала.

– Как же мне поступить? – еще раз спросила Пип. – Отнести дневник ей? Такое впечатление, что у нее их несколько. Жаль, если один год выпадет.

Мать подняла корзину с выстиранным бельем.

– Поступай, как сама считаешь правильным, – сказала она. – Но на твоём месте я бы все оставила как есть. Людям не нравится, когда начинают совать нос в их жизнь, особенно тем, кто так сторонится других.

Это был не тот ответ, которого Пип ждала или хотела услышать, но она, улыбнувшись, сказала:

– Хорошо, спасибо, мама.

Взгляд матери задержался на ее лице.

– Скажи, ты в порядке? – тихо задала она вопрос, подразумевающий множество других вопросов.

– Да, мама, – ответила Пип. – Все хорошо. Если честно, сегодня мне немного лучше. Возможно, я дождалась перемен.

– Вот и хорошо, – сказала мать и заторопилась прочь.

Так ли все хорошо? Пип не была уверена, что теперь все будет меняться. Она не смела в это верить, хотя только что произнесла это вслух. Наконец-то она сумела заплакать, это, конечно, было ей во благо. При встрече с Джемом она даже что-то почувствовала. Конечно, от чувств такого рода не всегда бывает польза, но хоть так... Она так долго находилась в оцепенении, что уже забыла, что такое эмоциональный отклик. Читая каждый вечер дневник Эвелин, она начала испытывать интерес к другим вещам, помимо собственного горя и вины. Каждый из признаков изменений был сам по себе почти незаметен, зато все они указывали в одну сторону. Наконец-то Пип перестала топтаться на месте и двинулась вперед.

Когда Эвелин проснулась, небо за окном было молочно-розовым. Будет дождь, решила она. Хотя это ничего не значило, идти куда она не собиралась, потому что решила больше никогда не выходить из дома. Она медленно поменяла позу, морщась от боли в спине и во всех суставах. Какой же старухой она себя чувствовала! Просто двигаться казалось теперь роскошью, привилегией молодости, а она приготовилась до самой смерти мучиться от скованности и неуклюжести. А ведь ей всего семьдесят, напомнила она себе, еще не старость, тем не менее она чувствовала, как с каждым месяцем стареет все больше.

Николас не уставал твердить ей, что если она и впредь будет спать в кресле, то винить останется только саму себя, но что проку переползть из кресла в постель? Из кресла она, по крайней мере, могла при необходимости привстать. А если уляжется, то где гарантия, что она заставит себя снова встать? Такую ее и найдут, если вообще к ней заглянут: лежащую навзничь, одеревеневшую, разучившуюся шевелиться, даже если сердце еще будет гонять кровь по жилам.

Эвелин потянулась за очками, водрузила их на нос и стала смотреть на улицу за окном. Вообще-то даже это становилось для нее все труднее. Соль и сажа с улицы, а также десятилетия грязных дождей покрыли стекло липкой пленкой. Надо бы попросить Николаса вымыть хотя бы это окно. До остальных окон ей не было дела, просто она тосковала по виду на улицу и на море. Перед домом почти никогда ничего не происходило, но все же жаль было бы лишиться из-за грязи на стекле последнего окошка в мир.

Взять хоть вчерашнюю девушку. Она целых пять минут стояла на улице и смотрела на дом. Само по себе это было для Эвелин привычно. Люди часто так поступали, особенно дети, как и все те, кому нечем было заняться, кроме как тратить время на гадание, что происходит внутри. Но чтобы таращиться так откровенно и долго – нет, так бывало

нечасто. Эвелин не узнала девушку, и немудрено: она не знала больше никого во всем городе. К ней никто не навевывался, кроме Николаса, и это полностью ее устраивало.

На столике рядом с креслом лежали мобильный телефон и блокнот со вставленной в корешок ручкой. Она уже бросила вести дневник, не то что в былые времена. Бросила, когда поняла, что записывать стало нечего; другое дело – фиксировать дни. Если этого не делать, они сливались бы в сплошное марево, их было бы уже не различить.

Нынче была пятница, день доставки продуктов. Она научилась делать покупки по интернету. Эту науку ей преподал Николас, и она чувствовала себя в этом как рыба в воде, хотя некоторые детали казались ей надувательством. Иногда она устраивала игру: фантазировала, что устраивает большой прием, как когда-то в Лондоне, и набивала виртуальную корзину всем, что могло для этого понадобиться. Копченая лососина и блины, черная икра и всевозможные канапе, которые теперь можно было заказать готовыми. Шампанское – много-много бутылок. Поразительно, как быстро набегала умопомрачительная сумма. Принимать гостей стало разорительным делом.

Собрав все, чтобы так обильно накормить и напоить своих гостей, чтобы это на долгие месяцы стало темой разговоров, она начинала разбирать корзину, удаляя все предметы по одному, пока сумма не съежится до той, которую она привыкла тратить. В корзине оставалось совсем немного, потому что Эвелин вела очень простую жизнь.

А еще пятница была у нее баннным днем. Встречать доставщика ей нравилось в как можно более приличном виде (сюда относился и запах). Продукты всегда привозили мужчины, ни разу в ее дверь не позвонила женщина-доставщик. Может быть, им нельзя этим заниматься? Эвелин уже давно жила в отрыве от внешнего мира, но понимала, что в данном случае ошибается. Немыслимо, чтобы сохранялись отдельные своды правил для женщин и для мужчин. Жизнь не стоит на месте.

Скорее всего, женщинам попросту не хочется этим заниматься, сделала вывод Эвелин. Невеселое занятие – весь день ворочать коробки и подчиняться другим женщинам, распоряжающимся, куда что ставить.

Требования самой Эвелин были совершенно ясны. Доставщик вынимал из ящиков полиэтиленовые пакеты и оставлял их на пороге, чтобы она сама занесла их в дом. Как-то раз навязчивый водитель, решив ей помочь, не обратил внимания на ее громкие возражения и прорвался в дом.

«Сюда, да?» – спросил он, минуя по пути на кухню завалы из газет.

Выражение его лица говорило о том, что он не одобряет ее образ жизни. Он морщил нос, качал головой.

«Вам нужна помощь, милая леди, – заключил он, оглядев свалку, бывшую когда-то кухней. – Вам есть кого позвать?»

Эвелин со всей решимостью дала понять, что ни в чем не нуждается, в том числе в помощи. Доставщик поцокал языком, опять покачал головой и хотел было возразить, но что-то в ее облике заставило его передумать.

«Что ж, вам виднее. Просто учтите, есть люди, готовые помочь, вам надо только попросить».

После его ухода Эвелин оглядела свое жилище, постаравшись увидеть его чужими глазами, но потом забыла про того доставщика. Принимая свои заказы, она уже не открывала внутреннюю дверь, чтобы избежать непрошеного вторжения.

Будь она честной с самой собой, то согласилась бы, что ей нужна помощь, чтобы привести дом хотя бы в относительный порядок. Ей самой частенько не хватало для этого сил, что в ее возрасте было понятно и простительно. Наступал новый день, нужен был прилив энергии, но он все не наступал. Вот так и воцарилось запустение. Бывало, она бралась за уборку, приготовив мешок для мусора, но быстро выяснялось, что одним мешком дело не обойдется, и у нее опускались руки.

Иногда к уборке пытался приступить Николас. Например, на прошлой неделе он явился к ней с картонными коробками.

«Позволь мне немного прибраться, тетя Эвелин», – сказал он, держа коробку угрожающе, как оружие. Она слышала, как он возится за дверью ее комнаты.

«Что ты там делаешь? – крикнула она. – Не трогай мои вещи, ты все перепутаешь, я потом ничего не найду!»

Он с насмешливой улыбкой просунул голову в дверь.

«Смейся, смейся, – сказала она. – Я точно знаю, где что лежит. Буду тебе очень благодарна, если ты ничего не будешь трогать».

Через несколько минут он пришел к ней и задрал руки кверху – мол, сдаюсь.

«Ладно, твоя взяла. Все равно у меня нет времени все это разбирать. На это ушел бы целый год. Но, тетя Эвелин, тебе пора кого-то пригласить, я серьезно. Тебе самой вредно жить в таком хаосе».

Эвелин смерила его самым суровым взглядом, на какой была способна, предназначенным для особенно несносных персон. Она научилась так смотреть на Джоан, когда еще коллекционировала гримасы в надежде найти им применение перед камерой. Virtuозности она так и не смогла достичь, но на Николаса действовала и эта подделка: от этого взгляда он всегда вжимал голову в плечи.

«Буду тебе признательна за невмешательство в мою жизнь! – хлестко проговорила она. – Я сама решаю, как мне жить, тебя это не касается».

Николас пожал плечами, пробормотал что-то о своем желании помочь и вскоре ретировался. После его ухода Эвелин пожалела о своей сварливости. Какой вред может быть от слабой попытки навести порядок? С другой стороны, какой от этого прок? Она засела в своем доме и ждала смерти. Ожидание тянулось уже больше тридцати лет. Никто, кроме Николаса, не увидит, как она живет, да и вообще, ее подобные вещи не интересовали. Зачем ей что-то менять, если единственное желанное для нее изменение было не в ее власти, не во власти кого-либо на целом свете?

Она медленно оттолкнулась тоненькими, как спички, руками от кресла, морщась от усилия, требующегося для того, чтобы хотя бы немного выпрямить спину. Медленно, шажок за шажком, она поплелась в ванную для еженедельного омоложения.

Только спустя некоторое время Эвелин кое-чего хватилась. Ей привезли заказанные продукты, и она унесла их на кухню, не столкнувшись с необходимостью оборонять свой маленький анклав от нежелательного проникновения. В этот раз справиться сразу со всем доставленным ей оказалось не под силу, поэтому, убрав то, что необходимо, в холодильник, она оставила остальное на кухонном столе, чтобы рассортировать позже.

После этого она стала с кряхтением карабкаться на второй этаж, в комнатуху, служившую кабинетом Джоан. Там она бывала нечасто, потому что не помнила, не преграждает ли доступ туда груда книг за дверью. Но именно там хозяйничал в последний раз Николас, и ей захотелось посмотреть, велик ли нанесенный им урон.

Эвелин преодолевала лестницу ступенька за ступенькой, из последних сил цепляясь за перила, и размышляла о визите племянника, испытывая при этом тяжесть в груди. Напрасно она на него накинулась, он просто хотел помочь и не заслужил нагоняй.

Было даже чудом, что он продолжает ее навещать. Любой другой давно махнул бы на нее рукой, не выдержав недружелюбия и ее вечной раздражительности. А без него она бы совсем зачахла, оставшись в полном одиночестве. Тогда Эвелин могла бы ворчать и негодовать сколько душе угодно, никто ее уже не услышал бы. Если вовремя не опомниться, можно превратиться в Джоан, вот смеху-то будет!

Или это уже произошло? Она так давно лишилась всякого подобия общества, что уже не знала, годится ли для чего-то подобного, хотя опасалась, судя по разговору с Николасом, что напрочь разучилась общаться. Ей даже нравилось думать о себе как о несносной брюзге. Эту роль она сыграла бы без всякого труда, для нее ей не пришлось бы прибегать к своей коллекции актерских уловок, к тому же брюзгливость помогала держать людей на расстоянии, что было ей теперь на руку. Николас стал исключением, он был родным ей человеком, к нему можно было быть добрее.

Взойдя на второй этаж, Эвелин толкнула дверь кабинета, но дверь не поддавалась – не иначе, придавленная чем-то изнутри. Она несильно

ударил в дверь плечом – не хватало ей перелома хрупкой косточки! Дверь приоткрылась самую малость, но и этого Эвелин хватило, чтобы нырнуть в комнату.

Там все оказалось не так плохо, как она боялась. Непонятно, что так возмутило Николаса! Да, везде, где только можно, лежали книги, но на персидском ковре еще не до конца выгорели алые медальоны.

Ясно было, что относительно недавно здесь кто-то побывал. На тех местах, откуда забрали какие-то предметы, не было пыли. Все вместе смахивало на декорацию, и это даже доставило ей удовольствие, пусть и немного извращенное.

Потом Эвелин повернулась, посмотрела на книжные полки за дверью – и обомлела. Куда подевались книги? Стоя с разинутым от удивления ртом, она смотрела на пустую полку длиной в добрых три фута: там не осталось ни одной книги! Покачнувшись от изумления, Эвелин шагнула к полке, уже не помня об опасности обо что-нибудь удариться.

Она не знала, каких книг недостает, но это было неважно, книги при необходимости можно было бы заменить другими. Но вместе с книгами с полки могло исчезнуть кое-что еще, неизмеримо более важное.

Сердце так колотилось, что стук отдавался в ушах. Подойдя к полке, она зажмурилась от страха, но, когда осмелилась открыть глаза, облегченно перевела дух. Все стояло на прежнем месте, строго по годам, – ее дневники. Эвелин с детства была яростной приверженкой ведения дневников. Чувствуя себя чужой в родном доме, она находила в дневниках отдушину, сбегала в их компании от повседневных мук. В детстве она тщательно прятала дневники от родных, никому из них она не доверила бы свое сокровище из страха быть поднятой на смех.

В последние годы прятать дневники было уже, конечно, не от кого, вот она и решила расставить их на полке. Читала она их нечасто, но само их присутствие напоминало ей о прежней жизни. Сейчас перед ней стояли дневники за более чем десять лет. Было бы невыносимо больно открыть тот или другой и прочесть самые потаенные мысли того человека, каким она была когда-то. Но выбросить их было превыше ее сил. Слишком многое от нее обрело в них словесную форму. Каждый из дневников фиксировал частицу ее прежней жизни: детские годы в этом доме, бегство в Лондон и

проведенные там чудесные годы, наконец, чудо жизни с красавицей-дочкой. До того, как... До того, как Эвелин перестала прикасаться к своим дневникам.

Но шли годы, и постепенно к ней вернулось желание заглядывать время от времени в свою прежнюю жизнь. Она начала опасливо со своего детства, с годов в обществе Питера и Джоан. Читая, она вспоминала, как мало общего было у нее с семьей. Она всегда от нее обособлялась, постепенно, по крайней мере мысленно, становилась сама по себе – с того возраста, как начала себя осознавать.

Потом, осмелев, она стала читать дневники один за другим. Было удовольствием снова вернуться в лондонские годы, вспомнить жизнь в запущенной квартирке на Кентиш-Таун-роуд, Брендю, чудесного Теда.

Настал черед описаний ее жизни со Скарлетт. Посвященных дочке дневников было совсем мало, тем дороже была ей каждая строка, она смаковала ее, как хорошее вино, каждая фраза наводила на трепетные воспоминания. В конце концов она нашла силы, чтобы прочитывать самый последний дневник. После 1983 года записей уже не появилось, в них не было смысла.

Но где он, ее последний дневник? Дневник за 1983 год не был похож на остальные, сразу бросался в глаза. В отличие от простых деловых томиков, этот был с маргаритками на обложке: она пришла покупать его вместе со Скарлетт, та его и выбрала. И вот теперь он пропал. Она искала его, все сильнее отчаиваясь, и не находила.

Пространство на полке, очищенное Николасом, находилось справа от дневников. Не мог же он прихватить последние вместе с ненужной беллетристкой в бумажных обложках? Но ведь смог же! Эвелин стала в панике искать на полу коробку, в которую он складывал книги. Вдруг он еще ее не забрал? Он говорил, что отнесет книги в благотворительную лавку. Что, если до этого еще не дошло?

Коробки она не нашла. Ни коробки, ни книг, ни дневника.

Эвелин затошнило. Надо же было так случиться, чтобы пропал самый ценный из всех! Этого нельзя было себе представить. И тем не менее именно это и произошло.

Эвелин перебралась из кабинета к себе в спальню и схватила мобильный телефон. Скорее позвонить Николасу! Куда бы он ни отнес коробку, пускай вернет обратно.

Пип распахнула тяжелую дубовую дверь, вошла в библиотеку и мигом перенеслась в прошлое. Она забыла библиотечный запах, но он оказался таким явственным, что она удивилась, что не замечала этого в детстве, когда проводила здесь уйму времени. К знакомому запаху старой бумаги добавлялись другие: пчелиного воска, десятилетиями втираемого в полки, плесени и сырости, сопровождающих в старых домах морскую соль, немых человеческих тел. Это сочетание вернуло Пип в детство быстрее, чем любая популярная мелодия тех лет.

К ее радости, старая библиотека осталась прежней. Посредине добавилось столов, на которых вместо ежедневных газет стояли компьютеры, но в остальном все было так же, как в девяностые.

Стоя на пороге, Пип чувствовала странную ностальгию. За прошедшие годы она бывала во многих местах, где концентрировалась ученость, но этой библиотеке была присуща некая неуловимая неповторимость. У нее в горле встал ком, который она с трудом проглотила. После того, что она испытала накануне вечером, нельзя было снова давать волю слезам – кто знает, когда они иссякнут?

Пип расправила плечи и направилась к деревянной стойке, за которой в былые времена штамповали книги. Теперь обходились чипкартой, но в этом не было былого волшебства. Звук штампа ничто не могло заменить.

За стойкой стоял мужчина. Пип подумала, что это может быть мистер Ланкастер, библиотекарь времен ее детства, но нет, это был другой человек.

- Чем вам помочь? – спросил он учтиво.
- Вы по-прежнему переносите на микрофиши Southwold Gazette?
- Да, переносим, – подтвердил он с улыбкой, говорившей о том, что это совсем не популярный вопрос и что библиотекарь с радостью их ей выдаст. – Какой год вас интересует?
- Тысяча девятьсот восемьдесят третий, пожалуйста, – быстро ответила она. – С августа по декабрь.

– Вас тогда еще на свете не было, наверное, – заметил библиотекарь и смутился, как будто сболтнул лишнего. Пип широко улыбнулась и кивнула.

– Потерпите минутку, я сейчас. – С этими словами он заторопился к лестнице.

Коротая время, Пип листала туристические брошюры. Поблизости от Саутволда было множество любопытных мест. Забавно, когда здесь живешь, то почти не помышляешь о том, чтобы их посетить. «Я здесь не живу, – мысленно поправила себя она. – Я просто в гостях. Глазом не успею моргнуть, как вернусь в Лондон».

– Вы Филиппа, не так ли? – произнес голос у нее за спиной. – Филиппа Эпплби. Лучше подтвердите, иначе я почувствую себя глупцом.

Пип сразу узнала этот голос и оглянулась.

– Мистер Ланкастер!

Когда она была девочкой, библиотекарь казался ей старцем, хотя тогда ему вряд ли было много больше сорока. С тех пор он не изменился, разве что густые темные волосы поседели. Очки и те остались те же, в старомодной золотой оправе.

– Глазам своим не верю! – Он протянул ей руку. – Как же я рад вас видеть! Зовите меня запросто: Кит. Вы больше не школьница.

Пип подумала, что вряд ли у нее повернется язык обращаться к мистеру Ланкастеру по имени, но выдавила улыбку.

– Как ваши дела? – спросила она. – По-прежнему работаете здесь? Я как раз думала о вас, но решила, что...

– ...что я одряхлел и вряд ли продолжу работать? – договорил он за нее.

– Конечно, нет! – возмутилась Пип, хотя мысли у нее были именно такие. Чувствовалось, что ее выдают вспыхнувшие щеки.

– Я в полном порядке, благодарю вас, моя дорогая. Просто перешел на неполный рабочий день. Теперь все делается иначе, но я стараюсь не отставать. Не хочу прослыть старым консерватором.

Он улыбнулся, и Пип убедилась, что зубы у него соперничают желтизной с джемпером. Потом выражение его лица изменилось, он дотронулся до ее руки.

– Слышал о вашей беде. Очень вам сочувствую.

Пип сделала над собой усилие, чтобы не закатить глаза. Остался ли в городе хоть кто-нибудь, кто не знает о ее «беде»? Вряд ли. Но все желали ей добра, сочувствовали от чистого сердца.

– Спасибо, – тихо ответила она.

Продолжать не пришлось: вернулся первый библиотекарь с картонным контейнером, на котором было написано черным фломастером: «Southwold Gazette – 1983».

– Вот то, о чем вы просили.

– Представьте, Йен, эта юная леди начала посещать нашу библиотеку, когда еще была по колено полевому кузнечнику! Уже тогда за ней было не угнаться. Вечно здесь, вечно меняет книги, вечно заказывает разную всячину из Ипсвича. Все это не прошло даром, потом она заделалась барристером в Лондоне. Ведь так, Филиппа? – Ланкастер требовал подтверждения своих слов, глядя на нее с отеческой гордостью.

– Так и есть, – сказала Пип, беря контейнер с микрофишами. Ей не хотелось разговора о своей недавней истории. – Здесь сохранился читальный зал? – осведомилась она.

– Куда ж ему деваться! – засмеялся Ланкастер. – Перемены ради одних перемен – не наш путь.

Пип заметила, что он с любопытством косится на контейнер, но говорить о предмете своих поисков ей хотелось еще меньше, чем о своей беде.

– Благодарю за помощь, – сказала она немного резко. – Очень рада была с вами повидаться, мистер Ланкастер.

В читальном зале она выбрала аппарат в углу, расположенный так, что никто не приблизился бы к ней незамеченным, и поставила на стол контейнер. Села, щелкнула кнопкой, достала первую пленку, помеченную июнем 1983 года. Рановато. Она пропустила «июль», извлекла из коробки «август». Заправив пленку в аппарат, она стала просматривать страницы.

Судя по дневнику, Скарлетт умерла в среду 17 августа – тот день стал первым, когда Эвелин ничего не записала. Найти заметку об этом оказалось нетрудно: как Пип и ожидала, новость находилась на первой полосе.

Местная семья скорбит о страшном несчастье. Потерявшуюся трехлетнюю Скарлетт Маунткасл вскоре нашли утонувшей в мелком пруду в соседнем саду. Мать девочки, Эвелин Маунткасл, актриса, родилась и выросла в нашем городе. По сообщениям, мисс Маунткасл, проживающая вместе с сестрой в фамильном доме, слишком убита горем, чтобы общаться с нашими репортерами, но, как мы понимаем, помогает полиции в расследовании гибели своего дитя. Мисс Маунткасл исполнила эпизодические роли в нескольких телесериалах в 70-х годах, а потом вернулась с дочерью в родной город. Сосед рассказал нашему репортеру: «Скарлетт была чудесным улыбчивым ребенком. Никогда не оставалась одна, мать с нее глаз не спускала. Трудно понять, как такое могло случиться». На тему об отце Скарлетт нашему репортеру сказали, что его «никогда не видели, Маунткаслы всегда были сами по себе». Отпевание с участием одних родных пройдет в церкви Святого Эдмунда».

Пип прочла все это затаив дыхание и тяжело перевела дух. Хотя она знала, что Скарлетт погибла, прочесть новость об этом черным по белому было нелегко. Новость привела ее в недоумение, показалась бессмысленной. Эвелин, знакомая ей по дневнику, никогда не оставила бы Скарлетт без присмотра, не говоря о том, чтобы позволить ей долго бродить в одиночестве и в результате упасть в пруд. Скарлетт было всего три года. Пип знала, что в восьмидесятые годы родители не так следили за детьми, как теперь, предоставляли им больше свободы для прогулок и игр, но в главном забота о детях была не меньшей. О том, чтобы отпустить малышку на все четыре стороны, не могло быть речи и тогда.

Пип прочла заметку еще раз, но не извлекла ничего нового. Откинувшись на стуле, она уставилась в потолок. Его много лет не красили, первоначальная белизна уступила место кремовому оттенку. В углу темнело пятно, следствие протечки, напоминавшее очертаниями карту Великобритании.

Внезапно возникла мысль: смерти в семье Маунткаслов не исчерпывались гибелью Скарлетт. В том же году умерла Джоан, если Джек ничего не перепутал. Пип вернулась к газете, в этот раз уже не

торопясь, потому что точной даты этой смерти она не знала. Газета выходила раз в неделю, на просмотр заголовков и некрологов в каждом номере не требовалось много времени. Про Джоан не было ни слова.

Наконец в последнем номере за ноябрь она нашла искомое и внимательно прочла заметку.

«ВТОРАЯ ТРАГЕДИЯ В СЕМЬЕ

Во второй раз за три месяца в местной семье произошла трагедия. Джоан Маунткасл, местная жительница, сестра актрисы телесериалов Эвелин Маунткасл, упала и насмерть разбилась в фамильном доме. Тридцатисемилетнюю мисс Маунткасл нашла сестра. Падение повлекло ужасные телесные повреждения, смерть, как можно понять, была мгновенной. В августе этого года была найдена утонувшей племянница мисс Джоан Маунткасл, Скарлетт. Полиция подтверждает случайный характер происшествия: мисс Маунткасл оступилась на верхней ступеньке. Ожидается вердикт coronera о смерти в результате несчастного случая».

Пип, глядя на экран, горестно покачала головой. Бедная Эвелин. Две смерти за три месяца – невыносимое испытание, особенно когда у тебя никого больше не остается; хотя, подумала Пип, у нее, кажется, был брат? Ей попадались упоминания о брате в дневнике, ее мать тоже говорила о племяннике Эвелин, из чего следовало, что у той был брат. Она перечитала заметку, но там о брате не было ни слова.

Пип знала об Эвелин немного, только то, что можно было почерпнуть из дневника, но сердце за нее все равно болело. Она вспоминала бледное лицо, смотревшее на нее из окна второго этажа. В дневнике Эвелин представала бодрой, полной жизни. Трудно было совместить два эти образа.

И тут Пип вспомнила еще кое-что, сказанное Джемом. Ходил, дескать, слух, что одна сестра убила другую, но это, если верить газете, было выдумкой. Так, местные сплетни, фантазии школьников, любящих пугать друг друга. Тем не менее об этом было интересно поразмыслить.

– Ну как, нашли то, что искали? – раздался голос. Пип вздрогнула и машинально выключила аппарат. Страница с заметкой погасла.

Она подняла голову и увидела мистера Ланкастера с его неизменной доброжелательной улыбкой. Скрывать свое занятие у Пип не было причин, и все же что-то заставило ее соблюдать осторожность. Это была ее заветная тема, лучше было до поры до времени о ней не распространяться.

– Нашла, спасибо, – ответила она, извлекла из аппарата картридж и вернула его в контейнер.

– Отлично. – Ланкастер не стал любопытствовать, что она читала. – Надеюсь еще увидеть вас здесь. Вы сейчас живете у родителей?

Пип внутренне подобралась, но сохранила на лице улыбку.

– Скоро, не знаю только, когда точно, я вернусь в Лондон.

Он кивнул, как будто это было хорошее известие, и отошел к полкам. Пип закинула на плечо сумочку и аккуратно отнесла контейнер на стойку. Скорое возвращение в Лондон? Она не знала, получится ли это; пока что ей хотелось оставаться в Саутволде. У нее еще были здесь дела.

В тот вечер Пип дочитала дневник. Это было душераздирающее чтение. Без Скарлетт, солнышка, озарявшего ее жизнь, Эвелин окончательно стала отшельницей. Ушли в прошлое веселые рассказы об их забавах, не стало подробных пересказов потешного детского лепета. Из мира Эвелин ушла былая пестрота, он стал скучным, черно-белым, она перестала жить, ограничиваясь минимумом действий, поддерживавших существование. Каждое ее слово сочилось болью.

2 сентября, пятница

Не знаю, как жить дальше. Каждый вдох дается через силу. Сомневаюсь, что есть смысл пытаться дышать. Перестану дышать – и что? После ухода моего прекрасного дитя все лишилось смысла. Раньше я не знала, что бывает такая острая боль. Люди болтают о разрывающемся сердце; я считала это фигурой речи. Но теперь понимаю: это физическая боль. Такое чувство, что мне в грудь, между ребер, всадили клинок. Вся я – комок боли. Не могу спать: стоит закрыть глаза, как я вижу маленький гроб. Не могу есть: выворачивает от одной мысли о пище. Если все же засыпаю, то в первое мгновение после пробуждения все кажется нормальным: вот сейчас зайду к ней в комнату, и она поприветствует меня из своей постельки смехом. А потом вспоминаю.

Пип не могла читать без слез. Дневник вернул ей способность чувствовать, и теперь этому не было конца. Она рыдала без перерыва, проливая слезы, копившиеся долгие месяцы. Слезы не только по Скарлетт и по Эвелин, но и по себе самой.

Параллели между ней и Эвелин невозможно было игнорировать. У обеих в одну роковую секунду вся жизнь пошла под откос. Обе жили, не догадываясь, что их ждет, пока на них не обрушилась неведомая сила, все безвозвратно переломав.

Но теперь Пип начинала замечать и некоторые различия. Под колесами ее машины погиб мальчик, отрицать это было невозможно, но, как ни сжирало ее день и ночь чувство вины, она знала, что

объективно она не повинна в случившемся. Этого никто не оспаривал: ни свидетели, ни полиция, ни коронер. Произошла чудовищная случайность. Никто не смог бы это предотвратить, кроме самого мальчика.

Что же касается гибели Скарлетт, то, побывав в библиотеке, Пип взглянула на эту трагедию по-другому. Ребенок остался один достаточно надолго, чтобы выбраться из дома и очутиться у соседского пруда. Когда речь идет о трехлетке, вину приходится возлагать на тех, кто за ней не уследил. Да, это тоже была чудовищная случайность, но ее можно было предотвратить: хватило бы обыкновенного родительского присмотра. Пип трудно было не увидеть здесь просчет самой Эвелин. Мать ребенка была единственной, кто нес за него ответственность. Часть вины лежала на ней.

Но при этом Пип не могла вообразить, чтобы та Эвелин, представление о которой она составила по дневнику, допустила подобную неосторожность. Эвелин из дневника ни за что не предоставила бы свое дитя самому себе, тем более там, где девочке могла грозить смертельная опасность; тем не менее, если верить газете, именно это и произошло. Если так, то Пип приходилось поневоле считать виноватой несчастную мать.

Вот только из ее дневника вытекало совершенно иное.

14 сентября, среда

Невероятно, но Джоан живет так, словно ничего не произошло. Сегодня утром, умываясь, она даже насвистывала. Насвистывала! Поразительная беззаботность, когда мое дитя лежит в холодной земле. Я наорала на нее, сказала, что ей следовало бы проявить толику уважения, что это она виновата. Если бы не она, Скарлетт осталась бы жива. Она ответила, что это неправда, потому что Скарлетт – мой ребенок. Почему виновата она, раз за С. отвечала я? Но виновата она, это знаю я, знает она. Не знаю, как именно, знаю только, что она утаила от меня правду.

Больше не могу находиться с ней в одной комнате. От одного ее вида у меня внутри все переворачивается. Готовя для себя, она помнит и обо мне, оставляет мне еду на тарелке в духовке, но после ее ухода из кухни я все выбрасываю. Не могу есть еестряпню. Лучше с голоду околоть.

Было ясно, что Эвелин обвиняла Джоан, но Пип еще не понимала почему. Она искала ответ на страницах дневника и ничего не находила. Отношения между сестрами были натянутыми и до гибели Скарлетт, но после нее неприязнь переросла в ненависть, не ослабевавшую с течением времени. Пип подозревала, что причиной этого было безутешное горе Эвелин. Та перекладывала вину на сестру, чтобы было легче жить со своей болью. В этом мог быть смысл. Известно, что вина и отрицание – обязательные стадии скорби.

Но в гибели Скарлетт могло присутствовать еще что-то, пока еще недоступное взгляду. При всей трагичности детской смерти Пип была несколько озадачена, и именно из этой точки их с Эвелин несчастья начинали расходиться. Пип мучила вина за содеянное. Она была с ней днями и ночами, разрушив все, что она до того выстраивала. В мыслях Эвелин этих угрызений не было. Ее жизнь перечеркнуло горе, а не ее собственная вина.

Читая дневник, Пип все сильнее раздражалась из-за ограниченности описания, но при этом все сильнее чувствовала горе Эвелин, как будто погиб ее собственный ребенок. Разделяя ее боль, она обливалась слезами.

27 октября, четверг

Два месяца и десять дней. Дни бегут, а я застыла, вмерзла в неподвижность, как моя деточка. Просыпаясь утром, я знаю, что впереди еще один день без нее. Это никакая не жизнь. Я дышу, делаю необходимое, чтобы не умереть, но это не одно и то же. Так дальше нельзя. Если бы я могла, то мигом присоединилась бы к С. Но не могу, ведь самостоятельно лишиться себя жизни значило бы проиграть, а это для меня неприемлемо. Вот я и тащусь, продираюсь, как могу, сквозь каждый новый день. Я сломлена и не подлежу ремонту. Не представляю себя в другом состоянии. Без моей ненаглядной Скарлетт в жизни не осталось цели.

Пип слышала, как ложатся спать ее родители. Дом затих, не считая капли из прохудившихся труб да уханья сов на ветвях ближних деревьев. Она читала, шмыгая носом, и добралась до ноября.

30 ноября, среда

Джоан мертва. Я рада. Мерзавка получила по заслугам.

От этой безжалостной строчки Пип оторопела. Она помнила слова Джеза: «По слухам, одна столкнула другую с лестницы». Неужто так и было? Дальнейшие записи в дневнике эту тему не развивали. Они становились все реже, превращаясь иногда в набор бессвязных на первый взгляд слов. Казалось, у Эвелин происходит распад личности. Примерно в середине декабря записи оборвались.

Незавершенность всей этой истории не давала Пип покоя. Она гадала, почему Скарлетт оставили без присмотра, почему Эвелин почти не чувствовала себя виноватой, действительно ли она убила Джоан. Либо она, Пип, докопается до правды, либо свихнется от противоречивых догадок.

Может, поделиться своими подозрениями с Джемом? Эту мысль она сразу отмела. Если считать запись от тридцатого ноября признанием, то это чужая тайна, которую грех разглашать, к тому же она вполне может ошибаться. Она убеждала себя, что правда – последнее, но от прочтения записи об участии Джоан у нее волосы вставали дыбом.

Одно было несомненно: вся эта история таила еще много неясностей. Почерпнутое из дневника и из старых газетных заметок приоткрывало только краешек истины, а вовсе не всю ее целиком. Пип знала, что должна отыскать недостающие элементы этой волнующей истории.

На следующий день Пип трудилась в лавке – разбирала груды детской одежды, чтобы предложить ее покупателям. Внезапно раздались возбужденные голоса. Между Одри и каким-то мужчиной вспыхнула перепалка. Слова нельзя было разобрать, но это явно не было дружеской беседой. Пип увидела, что Одри выпрямилась во весь свой небольшой рост и задрала подбородок, а мужчина в чем-то ее обвиняет, грозя пальцем.

Обычно в лавке царил тишь да гладь, поэтому столкновение было каким-никаким развлечением. Пип недоуменно приподняла бровь и подошла ближе, чтобы понять, о чем сыр-бор.

– Со смеху помрешь! – громыхал мужчина. – Вообще никакой системы?

– Уверяю вас, система у нас есть, и заведение полностью ей следует, – насмешливо отвечала Одри.

– Тогда извольте найти хотя бы одну простую вещь.

– Сэр, мы продаем вещи, поступающие в качестве пожертвований, – сказала Одри, стараясь сохранить хладнокровие. – Обычно люди сдают вещи, в которых больше не нуждаются. Мы выставляем их на продажу. У нас их покупают. Все очень просто.

У мужчины поникли плечи.

– В том-то все и дело, – сказал он со вздохом, уже потеряв желание спорить. – Этот предмет не был ненужным. Он попал к вам по ошибке, мне крайне важно его вернуть.

Так происходило нечасто, но Пип знала случаи, когда люди возвращались за переданными в лавку вещами, надеясь, что они еще остались непроданными.

Одри поджала губы.

– Если вы опишете утраченную вами вещь, то мы попытаемся помочь, – сказала она, подчеркнув слово «вами», чтобы было ясно, по чьей вине произошло недоразумение.

Пип стало нехорошо. Она знала, что речь идет о дневнике. С самого начала было ясно, что он попал в коробку с книгами по ошибке.

– Это книга, – сказал мужчина. – Точнее, дневник. Вот такого размера. – Он показал руками размер. – С цветочками на обложке, кажется, маргаритками. Он по недосмотру очутился вместе с книгами, которые я привез. В той коробке ему было не место. Мне очень нужно его вернуть.

Теперь на его лице было написано отчаяние, и Одри, видя, что все карты у нее на руках, немного смягчилась.

– Когда вы привезли книги? – осведомилась она.

– Я оставил их у вас на пороге где-то неделю назад.

Одри возобновила атаку.

– На то и правила, – сказала она, указывая на надпись на стене. – Привезли бы нам книги в часы работы – мы бы вместе их перебрали, тогда ничего этого не случилось бы.

Она торжествующе улыбнулась, мужчина в ответ только вздохнул и взъерошил себе волосы.

– Вы правы, – сказал он. – Просто я торопился, а припарковаться не всегда легко...

– ...в дневное время, – закончила за него Одри. – Знаю, но ничего не поделаешь.

– Ну так что? – нетерпеливо продолжил мужчина. – Вспомнили мою коробку?

Одри склонила голову набок, делая вид, что припоминает. Ответ был ожидаемый: «Нет, не помню».

У Пип усилилось чувство тошноты. Она отлично знала, о какой коробке разговор, знала, где лежит дневник, который ему вдруг понадобился: у нее в комод, спрятанный под стопкой ее трусиков. Признаться, что дневник у нее, значило бы повиниться, что она его унесла (нарушение установленных Одри правил); а раз она его сохранила, значит, прочла. Голос совести требовал сказать что-то, но она на него не реагировала. У нее не было сил на столкновение с Одри, к тому же этого мужчину она видела впервые в жизни. Возможно, у него не больше прав на дневник, чем у нее, хотя возможность эта крайне мала.

– Куда могла подеваться коробка? – спросил он. – Как это у вас обычно бывает?

– Если ее не украли с порога лавки... – Одри выразительно указала глазами на объявление. – В этом случае мы разбираем

содержимое сразу после открытия, готовим к продаже и раскладываем по полкам.

– Дневник-то зачем выкладывать? – в отчаянии спросил мужчина. – Кто его купит?

Одри пожала плечами.

– Дневник мы бы не выложили. Разве что признали бы его особенно важным...

Мужчина просиял.

– Тогда куда он мог подеваться? Раз вы его не продали.

– Здесь всем заправляю я, его принесли бы мне. Но этого не произошло. Мне очень жаль, мистер...

– Маунткасл, – тихо сказал мужчина и так тяжело вздохнул, что у Пип потемнело в глазах. Немедленно сказать им, что все это из-за нее! Ну нарушила она правила Одри, что с того? Кому есть до них дело, кроме самой Одри? Но лишиться дневника сейчас значило бы отказаться от надежды поговорить с Эвелин и получить ответы на все свои вопросы. Дневник послужит пропуском к ней в дом, тем более теперь, когда стало ясно, что она требует его назад.

– Если он всплывет, обязательно со мной свяжитесь, – попросил мистер Маунткасл, достал из кармана бумажник, вынул из него визитную карточку и положил ее на прилавок перед Одри.

После этого он молча покинул лавку.

Как только за ним закрылась дверь, Пип вылетела из подсобки со стопкой одежды в руках.

– Что это было? – спросила она небрежно, как будто не ждала ответа, а просто из вежливости.

– Ошибка при сдаче пожертвований, – объяснила Одри. – Люди очень беспечны с вещами, якобы дорогими их сердцу.

– Он, похоже, здорово огорчился, бедняга, – сказала Пип.

Одри хмыкнула и ушла ставить чайник.

Пип схватила с прилавка визитную карточку и спрятала в карман джинсов. Она оказалась перед дилеммой. Самым очевидным шагом было позвонить Николасу Маунткаслу – так его звали, судя по визитке, – и сообщить, что дневник у нее. Но если она так поступит, он попросту заберет у нее дневник, лишив возможности встретиться с Эвелин.

Или другой вариант: самой заявиться к Эвелин с рассказом, что она слышала, как Николас спрашивал про дневник. Недостаток этого плана был в том, что встал бы вопрос, почему она не отдала дневник ему. Эвелин могла не знать об исчезновении дневника, в этом случае Пип подвела бы Николаса. Это ее не очень смущало, и вообще, ей все больше нравился третий вариант: не признаваться, что она знает о поиске дневника, а просто принести его, как она и собиралась сделать. Так она познакомится с Эвелин, не сообщая ей о визите Николаса к ним в лавку.

Лучше всего было поспешить к Эвелин сразу после работы. Но в следующую секунду она спохватилась, что при ней нет дневника. Тогда завтра, в субботу, обычно по субботам она не работала в лавке. Отправиться к Эвелин прямо с утра и попытаться проникнуть в дом, используя дневник как приманку. Пользоваться беззащитностью старушки – не лучшее занятие, но ничего не поделаешь, к тому же она не намеревалась причинять ей никакого вреда. Цель – вызвать ту на разговор. Старушки любят поболтать, значит, Эвелин оценит представившуюся возможность. Пип придется наврать, что она не читала дневник, хотя это усложнит расспросы. Она покачала головой: зря она барристер, что ли? Ей ли не знать, как вытягивать из свидетеля информацию. Ей не составит труда вызвать одинокую пожилую леди на ностальгическую беседу.

Пип стала возиться с одеждой на полках, чтобы не раздражать Одри праздностью. Она уже преодолела брезгливость, которую поначалу испытывала к чужой ношеной одежде, и даже прониклась добрым чувством к вещам, к которым испытывали любовь их прежние владельцы. Иногда она забавы ради придумывала для той или иной вещицы целую историю: представляла купившего ее человека, который носил ее по особым случаям, а потом отдал в надежде, что ее будет с любовью носить кто-то другой. Сама она не хотела покупать такую одежду, но теперь лучше понимала весь процесс. Она постепенно стачивала свои острые углы, как прибор сглаживает за века опасный угол утеса.

Пип попыталась представить Николаса Маунткасла. Он был высокий и поджарый, хотя рядом с Одри любой выглядел бы поджарым. Довольно длинная курчавая шевелюра цвета имбирного пряника. Он откидывал волосы со лба, отчего лицо казалось очень

вытянутым, нос длинный, под стать лицу. Первое слово, приходившее Пип на ум при мысли о нем, – долговязый. Есть ли у него сходство с Эвелин? Она затруднялась сказать что-то о внешности женщины в окне, тем более – об их фамильном сходстве.

Он очень старался заполучить обратно дневник – не то стыдился, что потерял его, не то боялся гнева Эвелин. Из его разговора с Одри напрашивался второй вывод, хотя это не совпадало со сложившимся у Пип мнением о пожилой леди. Что ж, за годы после гибели Скарлетт у нее мог испортиться характер. Вдруг она превратилась в желчную брюзгу, довольствующуюся обществом стаи кошек и отвергающую любые предложения о помощи?

Пип улыбнулась и подавила смешок. Ну и занятие – ломать голову о незнакомке! Безумие, граничащее с наваждением. После того как она нашла дневник, его содержание и сама Эвелин не выходили у нее из головы. Она знала, что это ненормально, но ее жизнь после трагедии утратила всякую связь с обыденностью. Назвать свою жизнь здоровой у нее тоже не поворачивался язык. Она знала, зачем зацикливается на дневнике: чтобы не думать о Доминике. Впрочем, всякий раз, вспоминая его поневоле, Пип мало-помалу расставалась с грустью. Чем дольше она жила дома, тем более чужой становилась для нее Роз. Она меркла в ее памяти, как лишаются аромата ее тезки-цветы, застоявшиеся в вазе. Доминик любил Роз, вернее, свое представление о ней; Пип терялась, что верно, что нет. Но когда Роз стала чахнуть, зачах и интерес Доминика к ней, а уж Пип и вовсе его не привлекала. Теперь она считала, что это о многом говорит. Не значит ли это, что все к лучшему? Возвратившись в Лондон, она будет чуть ли не ежедневно сталкиваться с Домиником на работе, но эта мысль нисколько ее не тревожила. Это тоже было не зря.

Впервые у нее зародилась новая мысль, сперва осторожная, как улитка, наострившая рожки из страха опасности: не начать ли ей подыскивать новую квартиру? Нельзя же всю оставшуюся жизнь жить здесь, в захолустье? Рано или поздно придется вернуться и возобновить работу, а значит, и найти жилье. Лучше перевезти вещи на новое место, чем сюда, на ферму. Ей казалось, что если увезти все нажитое в Суффолк, то больше она отсюда не выберется, будет думать, что потерпела неудачу; в городе найдутся люди с таким же мнением о ней. Новая квартира – способ всего этого избежать.

Но тут нахлынули непрошенные воспоминания о том, как она растянулась без чувств на полу в Большом зале суда высшей инстанции. Как готовить возвращение в Лондон, когда не знаешь, не настигнет ли ее опять паническая атака вроде той? От одной мысли об этом у нее отчаянно заколотилось сердце. Пип вцепилась в вешалку и стала медленно дышать, вспомнив науку о преодолении приступа. Потребовалось добрых десять минут, чтобы овладеть собой. За эти бесконечные минуты она совершенно обессилела, в душу опять заползло отчаяние. Дело идет на поправку, но понадобится невесть сколько времени, прежде чем можно будет уверенно сказать, что она исцелилась.

Каждый день Эвелин завтракала миской кукурузных хлопьев. Она даже их не любила, просто, когда впервые заглянула в онлайн-магазин, кукурузные хлопья оказались единственным, что пришло ей в голову. Оказавшись в ее корзине, они там и остались. Эвелин знала, что заказ нетрудно изменить, но не хватало энергии, даже чтобы подумать об этом. Гораздо проще было неделя за неделей заказывать одно и то же: хлеб, молоко, яблоки «грени смит», консервированные сардины, сливочный сыр «Филадельфия», сливочные крекеры «Джейкобс» и кукурузные хлопья. Скучный, зато неопасный для жизни рацион. Каждую неделю она давала себе слово слегка обновить продуктовую корзину, но все оставалось по-прежнему.

Доев утреннюю миску хлопьев, Эвелин услышала стук в дверь и вздрогнула. Она никого не ждала. Николас обычно навещал ее по воскресеньям, еду доставили вчера. Больше никто никогда к ней не стучался.

Она убрала миску в раковину с грязной посудой, которую никак не решалась помыть, с мыслью, что ее беспокоят по какому-то мелкому поводу, не стоящему того, чтобы тащиться к двери. Кухня находилась в глубине дома, никто не мог знать, что она там. Она понесла к холодильнику картонный пакет молока.

Стук в дверь повторился, в этот раз он сопровождался другим звуком. Эвелин замерла и прислушалась. Это был женский голос.

– Мисс Маунткасл! Вы дома? Мне очень нужно с вами поговорить.

Эвелин зашаркала к двери. Снаружи звякнула крышка почтового ящика. Что за наглость! Кому понадобилось окликать ее через дверь? Что с уважением к чужой частной жизни? На этот счет, как она знала, еще сохранялись кое-какие правила.

Но одновременно в ней проснулось любопытство. Кому так приспичило с ней поговорить, чтобы улечься перед ее дверью на виду у прохожих, лишь бы привлечь ее внимание? Что за срочная важность?

Эвелин помимо воли приблизилась к двери. Человек за дверью постучал еще раз, громче прежнего. Снова открылся почтовый ящик.

Эвелин увидела два глаза и, кажется, нос.

– Мисс Маунткасл! – повторил бестелесный голос. – Вы дома?

– Иду! – недовольно отозвалась Эвелин. – Потерпите же вы!

Ящик захлопнулся, стук прекратился. Подойдя к двери, Эвелин уже протянула руку, чтобы отодвинуть засов, но одумалась. Она не знала, кто ее домогается. Да, женщина обратилась к ней по фамилии, но узнать ее фамилию не составляет труда. Маунткаслы жили в этом доме более восьмидесяти лет. Достаточно было задать пару вопросов, чтобы выведать подробности и выдать себя за давнюю знакомую. Николас всегда предостерегал ее насчет мошенников. Откуда ей знать, вдруг за дверью мошенница? Эвелин отдернула руку от засова.

– Что вам надо? – крикнула она.

– Просто поговорить, – ответил голос.

– О чем? – спросила Эвелин с растущим недоверием.

– Кажется, у меня тут кое-что принадлежащее вам, – ответила женщина.

Эвелин вынуждена была признать, что женщина – вряд ли мошенница, хотя плохо представляла, чем выдают себя мошенники. У женщины был хороший, четкий выговор с легким местным акцентом. Но Эвелин все еще испытывала скепсис. Она уже много лет практически не выходила из дома, поэтому ей трудно поверить, что к этой женщине попала какая-то ее вещь, но теперь ей очень хотелось это проверить – на что женщина, если она мошенница, и возлагала надежды. Эвелин решила проявить осторожность.

– Вот как? – отозвалась она без малейшего интереса, как ей казалось.

– Да. Это дневник за 1983 год.

От этих слов Эвелин слегка пошатнулась и схватилась за дверную ручку, чтобы не упасть.

– Я работаю в благотворительной лавке «Доброе сердце», – продолжил голос.

Дальнейших объяснений Эвелин не понадобилось. Она отодвинула засов, повернула защелку и открыла дверь. На пороге, на почтительном расстоянии, стояла молодая женщина, та, что рассматривала ее окна. Эвелин дала ей примерно тридцать лет, хотя она выглядела не по годам измученной. От карих глаз и узкого рта струились вниз морщинки, скулы резко выпирали, хотя создавалось

впечатление, что раньше ее лицо было полнее. Темные волосы до плеч были аккуратно причесаны, но она все время их трогала, как будто боялась, что они растрепались. Можно было бы назвать ее хорошенькой, если бы не изможденный вид.

– Дневник у вас? – спросила Эвелин без дальнейших церемоний.

Женщина, не ждавшая такой прямооты, послушно кивнула, прикусив нижнюю губу. Эвелин решила, что дневник лежит в ее матерчатой сумке, перекинутой через плечо, но гостя не спешила ее снять и передать сокровище владелице.

– Можно мне войти? – спросила женщина. – Я бы очень хотела немного с вами поговорить.

– О чем? – спросила Эвелин, все еще протягивая руку за дневником.

Женщина убрала за ухо непослушную прядь волос, переминаясь с ноги на ногу.

– Вы Эвелин Маунткасл, актриса?

У Эвелин ускоренно забилось сердце. Эвелин Маунткасл, актриса. Эти слова разбудили в ней ностальгию, и такую сильную, что уголки ее рта дернулись вверх. Спohватившись, она превратила свои губы во всегдашнюю скорбную скобу.

– Да, это я, – горделиво ответила она.

Женщина улыбнулась, и от улыбки ее лицо вмиг помолодело, пропало впечатление изможденности.

– Я узнала об этом от матери. Выходит, вы были знаменитостью.

Эвелин пожала плечами.

– Разве что недолго, – ответила она. – Все это в прошлом, я больше не играю.

– Почему?

Прямой вопрос застал Эвелин врасплох. Она озадаченно нахмурилась.

– Так и не представилось возможности, – объяснила она.

Женщина задумчиво кивнула, все еще не делая попыток отдать дневник. Смелая, подумала Эвелин. Сама она тоже была не робкого десятка.

– А вы? Вы сказали, что служите в благотворительной лавке.

Женщина опять кивнула, в этот раз с непонятным Эвелин выражением лица. Что это было: разочарование своей жизнью – хотя в

самой ее работе Эвелин не увидела ничего дурного – или тоска? Возможно, чувство утраты? Скорее последнее. На лице женщины читалось именно это чувство. Эвелин нетрудно было его распознать, потому что она сталкивалась с тем же самым всякий раз, когда смотрелась в зеркало.

– Но вам этого мало, – задумчиво продолжила Эвелин, как медиум на сцене. – Вы пошли туда не по своей воле.

Женщина покачала головой.

– Я барристер, – сообщила она, избегая взгляда Эвелин и разглядывая стену дома. – Но в настоящий момент я не практикую.

Больше она ничего не сказала, хотя могла бы, как поняла Эвелин. Не впустить ли ее в дом? Не выведать ли ее историю, вернув заодно свой дневник? На мошенницу она не похожа, на убийцу, прячущую под подолом топор, тем более. Эвелин вдруг поняла, как сильно соскучилась по обыкновенному человеческому общению, по собеседнику, который разговаривал бы с ней охотно, а не по обязанности.

Она открыла дверь немного шире и жестом предложила незнакомке войти.

Пип последовала за Эвелин в дом. Дверь за ее спиной закрылась, этот унылый звук разнесся по безмолвному дому, и уличный шум мигом стих.

Она очутилась в темном затхлом коридоре, пропахшем пылью. Эвелин подвела ее к двери справа, за которой, видимо, располагалась гостиная. Туда тоже не проникал дневной свет, но Эвелин уверенно подошла к окну и открыла жалюзи, впустив в комнату солнце. Вокруг нее поплыли в полоснувших воздух лучах потревоженные пылинки. Комната пропахла запущенностью, Пип предпочла не гадать, когда дверь в нее открывали последний раз. Будь ее воля, она бы настежь распахнула окна, чтобы сюда хлынул свежий воздух, но нет, пришлось молча мириться с недостатком кислорода.

– Пожалуйста, садитесь, – предложила Эвелин, указывая на кресла с высокой спинкой по сторонам выложенного кафелем камина.

Кресла тоже были в густой слежавшейся пыли, скрывавшей цвет твидовой обивки – не то зеленый, не то бурый, нечто из начала двадцатого века. Кто-нибудь наверняка отвалил бы за это ретро целое состояние, но здесь оно выглядело попросту заброшенным.

Пип выбрала кресло спинкой к окну, поборов естественное побуждение смахнуть с сиденья пыль, прежде чем сесть. При всей заброшенности комната сохранила торжественный вид. Никакого телевизора, ни следа хлама, обычно порождаемого семейной жизнью. За дымчатым стеклом викторианского шкафа-витрины поблескивал бледно-голубой фарфор, там же была выставлена коллекция ценных предметов, а не безвкусных сувениров. Острый взгляд Пип разглядел кофейный сервиз, оригинал от Клариссы Клифф^[10]. Определенно у хозяев этого дома водились когда-то немалые деньги.

Она чувствовала на себе изучающий взгляд Эвелин и надеялась, что та не будет разочарована. Взгляд ее выцветших старческих глаз не утратил пристальности, так смотрит на добычу хищная птица. Пип понимала, что от нее ничего не скрыть, но не хотела показать, что робеет. В зале суда ей доводилось служить предметом еще более

пристрастного изучения. Если Эвелин собиралась напугать Пип, то ее ждало разочарование.

Пока что все шло более-менее по плану. Пип удалось проникнуть в дом, хотя Эвелин еще не вполне понимала, как с ней поступить. Пип казалось, что они играют в кошки-мышки: каждая ждала, что противница первой откроет свои карты. В присутствии достойного соперника открывается второе дыхание, и Пип обнаружила, что ситуация доставляет ей удовольствие, слегка подпорченное неуверенностью, удастся ли ей добиться желаемого. На работе она научилась извлекать выгоду из молчания, поэтому сейчас тоже сидела в тишине, с застывшей улыбкой на лице.

– Ну что ж, – промолвила Эвелин спустя секунду-другую. Похоже, молчание смущало ее больше, чем Пип. – Вы сказали, что принесли мой дневник.

– Действительно, – отозвалась Пип. – Он попал к нам в лавку вместе с другими книгами в коробке. Я решила, что его положили туда по ошибке, забрала и проделала кое-какую детективную работу, чтобы выяснить его происхождение.

– Недавно я видела вас перед домом, – продолжила Эвелин.

– Это были вы? Тогда, в окне? – неискренне осведомилась Пип. – То-то я подумала: там кто-то есть.

– Могу я получить назад свою собственность? – спросила Эвелин резковатым тоном, отчего Пип решила сменить тактику. Не хотелось быть выставленной за дверь, так и не заведя серьезного разговора.

– Разумеется. – Она запустила руку в сумку и извлекла разрисованный цветочками дневник.

Увидев его, Эвелин затаила дыхание и протянула дрожащую руку. Прежде чем опустить дневник себе на колени, она немного подержала его на весу. Расставаясь с ним, Пип испытала чувство утраты. У нее не было никаких прав на эту вещь, но отдавать ее ой как не хотелось, совсем как Бильбо Бэггинсу^[11] – волшебное кольцо.

– Расскажите мне о вашей актерской карьере? – спросила Пип, чтобы снять напряжение.

Дневник вернулся к Эвелин, и Пип сразу утратила власть над ней, если только не сказать, что она прочла дневник, чего ей пока что не хотелось делать. Пип не переставала улыбаться, стараясь быть обаятельной и надеясь, что взаимного соблазна поговорить и

поделиться подробностями прошлого окажется достаточно, чтобы Эвелин хотя бы чуть-чуть высунулась из своей скорлупы. Было видно, как та взвешивает все за и против, раздумывает, не выпроводить ли гостью, когда дневник уже у нее в руках. Немного поколебавшись, Эвелин все-таки выбрала разговор и, справившись с напряжением, немного распрямила худые плечи. Вздохнув, она ответила на улыбку Пип.

– Я работала в Лондоне в семидесятые годы, – начала она. – Наверное, вас тогда еще на свете не было. Иногда я выходила на сцену, иногда снималась для телевидения. Тогда телеканалов было всего три, поэтому меня узнавали на улице, хотя большинство актеров вовсе не считались знаменитостями. Знаменитости – это королева, The Beatles, но никак не телеактеры.

– Как приятно это слышать! – сказала Пип. – В нынешнем отношении к известным людям есть что-то нездоровое – и для них, и для нас.

Эвелин не стала вообще реагировать на это замечание, поэтому Пип не была уверена, что она ее поняла; наверное, живя отшельницей, бывшая актриса не представляет, какими способами зарабатывают на хлеб с маслом таблоиды.

– Так или иначе, я жила такой жизнью десять лет, – продолжила Эвелин, – а потом... – Она прервалась. Кажется, задумалась, что говорить дальше, какими сведениями делиться. Уж не воображает ли она, что ее дневник остался непрочитанным? Пип почувствовала резь в животе. – Потом все изменилось, – снова заговорила Эвелин отстраненным тоном. – Я вернулась сюда. С тех пор я здесь.

Эта версия хромает на обе ноги, подумала Пип: без причин отъезда из Лондона она выглядит серой, неинтересной. Но пока что Эвелин, похоже, не была готова на большую откровенность.

Она немного поерзала в своем кресле, подняв пыль, поднесла руку к уху, потерев мочку. В суде такой жест вызывал напряжение: судья, поступая так, определенно устраивал себе паузу, чтобы поразмыслить о происходящем. Большинство этого не замечало, но Пип научилась отмечать подобные мелочи. Хотя сейчас это могло оказаться излишним мудрствованием: вдруг Эвелин сделала всего лишь банальный неосознанный жест?

Что ж, Пип тоже была не прочь поиграть. По части языка жестов она несильно уступала Эвелин. В паузе она откашлялась – просигнализировала мозгу, что готова к спору.

– По словам моей матери, вы приехали рожать, – выпалила она.

Поведение Эвелин сразу изменилось. Она прищурилась и еще сильнее откинулась в кресле, увеличив расстояние между ними. Пип испугалась, что переусердствовала, заигралась, забежала слишком далеко и слишком быстро. Такие тактические ошибки были ей несвойственны. Не иначе, она давно не практиковалась в мастерстве разгадывания людей. Пришлось прибегнуть к донельзя обезоруживающей улыбке до ушей, чтобы создать впечатление абсолютной безвредности. Во взгляде Эвелин по-прежнему читалась настороженность, забрезжившее взаимное тепло опять сменилось холодком.

– Прежде чем мы продолжим, – резко сказала Эвелин, – извольте назвать ваше имя. Вы в моем доме, но до сих пор не представились.

У Пип прихлынула кровь к щекам, она сразу перестала быть мастерицей допросов.

– Боже!.. Простите меня. Я... – забормотала она.

Эвелин подозрительно приподняла бровь. Пип не могла ее осуждать. С какой стати скрывать свое имя? Она увидела, как Эвелин крепче вцепляется в лежащий у нее на коленях дневник.

– Это очень сложно, – продолжила Пип, хотя видела сомнение Эвелин: какие такие сложности? Твое имя – это твое имя, не больше и не меньше. Другое дело сценическое имя или литературный псевдоним. Вдруг она попросту лгунья?

Не обращая внимания на растущую неприязнь Эвелин, Пип принялась объяснять:

– До недавних пор я называла себя «Роз». – Ее глаза уже начала застилать пелена слез, пришлось моргать, чтобы от них избавиться. Сейчас слезы были бы неуместны. Правда, ей показалось, что Эвелин уже немного смягчилась: изменилась складка рта, во взгляде появилось любопытство. – На самом деле меня зовут Филиппа, Пип. Пип Эпплби.

– Почему вы перестали отзываться на «Роз»? – поинтересовалась Эвелин.

Пип тяжело вздохнула и через силу выдавила:

– Это долгая история.

– У меня в запасе весь день, – предупредила Эвелин.

Первая встреча с Эвелин складывалась совершенно не так, как представляла себе Пип. Она хотела слушать рассказ Эвелин, а не наоборот, но роли поменялись. Получилась игра «ты мне, я тебе»: я поведаю тебе свою темную подноготную, но сначала ты выложи мне свою. Возможно, откровенность Пип была обязательной ценой откровенности Эвелин.

Пип мысленно перебрала свои варианты. Отказаться отвечать и ловко перевести беседу в безопасное русло? Соврать, что-нибудь сочинить, придать своей истории удобоваримости? Но если так поступить, разбавить свой сюжет и лишить его остроты, то как ждать открытости и честности от Эвелин?

Нет, она выложит всю правду, даже если причины поменять свое имя теперь казались ей недостойными. До трагедии, когда она была с головой погружена в свою лондонскую жизнь, наслаждалась компанией богатых друзей, она почти об этом не думала. Только теперь, вернувшись домой и имея время обдумать свои поступки, она стала понимать, что натворила. Понимать – и стыдиться. Но чтобы чего-то добиться от Эвелин, придется что-то ей предложить, иначе не сломать лед.

– Я выросла на ферме близко от города, – начала она. – Мои родители милые люди, но с ограниченными амбициями: им было достаточно зарабатывать сельским трудом. Когда я сказала, что хочу поступить в университет и выучиться на барристера, они были рады, но все равно не поняли моего желания от них отличаться. Они старались меня поддерживать, но всегда на своих условиях. Когда мне хотелось съездить в Лондон на выставку, полезную для моей учебы, они сетовали, что это дорого и что меня не будет на ферме, кто же будет помогать по дому в мое отсутствие? Они не усложняли мне жизнь, просто им было меня не понять.

Пип искала на лице Эвелин признаки понимания. Не сталкивалась ли Эвелин с тем же самым, когда росла в этом доме, не хотелось ли и ей вырваться за пределы родительских ожиданий? Ей показалось, что в глазах слушательницы затеплился огонек поддержки, но уверенности

не было. В мысли Эвелин было труднее проникнуть, чем предполагала Пип. Но она не отчаивалась.

– Я старательно училась в школе, добилась всего, чего хотела, и уехала. Только в университете до меня дошло, до чего защищенной была моя жизнь раньше. Меня мигом окружили новые люди. То, что мне и в голову никогда не приходило, вдруг оказалось страшно важно для всех остальных: политика, искусство, философия. Нужно было столько всего узнать, изучить. Причем быстро, прежде чем станут заметны мои несовершенства. – Пип закатила глаза в приступе самокритики, но Эвелин сидела неподвижно, никак на нее не реагируя. Это бесчувствие сбивало с толку, но Пип закусил удила, поток слов было уже не унять.

– В Школе права стало и того хуже, – продолжила она. – Большинство моих сокурсников окончили частные школы, их отличала внутренняя уверенность. Сейчас я понимаю ее источник: их всегда называли лучшими, им с ранних лет твердили, что им все по плечу. Но тогда я считала, что они меня превосходят. Это только усиливало мою решимость их догнать.

Пип чувствовала, как у нее розовеют щеки. При произнесении вслух все это теряло глубину, но в молодости для нее не было ничего значительнее. Влиться в окружение было жизненно важно, без этого не могло быть никакого роста.

– Дома меня всегда называли Пип. Я не возражала, вообще об этом не думала. Имя и имя, что такого. Но в Лондоне, где вокруг меня были сплошь Луизы и Тамсины, имя Пип зазвучало ужасно по-детски. Мое второе имя – Роз. Прошло три недели, и я решила стать ею. «Роз» звучало глянцево, лучше подходило для того человека, каким я старалась стать...

Пип умолкла и опасливо посмотрела на Эвелин.

– Теперь это звучит очень глупо, – призналась она. – Поверхностно и... Но тогда это казалось страшно важным.

Выражение лица Эвелин постоянно менялось, и у Пип крепло ощущение, что она все понимает.

– Вы заново себя изобретали, – подсказала Эвелин, и Пип радостно закивала. Вот именно! Не в бровь, а в глаз! – Разве не все мы занимаемся тем же самым? – продолжила Эвелин. – В той или иной степени – все. Не каждый заходит так далеко, чтобы сменить имя,

сбросить старую кожу, но все же многие так делают. Попытки обновления – человеческая напасть.

Говоря, Эвелин поглаживала свой дневник, как будто прикосновение к нему придавало ей сил. Скорее всего, она хорошо меня понимает, подумала Пип. Она тоже сбежала из дома, чтобы начать жизнь с чистого листа, хотя, насколько знала Пип, не пыталась скрыть свое происхождение. Натуре Эвелин была присуща целостность, которой Пип, судя по ее истории со сменой имени, как раз не хватало.

– Родителей мое решение сменить имя огорчило, – сказала Пип. – Мама подумала, что я сделала это, потому что стыжусь их.

– Но ведь вы их стыдились, верно? – спросила Эвелин, и от пристального взгляда ее выцветших глаз Пип пришлось потупить взор. – Вы ведь этим руководствовались?

Как ни тяжело был Пип, она наморщила нос и вздохнула.

– Наверное, да.

– А теперь вы опять Пип?

Пип заколебалась. Разве? Обернуться бабочкой только для того, чтобы опять вернуться в состояние гусеницы?

Она пожала плечами.

– Дома проще быть Пип. Матери с отцом «Роз» не по душе, и потом, так маме кажется, что дочь снова с ней.

– Что будет, когда вы вернетесь в Лондон? – спросила Эвелин. Пип заметила, что она не сомневается, что это произойдет.

– Мое профессиональное имя – Роз, – дала она простой ответ.

– А мне как вас называть? – поинтересовалась Эвелин, склонив голову набок.

Значит ли это, что разговор продолжится? Такая перспектива вызвала у Пип прилив энтузиазма.

– Можете выбирать, – ответила она. Эвелин приподняла бровь.

– Я сама напросилась, – сказала она с улыбкой, и Пип облегченно перевела дух.

Пришла очередь Эвелин выложить всю правду. Пип устроилась поудобнее – мысленно, если не физически, – и стала ждать, что будет дальше.

– Что ж, пора и честь знать, – молвила Эвелин, с трудом вставая. – Меня ждут другие дела.

У Пип упало сердце. «Нет! – хотелось ей крикнуть. – Мы только начали, вы еще ничего мне не сказали о себе, о своей истории!» Главное, она отдала дневник и осталась с пустыми руками, без рычагов давления.

– Но мне бы очень хотелось, чтобы вы опять ко мне наведались, Филиппа Роз. Чувствую, у нас осталось много тем для разговора.

Пип расплылась в улыбке.

– С превеликой радостью! – воскликнула она. – Это я и имела в виду, когда сказала, что интересуюсь вашей актерской карьерой.

– Как насчет среды? – предложила Эвелин.

– Я смогу прийти во второй половине дня, – ответила Пип, уже прикидывая, что сказать Одри. Она была всего лишь волонтеркой, но никого не хотела подводить.

– Часа в два?

Пип согласно кивнула.

– Будет в самый раз, – сказала она.

Закрыв дверь дома, Эвелин привалилась спиной к стене. Где-то вдали завывала сирена «Скорой помощи», от этого звука ее всегда трясло. Эвелин поднесла к губам дневник и поцеловала маргаритки на обложке. Потом, приложив его к сердцу, задумалась о том, что только что произошло.

Сегодня она не ждала гостей, тем более таких интересных, как Филиппа Роз Эпплби. Гостья Эвелин понравилась. Она пришла к ней с конкретной целью, впрочем, не вполне ясной, готовая к откровенному разговору. Не так-то просто сознаться в том, что ты сноб – иначе это не назовешь. Бедняжка сочла свое имя недостаточно гламурным и попросту сменила его на другое!

Эвелин совершенно не удивила обида родителей Пип. Она попыталась представить, какими были бы ее чувства, если бы Скарлетт поступила так с ней, но не справилась с этой мыслью. Скарлетт ушла из жизни несформировавшимся человеком. Невозможно было вообразить, как бы она отнеслась когда-нибудь к своему происхождению. Но представить, что ее дочь не захотела бы зваться Скарлетт, Эвелин не могла: это имя воспринималось потрясающе, особенно в далеком тысяча девятьсот семьдесят девятом году. Но что дурного в имени Филиппа? Чем плохо имя Пип? Ничем. Что бы ни заставило Филиппу Роз поменять сонный Суффолк на ослепительные огни Лондона, к ее имени это не имело ни малейшего отношения.

Эвелин доковыляла до кухни, чтобы заварить себе чаю. То, что она пленилась гостьей, объяснялось другой причиной, думала она, садясь за стол и грея руки о горячую чашку. Филиппа Роз хотела совершенно не того, чего от нее ждали. Ее призвание не совпадало с представлением родителей о ее будущей жизни, что и порождало домашние раздоры.

Все это было Эвелин хорошо знакомо. Питер и Джоан охотно остались в душной коробке, сколоченной для них родителями, в отличие от Эвелин. Для нее скучная офисная работа была сродни тюремному приговору. Держать ее в Саутволде было все равно что

запереть в доме на колесах и поставить этот дом так, чтобы из окон была видна дорога к свободе. При каждом включении телевизора она видела на экране актрис, делавших то, чего так хотелось ей самой, но чтобы повторить их путь, она должна была бросить вызов родителям, сбежать от них. В этом между Эвелин и ее гостьей существовало сильное сходство.

Но на этом их сходство не заканчивалось. Обе не только стремились вырваться и пойти собственным путем. Эвелин еще не нашла ответа, в чем заключается их родство, но остро его чувствовала. В прошлом Филиппы Роз было нечто, не соответствовавшее той истории, которую та успела поведать. Что-то мрачное. Если нет, то зачем ей здесь томиться, зачем кинуть в благотворительной лавке – ей, лондонскому барристеру? Что-то принудило ее вернуться домой. Она упомянула обоих родителей, значит, речь не шла о недавней тяжелой утрате, но Эвелин поспорила бы, что у бедняжки лежит на душе тяжелый камень. Глаза Пип ее выдавали. Примерно то же самое Эвелин видела в собственном взгляде, когда смотрелась в зеркало.

Потому она и предложила молодой женщине прийти еще раз: ей хотелось докопаться до сути ее истории, и она чувствовала, что при правильном подходе Филиппа Роз ей откроется. Эвелин считала даже, что сможет ей помочь.

Впрочем, это была рискованная стратегия. Дневник она прочла, это ясно как божий день, иначе зачем было изобретать всю эту чепуху о жажде узнать об актерском прошлом Эвелин? Нет, нашей Филиппе Роз подавай развернутую историю. В этом ее цель.

Эвелин открыла дневник, полистала и нашла запись от среды тридцатого ноября. Делая эту запись, она, конечно, рисковала, но совсем немного. В конце концов, кто мог прочесть ее дневник? Было крайне маловероятно, что в него заглянет еще кто-то, помимо нее, до ее смерти, а после это будет уже неважно.

А потом Николас взялся вычищать ее авгиевы конюшни. Эвелин со вздохом закатила глаза. Племянник хотел как лучше, не подозревая, как может навредить. Сработал закон подлости: он отвез в благотворительную лавку именно этот дневник. Что ему стоило выбрать любой другой? Читая дневник за тысяча девятьсот семьдесят девятый год, кто-нибудь мог бы сильно удивиться, но опасности, которые таит продюсерский кабинет, вряд ли кого-то шокировали бы.

Ее невзгоды удостоились бы пары строчек в местной газете, не более того. Совершенно другое дело – дневник тысяча девятьсот восемьдесят третьего года...

Не лучше ли Эвелин махнуть на все это рукой? Дневник вернулся к ней, если его уничтожить, то против нее не останется улики, если считать, что Филиппа Роз его не скопировала. Она юрист и могла бы так поступить, но Эвелин сильно в этом сомневалась. Гостья постучалась к ней не с целью разгрести грязь, в этом Эвелин была уверена. Ее привело любопытство, а теперь она сама заинтересовала Эвелин.

Но действовать нужно осторожно, мысленно оговорила она. Лучше сосредоточиться на причинах возвращения Филиппы Роз в Саутволд, не касаясь своей собственной истории. Сначала разобраться с ней, а уж потом, с выигрышной позиции, оценить свои риски.

Буду звать ее «Пип», решила Эвелин. Это имя подходило ей гораздо лучше, чем «Роз».

Вернувшись на ферму, Пип застала за кухонным столом Джеза, спрятавшего лицо в ладонях. Над ним стояла ее мать, она не гладила парня по спине, но явно была к этому близка. Мать явно испытывала смущение: хоть она и знала Джеза еще мальчишкой, теперь, когда он стал взрослым мужчиной, ей было неудобно над ним хлопотать.

При появлении Пип Джек не шелохнулся. Мать подняла глаза и при виде дочери испытала заметное облегчение.

– Гляди-как, вот и Пип, – проговорила она излишне жизнерадостно. – Джек узнал дурные вести, вот и грустит. – Она нахмурилась и покачала головой. Пип тоже свела брови на переносице. Мать показала ей свой левый безымянный палец и полоснула себе по горлу ребром ладони. Такого Пип ждала от нее меньше всего и с трудом удержалась, чтобы не прыснуть. Если она правильно поняла, с помолвкой Джеза и самоуверенной Терезой было покончено.

Пип вскинула брови, мать состроила новую гримасу и пожала плечами. Пип выдвинула табурет и под села к Джезу. Ее матери было неудобно его расспрашивать, но Пип не испытывала стеснения.

Она дотронулась до руки друга и легонько ее стиснула.

– Ты как, приятель? – ласково спросила Пип.

Вместо ответа Джек тяжело вздохнул и горестно опустил плечи. Пип покосилась на мать и кивком указала ей на дверь. Мать с облегчением кивнула и вышла.

Они остались одни. Тишину нарушало только урчание газовой плиты и тарахтение трактора вдали.

Пип ждала, тормошить Джеза было опасно. Он сам все ей выложит, когда сочтет нужным. А может, и нет; ее устраивало и то и другое. Главное, чтобы он знал, что она рядом, что бы ни произошло.

Джек еще раз тяжело вздохнул, как будто пытаясь справиться с тяжестью на душе, потом поднял голову и взъерошил себе волосы.

– Черт!.. – пробормотал он.

– Хочешь поделиться? – спросила Пип.

Новый горестный вздох.

– Особо нечем. Мне дали от ворот поворот.

Пип инстинктивно обняла его за шею и властно притянула к себе. Он послушно уронил голову ей на плечо и застыл. Так близко друг к другу они не были уже больше десяти лет, но ощущение показалось ей удивительно знакомым. Она в точности знала, куда ляжет его голова, где окажутся ее руки. Даже его запах не изменился. Он вернул ее туда, где все было просто, удобно, надежно. Пип давно такого не испытывала и сейчас наслаждалась, хотя знала, что ее долг – утешить Джеза. Это его, а не ее боль. Не разжимая объятий, она надеялась, что помогает уже тем, что разделяет его горе.

Через пару минут он высвободился из объятий и уставился в окно.

– Это моя собственная дурацкая ошибка, – сказал он.

– С чего ты взял? – Она не знала подробностей, но не хотела, чтобы Джез занимался самоедством.

– Взгляни на меня! Я батрак, сын батрака, на мне пожизненное клеймо. Вместо того чтобы пойти учиться в университет, я выбрал такую жизнь, теперь мне уже тридцать, за спиной ничего, кроме труда на земле меньше чем в пяти милях от места моего рождения.

Пип испытывала замешательство, она не понимала, как все это связано с тем, что Тереза отменила помолвку, если это действительно произошло.

– В этом нет ничего плохого, – осторожно возразила она, не зная, что говорить в такой ситуации.

– Я знаю, – ответил Джез. – Пойми меня правильно, я люблю то, чем занимаюсь. Мне нравится работать у твоего отца, эта работа меня устраивает.

– Так в чем же проблема? – спросила Пип.

Он перестал смотреть в окно и перевел взгляд на нее.

– С Терезой я прыгнул выше своей головы. Она мне не по зубам. Так было всегда. Ее папаша ворочает фьючерсами, не знаю уж, с чем это едят, мамаша – консультант в больнице Колчестера. Они не такие, как мы с тобой.

Внутренне Пип не была согласна, что Джез зачисляет ее в одну категорию с собой. Хотя, собственно, почему? Приходилось признать, что они, в сущности, одного поля ягоды, как бы она ни старалась оторваться от своих корней.

– У Терезы университетский диплом, шикарная работа. Она – птица высокого полета. Скоро она сообразила бы, что Джез Уокер,

неприметный пахарь из Хиксвилла, ей не ровня. Если честно, мне даже не верится, что этого не произошло гораздо раньше.

– Чушь! – отрезала Пип. Ей стало обидно за него. – Она собиралась замуж за тебя, а не за твои должностные обязанности. Когда любят по-настоящему, все остальное идет побоку.

Джез уставился на нее сквозь ресницы.

– От кого я это слышу? От девушки, сменившей имя на более гламурное, лишь только она упорхнула из родного гнезда?

Горечь, с которой это было произнесено, смутила Пип. Вот, значит, какими глазами он на нее смотрит. И все остальные тоже? Впрочем, это в точности описывало ее поступок, просто раньше она не понимала, до чего все это прозрачно.

Джез понял, похоже, что попал в болезненную точку, и опустил глаза, чтобы снять напряжение.

– Все это неважно, – сказал он. – Тереза отменила помолвку. Она вернула мне кольцо. Все кончено.

Джез вытащил из кармана джинсов черную бархатную коробочку и откинул большим пальцем крышку. Кольцо было красивое, с бриллиантом-солитером. Всего четверть карата, конечно; подумав так, Пип тотчас себя возненавидела за эту мысль.

Джез захлопнул крышку и бросил коробочку на стол.

– Так что я опять одинокий мужчина. Свадьба отменяется. То-то дадут волю языкам сплетники!

– Не обращай внимания, – фыркнула Пип. – Кому какое дело? Лучше поговори с Терезой, вдруг она передумает. Мало ли, может, просто нервы разгулялись перед свадьбой.

– Если бы! – Он покачал головой. – Нет, птичка улетела. Мы целую неделю это обсуждали. Ее решение окончательное. Ей ужасно жаль и все такое, но я уже в прошлом.

И он опять уронил голову на руки. Пип больше нечего было сказать, разве что повторить, что она рядом с ним в трудную минуту. Пип еще раз приобняла его поникшие плечи и оставила горевать одного.

Пока Пип поднималась по лестнице, ее посетила мысль, что впервые за всю жизнь она сама предложила, а не принимала помощь. Приятное ощущение!

Каждый раз, вспоминая о близящейся новой встрече с Эвелин, Пип трепетала. Сначала она списывала это на нервы, уж больно незнакомым было для нее это чувство, как и любое другое чувство вообще. Эвелин не внушала ей страха, но она умела заглянуть в душу – способность, которой другие были лишены. Пип привыкла жить в доспехах, держать язык за зубами, но в присутствии Эвелин все пошло прахом. Пип еще не нашла этому объяснения: то ли Эвелин отличалась редкой проницательностью, то ли ей самой пора было открыться. Скорее всего, и то и другое.

Постепенно Пип поняла, что ее состояние – это не нервозность, а радостное предвкушение. Она уже забыла, когда в последний раз ощущала то же самое. Предстоял разговор, в котором выявится много общего по мере того, как они будут делиться подробностями пережитого. Между ними уже установилась некая связь, подобие взаимопонимания. Пип чувствовала это, еще не зная, к чему это может привести.

Одри что-то почуяла, когда узнала, что Пип не сможет прийти в лавку в среду, но поделаться ничем не могла: раньше Пип не пропускала работу, и ее не в чем было упрекнуть.

Среду Пип встретила во всеоружии. Ровно в два часа дня она уже стояла у Эвелин на пороге. Сердце билось немного чаще обычного, но не в преддверии панической атаки, а в приятном предвкушении того, что должно было произойти.

Она постучалась, и едва ли не в ту же секунду отодвинулась задвижка, как будто Эвелин караулила за дверью.

Дом опять встретил Пип темнотой, но, в отличие от прошлой недели, не было запаха плесени. Наверное, Эвелин готовилась к ее приходу. Пип понравилась эта мысль, ведь она означала, что для Эвелин их встреча что-то значит, что и она стремится произвести на Пип хорошее впечатление. Пип для нее – не абы кто!

Эвелин пригласила ее в ту же комнату, что в прошлый раз. Здесь тоже кое-что изменилось к лучшему. Шторы раздвинуты, по ковру и обивке мебели прошлись пылесосом, хотя общее впечатление

заброшенности сохранилось. Но попытку облагораживания можно было зачесть хозяйке в плюс.

Сама Эвелин осталась прежней. Подозрительности, бросавшейся в глаза при первой встрече, заметно поубавилось, хотя сохранилась сдержанность, улыбка если и появлялась, то быстро гасла. Если бы не явные следы попытки прибраться к ее приходу, Пип могла бы решить, что ее не ждали. Она решила не огорчаться. То, что Эвелин не разделяет ее воодушевления, еще не значит, что она не рада ее видеть. Главное, она приглашена, хотя острой необходимости в приглашении не было, ибо дневник вернулся к владелице. Пип оставалось использовать свой визит по максимуму, втереться в доверие к Эвелин, насколько та позволит.

Дождавшись, пока Пип усядется в то же не слишком опрятное кресло, что и в прошлый раз, Эвелин спросила:

– Хотите чаю? В прошлый раз я по оплошности вас не угостила, потому что вы застали меня врасплох.

Это был совсем маленький шагок в ее сторону, но Пип была рада и ему.

– Было бы чудесно, благодарю. Могу я помочь?

Эвелин жестом запретила ей вставать.

– Не надо, – последовал твердый ответ. – Пусть я старше вас, но вскипятить чайник и принести поднос пока еще могу.

В ее тоне слышалась обида, но Пип решила не обращать на это внимания. Предложение помощи – простая дань вежливости, и если Эвелин придает этому излишнее значение, то не надо ей противоречить. Теперь Эвелин уже не казалась ей старухой.

Хозяйка пошла заваривать чай, оставив гостью одну. Теперь, на правах приглашенной, та имела право как следует оглядеться. Встав, она прошлась по комнате. Кроме двух кресел, здесь стоял устрашающего вида диван одного с ними стиля, уже знакомый Пип шкаф-витрина с ценным фарфором и книжный шкаф из красного дерева. В нем выстроились старинные тома «Британской энциклопедии» и весь Диккенс и Шекспир в кожаных переплетах с позолотой. Кожа, когда-то ярко-красная, выцвела и огрубела. Пип взяла с полки и осторожно открыла «Большие надежды». Страницы были тонюсенькие, шрифт до того мелкий, что невозможно было представить, чтобы кто-то смог это прочесть, но книга не производила

впечатление нетронутой. Какой-то любитель Диккенса часто брал ее в руки. Пип вернула ее на место.

Камин был приземистый, некрасивый. И сам он, и очаг были обложены плиткой цвета сливочного крема. Одна треснувшая плитка на каминной полке портила все впечатление; не иначе, кто-то уронил сюда тяжелый предмет. Пип представила, какой скандал это могло здесь вызвать. В этом доме вряд ли мирились с треснувшим кафелем, тем не менее плитку не заменили. Судя по коллекции фарфора, дело было не в нехватке средств; возможно, треснувшую плитку сохранили в качестве напоминания о чьей-то неуклюжести. Уж не Эвелин ли провинилась когда-то?

В витрине с фарфором стояли две черно-белые фотографии в строгих черных рамках. На одной была запечатлена пара молодоженов, как видно, в день свадьбы. Женщина держала букет роз, но платье было не длинное и не белое, сильно отличаясь от представления Пип о подвенечных платьях, к тому же жених и невеста не улыбались. Со второй фотографии смотрели три ребенка: мальчик со светлыми кудрями в матроске и две девочки в передниках. Пип пригляделась. Младшая девочка – наверное, Эвелин, решила она, хотя сходства не заметила. Девочка пристально смотрела в объектив, кокетливо склонив головку на плечо. В ней угадывался характер; так же Эвелин описывала Скарлетт. Вторую девочку, должно быть, звали Джоан. Сколько Пип ни вглядывалась в ее личико, жестокости, о которой рассказывалось в дневнике Эвелин, в нем не было и следа. Обыкновенный ребенок, разве что немного превосходивший сестру серьезностью.

Раздался громкий треск, потом звон, как будто что-то упало на пол и разбилось. Пип вздрогнула, сердце тревожно забило. Внезапные громкие звуки по-прежнему действовали ей на нервы. Неужели это на всю жизнь?

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, и крикнула:
– Все хорошо?

Ответа не последовало, поэтому она бросилась вон из комнаты, стараясь определить, откуда долетел звук и проигрывая в голове сценарии один страшнее другого.

Кухня находилась в конце коридора. Пип побежала туда, окликая на бегу Эвелин. Наконец та ответила:

– Я в порядке, паника ни к чему.

Пип с облегчением убедилась, что Эвелин стоит на ногах, правда, посреди чайной лужи, усеянной осколками чайника.

– Проклятье! – пробормотала Эвелин. – Какая я неуклюжая, развела грязь!

Подойдя, Пип увидела, что разбитый чайник – мелочь по сравнению с плачевным состоянием всей кухни. Всюду громоздилась посуда и прочие предметы, Пип даже не могла определить какие – по большей части хлам неясного назначения. Запах здесь стоял такой же, как и в остальном доме, а значит, пахло не испорченной едой, хотя в кухне было много использованных пустых упаковок. В одном месте громоздилась почти до потолка гора коробок с хлопьями. С ней соперничали высотой горы туалетной бумаги и чайных пакетиков.

Пип сразу сообразила, откуда все это взялось.

– Вы делаете заказы онлайн? – спросила она с улыбкой.

Сначала на лице Эвелин появилось досадливое выражение, потом она смягчилась.

– Не знаю, как с этим покончить, – созналась она. – Николас хотел помочь, но я сказала, что справлюсь сама. Наверное, из гордости. Теперь я могу до конца жизни питаться одними кукурузными хлопьями, и то еще останется.

– Со мной то же самое... было, – подхватила Пип. – Неделя за неделей привозят одно и то же. Глазом не успеваешь моргнуть, как получается затоваривание. Однажды я заказала четыре куска мыла – так я думала, а оказалось, что в каждой упаковке по шесть кусков. Мы с молодым человеком жили в крохотной квартире, где не поместились бы двадцать четыре куска мыла. Он был очень недоволен.

– Забавно, – сказала Эвелин и звонко рассмеялась. – Рада, что я не одна такая. Самое смешное, что не такая уж я любительница кукурузных хлопьев.

И она самокритично закатила глаза. Улыбка молодила ее лет на десять, Пип даже показалось, что она может представить себе ту Эвелин, с которой познакомилась по дневнику.

– Если хотите, я могу помочь вам исправить заказ, – предложила она.

Эвелин посмотрела на залитый чаем пол.

– Вы меня очень обяжете, – сказала она. – Не знаю, как я до этого дошла. Раньше я следила за порядком в доме, но потом утратила к этому интерес, и чем ужаснее становился беспорядок, тем труднее становилось убираться. Николас от меня в ужасе. Он всегда предлагает помощь, но для меня невыносимо, что он будет копаться в моих вещах, даже во всякой ерунде. Именно так угодил в благотворительную лавку мой дневник: Николас взялся помогать, но не предупредил меня, как именно. Понятия не имею, что еще было в той коробке, какие еще сокровища он мог посчитать мусором.

– Там были только старые книги в бумажных обложках, – успокоила ее Пип. – Утверждать не стану, но вряд ли там было еще что-то ценное, не считая дневника, конечно.

В мимолетной паузе Эвелин открыла рот, чтобы что-то сказать, и Пип решила, что сейчас прозвучит вопрос, читала ли она дневник, но Эвелин передумала спрашивать.

– Пора здесь прибраться, – сказала она вместо этого. – Такого натворила! Разбила свой любимый чайник.

Пип опустилась на колени и стала подбирать осколки, чтобы сложить их в уцелевшее донышко от чайника. Эвелин вышла из лужи и пошла за тряпкой. Когда она вернулась, Пип заставила ее сесть. Она сама убралась, во второй раз вскипятила чайник и, инструктируемая Эвелин, достала из буфета другой чайничек для заварки.

Вскоре в расчищенном Эвелин уголке стола стала завариваться новая порция чая.

– Вам необязательно возиться здесь самой, для этого существуют помощники, – сказала Пип.

– Знаю, но проблема не в беспорядке. Даже если прибраться, потом он все равно вернется. Сперва надо навести порядок вот здесь. – Она похлопала себя по лбу. – Иначе все бесполезно.

Пип кивнула. Она очень хорошо знала, что имеет в виду Эвелин.

Они пили чай, окруженные кренящимися пирамидами всевозможной снеди. Теперь, когда Пип собственными глазами увидела, что творится у нее на кухне, Эвелин уже не видела оснований скрытничать. Показать свою жизнь другому человеку, перестать делать из нее секрет было большим облегчением. Она очень стыдилась своего беспорядка, но Пип даже глазом не повела, можно было подумать, что она сочла это в порядке вещей. Эвелин удивилась, как быстро Пип догадалась, почему доставка вышла из-под контроля. Эвелин сразу полегчало, прошло ощущение своей ущербности.

Пип уже наводила порядок на кухне, не привлекая внимания к тому, что делает.

– Вы здесь выросли? – спросила она за мытьем чашек. Раковина была переполнена немытой посудой, поэтому Пип налила в тазик теплой мыльной воды и преспокойно принялась за работу.

– Да, здесь, – прозвучал у нее за спиной ответ Эвелин. – Потом уехала. А потом обстоятельства заставили меня вернуться.

– Меня тоже, – кивнула, не оборачиваясь, Пип.

Она уже намекала на это в прошлый раз, и Эвелин очень хотелось попросить у нее объяснения, но что-то ее сдерживало. Спешка с вторжением в прошлое Пип казалась ей неприличной, другое дело, если бы Пип сама решилась на откровенность. Эвелин могла бы сама поделиться с ней своим прошлым, чтобы развязать ей язык. Но еще неизвестно, к чему это приведет. До сих пор ее план состоял в том, чтобы узнать от Пип как можно больше, а самой откровенничать как можно меньше. Теперь это выглядело мелочностью. Что такого драгоценного в ее собственной истории, чтобы не доверить ее другому человеку? Как ждать от Пип открытости, не будучи готовой ответить тем же? История Пип сильно ее заинтересовала. То, что начиналось как любопытство из-за смены имени, переросло в острое желание узнать ее как можно лучше. Молодая женщина проявила чутье, она поняла важность дневника и вернула его, а теперь скромно прибирается у нее на кухне. Такой внимательный человек был настоящей находкой.

Так, вместо того чтобы выпрашивать у Пип, почему та вернулась в Саутволд, Эвелин повела рассказ о себе.

– Честно говоря, мне не терпелось отсюда сбежать, – начала она. – Мне ужасно хотелось стать актрисой, но семья, особенно мать, считала это несерьезным. Они без устали меня отговаривали, тем самым только укрепляя мою решимость. При первой же возможности я упорхнула искать счастья в Лондоне.

– Что же заставило вас вернуться? – спросила Пип.

Вопрос был самый невинный, очевидный, но Эвелин не хотелось на него отвечать. Она сама не знала почему. Теперь-то что проку молчать?

– Беременность, – ответила она, набравшись смелости. В двадцать первом веке никто уже не прятался за эвфемизмами, не то что когда-то. «У меня были неприятности», «я была в интересном положении» – все эти увертки устарели в эпоху прямого высказывания, и Эвелин вдруг захотелось соответствовать времени. В семидесятые годы она воображала себя прогрессивной девушкой, зачем же пасовать теперь?

Пип молчала, никак не выдавая выражением лица, что шокирована. То ли не поняла, что влекла тогда за собой беременность, то ли сочла услышанное просто констатацией факта. Эвелин склонялась ко второму.

Воодушевившись, она продолжила:

– В те времена это был, конечно, форменный скандал. Я не была замужем за отцом ребенка, вообще не состояла с ним в отношениях. Мне прочили одну из главных ролей в телесериале, которая могла бы стать началом громкой карьеры, но я от всего отказалась. Тогда для матерей-одиночек не было никакой поддержки, так что мне пришлось выбирать: ребенок или работа. Я выбрала ребенка, но содержать себя не могла, поэтому у меня оставался один вариант: вернуться сюда. Родителей к тому времени уже не было в живых, а сестра Джоан отнеслась ко всему этому очень неприязненно.

– Это она на фото у вас в гостиной? – спросила Пип. – Та, что выглядит несчастной. – Пип оглянулась и подмигнула, но тут же испугалась, что допустила излишнюю фамильярность, заступила за невидимую черту.

– Она самая, – подтвердила Эвелин и закатила глаза, показывая, что не обиделась. – Джоан разыгрывала несчастье в детстве и не

перестала этим заниматься, когда выросла. Когда я очутилась здесь, она принялась что было сил портить мне жизнь.

Пип кивнула, как будто это для нее не новость и она всем сердцем сочувствует рассказчице.

– У меня не было ни гроша, я полностью зависела от нее, и она всячески давала мне понять, что вся эта ситуация ей поперек горла. Это не могло не возмущать, ведь она проживала деньги, оставленные нам родителями, на которые у меня было не меньше прав, чем у нее. Но она не выпускала из рук чековую книжку и каждый божий день заставляла меня стыдиться самой себя.

Пип домыла посуду и искала кухонное полотенце. Эвелин в ужасе смотрела, как она открывает ящик за ящиком, битком набитые хламом, и облегченно перевела дух, когда она бросила поиски и предоставила посуде сохнуть самой. Вытерев руки о джинсы, Пип опять под села к Эвелин.

– После рождения Скарлетт Джоан осталась оскорбленной. Я думала, что при виде младенца она отгадет, но ошиблась. Кажется, она не была готова позволить себе полюбить племянницу, такую очаровательную...

Повисла пауза.

– Она умерла, да? – тихо спросила Пип. – Так мне сказала моя мать.

Эвелин молча кивнула. При любой мысли о Скарлетт ее сердце пронзала острая боль. Она положила на грудь руку, как будто это могло помочь.

– Ей было всего три года, – сказала она. – Малышка, вся жизнь впереди.

– Это такая трагедия... – прошептала Пип.

– Да. По своему ребенку никогда не перестаешь страдать. Это пожизненно.

Эвелин наблюдала, как Пип запускает пальцы себе в волосы, как втягивает носом воздух. Казалось, услышанное вызвало у нее очень сильный эмоциональный отклик. Она тоже потеряла ребенка? Поэтому уехала из Лондона? Эвелин было очень любопытно, но сейчас рассказ вела она, поэтому она продолжила.

– Потом умерла Джоан, – сказала она самым безразличным тоном, каким смогла, чтобы не привлекать к этому эпизоду лишнего

внимания. – И я осталась здесь. Хотела вернуться в Лондон, к работе, но так и не собралась. Годы шли, шли...

Давно Эвелин не думала о своей жизни в таких словах, давно не отдавала себе отчета, что потеряла столько лет. Сейчас она сполна осознала и эту потерю. Когда не стало Скарлетт, ей было всего тридцать четыре года, впереди было еще больше половины отведенного ей срока, но она предпочла не жить, а выживать. Годы понеслись, набирая скорость, но у нее ничего не менялось. А теперь для изменений стало поздно.

– Мы остались одни с Николасом. Он мой племянник, сын моего брата Питера. Питер тоже, конечно, умер. На шестом десятке, от сердечного приступа. Скоро я тоже умру, дом будет продан, и никто уже не вспомнит, что когда-то здесь жили Маунткаслы.

– Должна вас удивить, – возразила Пип. – Я кое-кого спрашивала о вас, когда пыталась узнать, кому вернуть дневник. Все знают, кто вы такая.

Она тепло улыбнулась Эвелин, желая разбудить ее тщеславие. Оказывается, оно выжило, просто впало в спячку. В душе она осталась актрисой, мечтающей находиться в центре внимания. Даже после стольких лет ее не покидали сладкие фантазии.

– Люди помнят сплетни, – скромно возразила она. – В этом доме за два с небольшим месяца погибли сразу двое людей. У нас маленький городок, у здешних жителей долгая память. Таких вещей они не забывают.

Пип пожала плечами, давая понять, что осталась при своем мнении.

– Вы когда-нибудь выходите? – осведомилась она как бы невзначай, как будто не высовывать носа из дому – обычнейшее дело.

Эвелин обдумала ее вопрос. По характеру она не была затворницей, но теперь уже не помнила, когда последний раз выходила. А, собственно, почему?

– Нечасто, – ответила она. – Как-то не вижу смысла.

– А пройтись по пляжу, полюбоваться волнами? – недоверчиво воскликнула Пип. – Это же в двух шагах, только улицу перейти.

Когда она засела дома? Эвелин уже этого не помнила. Это не было сознательное решение, просто так постепенно вышло. А потом пришла

зима, ветер с моря стал рвать одежду, пронизывать до костей, поэтому проще было не высовываться. Ну а дальше...

Все это были, конечно, отговорки. Не чувствуя себя отшельницей, она ею стала или, по крайней мере, казалась.

– Нет, – ответила она Пип. – Больше нет. Раньше – да, но со временем...

– А хотели бы выйти? – спросила Пип.

Эвелин не торопилась с ответом. Хочет ли она? Чувствует ли, что ее жизнь станет лучше, если она опять выйдет за дверь?

Она все еще раздумывала, тогда Пип добавила:

– Я могла бы пойти с вами. Можно было бы прогуляться вместе. Хотите?

Пип опять покраснела, как будто позволила себе больше, чем позволяли приличия. Какая милая девушка, подумала Эвелин. Нынче она в этом убедилась. Неравнодушная, заботливая, достаточно посмотреть, как она помогала на кухне – спокойно, без суеты. Еще почти ничего не зная о Пип, Эвелин не сомневалась, что поймала ее на крючок.

– Да, – лаконично ответила она, удивляясь собственной решительности. – Думаю, что хочу. Сидеть взаперти вредно. Мне и Николас предлагал, – поспешила она добавить, чтобы Пип не подумала, что единственный оставшийся родственник махнул на нее рукой. – Но он вечно куда-то торопится. И потом, у него не хватает терпения на беседу с такой старухой, как я.

Пип понимающе улыбнулась. А что, подумала Эвелин, наклеиваются интересные отношения.

– Так что же, Пип, – сказала она, – вы расскажете, почему сами вернулись в Саутволд?

Она сопровождала свой вопрос теплой улыбкой. Она уже немного приоткрыла завесу над своей жизнью, теперь можно было выслушать историю собеседницы.

Пип повернулась и посмотрела на нее в упор, темные глаза уперлись в выцветшие. Прежде чем заговорить, она перевела дух, в горле запершило.

– Я убила ребенка, – произнесла она просто.

Пип почувствовала, как сгустилась атмосфера в комнате. Угораздило же ее сказать это! Они так хорошо проводили время, а теперь она все испортила.

У нее не было плана признаваться Эвелин, по крайней мере в этот раз, и уж конечно она не хотела вот так ляпнуть самое для себя главное. Она еще никогда не произносила вслух правду о том, что сделала. Все в ее мире всё знали и старались обходить эту тему стороной. Но годы тренировки в суде, все ее речи там, тщательно выстраиваемые для достижения нужного результата, оказались напрасными: на прямо заданный вопрос она дала самый прямой ответ из всех возможных.

Она была бы не прочь взять свои слова назад, чтобы они не висели в воздухе между ней и Эвелин, зарыть их глубоко-глубоко, чтобы обе они больше их не слышали. Сказанное необходимо было как-то смягчить, облечь в более приемлемые слова, как-то растолковать, это походило на спящего дракона, на которого надо осторожно заползать, чтобы он не опалил тебя своим огненным дыханием, не порвал своими чудовищными клыками.

Но сказанного не воротишь. Было уже поздно что-то менять, как бы Пип ни старалась. Ей хотелось отвернуться, спрятать лицо, но вместо этого она смотрела прямо в глаза Эвелин, дожидаясь ее реакции. Реакция могла быть только плохой. Эвелин сама потеряла дочь и знала на собственном опыте, что это значит, какая невыносимая боль сопровождает утрату своего дитя. Она жила с этой болью тридцать пять лет, что по сравнению с этим два последних ужасных месяца в жизни Пип, если не капля в океане ее слез?

После признания Пип на лице Эвелин отражались разные чувства: сначала шок, потом ярость, отвращение, растущее любопытство и, наконец, то, что Пип хотелось принять за жалость.

Обе женщины молчали, взвешивая, что сказать. Эвелин сглотнула, готовя ответ. Сейчас она меня прогонит, мелькнуло в голове у Пип. Только-только наметившиеся зачатки дружбы рассеются, как дым.

Поделом мне! Как Эвелин такое вынести после того, что ей довелось пережить?

Пип уже привстала, готовая сама уйти, чтобы Эвелин не пришлось указывать ей на дверь. Так было бы лучше для обеих. Она вернула дневник, это главное. Теперь они могли вернуться в исходную точку и забыть о двух приятных часах, проведенных в обществе друг друга.

– Вы сделали это намеренно? – спокойно спросила Эвелин.

Пип, застигнутая врасплох, не сразу нашлась с ответом. Эвелин пришлось повторить вопрос, в этот раз громче:

– Вы это специально? Вы намеренно убили ребенка?

Пип пришла в ужас. У нее вспыхнули щеки, в горле пересохло, глаза защищало от слез.

– Нет! – Это был писк, а не ответ. – Нет! Конечно, нет. Произошел несчастный случай. Ужасное несчастье. Он выбежал на проезжую часть, прямо мне под колеса. Я не виновата. Так сказали все: полицейские, коронер... Но убийство есть убийство. Если бы не я, он бы сейчас жил.

Пип ждала, что ее захлестнет волной, но ничего не произошло. Обе женщины застыли. Пип ощущала у себя внутри пустоту, за последние месяцы это стало привычным; то же самое чувствовала, похоже, и Эвелин. Она сидела неподвижно, глядя сначала на Пип, а потом она, сочтя это неприличным, перевела взгляд на гору коробок с хлопьями. Капли из кухонного крана мерно ударялись о нержавейку раковины, отмеряя вместо стенных часов бег секунд. Пип не верилось, что она только что услышала этот назойливый звук, хотя он наверняка сопровождал весь их разговор.

Потом Эвелин встала. Ну вот, подумала Пип, сейчас она попросит меня уйти. Она приготовилась подчиниться, но Эвелин поступила неожиданно.

– Пойдемте, – позвала она ее, – я хочу кое-что вам показать.

И она решительно захромала через кухню к двери. Пип не шевелилась, Эвелин пришлось манить ее за собой.

Они прошли по коридору к лестнице, Пип следовала за хозяйкой дома осторожными шажками. Куда они идут? В какой-то момент Пип стало беспокойно за свою безопасность. Но чем Эвелин способна ей навредить? Она такая хрупкая, а Пип молода и сильна, да и вообще,

зачем той что-то против нее замышлять? То ужасное, что совершила Пип, никак не навредило Эвелин.

Та уже поднималась по ступенькам, которые тоже были завалены хламом: когда-то, наверное, все это тащили наверх, но потом бросили на лестнице, и теперь завалы представляли опасность.

Наверху Пип увидела дверь в комнату, из окна которой Эвелин тогда, наверное, смотрела на нее. Но их путь лежал не туда, а в другую комнату, в глубине дома.

Взявшись за дверную ручку, Эвелин немного помедлила. Дверь распахнулась, и сердце Пип замерло. Стены в комнате были нежно-розовыми, посередине стояла кровать со столбиками по углам, тоже розовая, обмотанная белой органзой. Плюшевые мишки и прочие зверюшки были разложены на подушке так, чтобы им было удобнее друг с другом беседовать.

На полу между кроватью и окном лежал одинокий белый носочек с вышивкой – у Пип тоже были такие в детстве. Он остался там, где оказался десятилетия назад, слегка скомканный, без пары. Вряд ли Пип видела когда-нибудь что-то столь же душераздирающее.

– Это комната Скарлетт, – сказала Эвелин, хотя объяснения были излишни. – Осталась такой, какой была в день ее смерти. Это не храм в память о ней, хотя некоторые родители устраивают такие в память о своих ушедших детях. Я сохранила ее в таком виде, потому что это последнее место на свете, где осталась жить ее частичка. Я прихожу сюда и чувствую ее присутствие. Звучит странно?

Пип покачала головой. Она боялась заговорить, чтобы не разреветься.

– После смерти Скарлетт сестра хотела все убрать, – продолжила Эвелин. – Говорила, что оставлять все в таком виде – это сумасшествие, что нечего вечно терзаться, но я ей не позволила. Теперь я рада, что проявила твердость и настояла на своем.

Эвелин пересекла комнату и выглянула в сад.

– Видите клумбу с розами? – Она указала на круглую клумбу в соседнем саду. – Там все и произошло, там утонула моя дочь. Пруд засыпали, но все равно я каждый день вижу место гибели моего ребенка.

По щекам Пип полились слезы, она попыталась их смахнуть. Это было чужое горе, сейчас она не имела права плакать, как не имела

права оплакивать того мальчугана. Но слезам не прикажешь.

– Горе, причиненное внезапной смертью, опустошает своей необратимостью, – продолжила Эвелин очень тихо и спокойно, как на проповеди или при вынесении приговора. – Перекладывать вину – не выход. Поверьте, уж я-то знаю. Пусть все твердят, что это не ваша вина, это все равно не помогает вам двигаться вперед. Все зависит от вас самой. Вы молоды, Пип, у вас впереди вся жизнь. Не допускайте, чтобы одно чудовищное мгновение лишило вас будущего. Да, вы чувствуете вину, это естественно, неоправданно, но неизбежно. Но нельзя, чтобы это стало главным на всю жизнь. Я это правило не соблюла. Я не находила другого способа справиться с болью, но теперь вижу, что, наверное, это стало моей ошибкой. Взгляните на вещи по-другому, не повторяйте мою ошибку.

Слова Эвелин привели Пип в замешательство. Не хочет ли она сказать, что считает и себя виноватой в гибели Скарлетт, вопреки тому, что писала в дневнике? Если так, то у них даже больше общего, чем она думала. Связь не только в том, что они пренебрегли местом в жизни, которое было им уготовано. Их связывало нечто другое, большее, нечто куда более болезненное.

С другой стороны, дочь Эвелин утонула, когда мать не смогла за ней уследить. Пип сбила мальчика, но в том, что он выскочил на середину дороги, ее вины не было. Отличает ли это как-то ее вину от вины Эвелин? Существует ли градация виновности? Пип не знала, что подумать, но спокойная безутешность Эвелин позволяла отгонять худшие мысли. Их роднило неподъемное чувство утраты. Утрата и боль. Сейчас это делало связь Пип с Эвелин крепче, чем связь с кем-либо еще после трагедии. Ей хотелось обнять и приголубить эту чужую женщину, это сулило успокоение и ей самой. Но она удержалась от объятий.

Вместо того чтобы обняться, две женщины стояли плечом к плечу у окна и наблюдали за пестрой кошкой, охотившейся на клумбе с розами за юркой мышью.

– Расскажи мне об этой женщине, – попросил Николас тетю, чистившую в коридоре свой плащ.

Эвелин не понравился его тон. Она расслышала в нем неуместную подозрительность, которую обязана была рассеять. При этом ей претило оправдываться перед племянником. Она могла самостоятельно составить впечатление о том или ином человеке, не нуждаясь в его фантазиях.

– Ее зовут Пип, она работает в благотворительной лавке. В той самой, кстати, где ты оставил мои бесценные сокровища, не спросив у меня разрешения увезти их из моего дома, – едко ответила она.

Ее порадовало его смущение. Он заслужил выговор тем, что заставил ее волноваться из-за дневника, хотя у его вмешательства был и положительный результат. Если бы он не отвез в благотворительную лавку коробку с книгами, она бы не познакомилась с Пип. Значит, она перед ним в долгу. Но признаваться ему в этом она не собиралась.

Хорошо, что благодаря его оплошности в ее жизни появилась Пип. За две короткие встречи Эвелин к ней привязалась. В спокойной уверенности Пип – немного покоробленной, прихрамывающей, но все равно легко угадывающейся – она узнавала себя. Негромкая решимость Пип идти своим путем напоминала Эвелин о том, как она сама села в поезд до Лондона с одним щербатым чемоданом и с тонкой пачкой купюр в чулке. Николасу не испортить ей этой радости. Она непременно предпримет задуманное: выйдет прогуляться.

– Пип любезно вернула мне дневник, – продолжила Эвелин. – А сегодня она поведет меня гулять, я заранее это предвкушаю.

Николас покачал головой.

– Всякий раз, когда я предлагаю тебе прогулку, ты отказываешься, – напомнил он с обиженным видом.

Здесь он не грешил против истины.

– Лучше прогуляйся со мной, тетя Эвелин, – предложил он без излишнего энтузиазма. – Мы бы оставили на двери записку для этой филантропки. Передай ей, что передумала.

– Я ничуть не передумала, – возразила Эвелин. – Я хочу погулять с Пип. Она будет здесь с минуты на минуту, так что, если не возражаешь, я буду собираться.

Николас все еще сомневался.

– Я побуду с тобой до ее прихода, – сказал он, недовольный тем, что его робкое предложение отвергнуто. – Хочу убедиться, что она нормальная.

– Конечно, нормальная, как у тебя язык поворачивается такое говорить! – возмутилась Эвелин. – В чем ты ее подозреваешь? В намерении столкнуть меня с пирса?

Судя по гримасе Николаса, именно это он и подозревал, но ему хватило здравомыслия оставить свои догадки при себе.

Эвелин надела длинный плащ. Такие были в моде несколько лет назад, а теперь выглядели смешно. Нащупав в кармане скомканный шелковый шарф, она развернула его, ожидая обнаружить моль, но из шарфа не вылетело никакой живности. Она осторожно поднесла шарф к носу и принюхалась. Пахнуло затхлостью и слегка ее старыми духами; такие вещи давно уже утратили для нее значение, но запах был недурен. Стоя перед зеркалом в коридоре, она повязала шарфом голову и осталась очень довольна своим видом. Не Одри Хепберн, конечно, но вполне презентабельно.

В дверь постучали. Николас хотел открыть, но она остановила его суровым взглядом.

– В своем доме я буду сама отпирать дверь, премного благодарна.

Николас виновато замер. Эвелин широко распахнула дверь, даже не накинув цепочку. Она чувствовала, как раздражен Николас этим пренебрежением безопасностью, но ей было все равно.

Пип явилась в своих неизменных джинсах и в чем-то мешковатом. Молодежь не переставала удивлять Эвелин: где их чувство стиля? Никто уже не заботился о своем внешнем виде, на первое место вышло удобство; тоже неплохо, но очень уж непривлекательно.

– Доброе утро! – пропела Пип.

Эвелин показалось, или сегодня она выглядела немного лучше: под глазами оставались темные круги, зато порозовели щеки.

– Доброе утро, Пип, – отозвалась Эвелин. – Познакомьтесь, это мой племянник Николас. Он, похоже, боится, что вы желаете мне зла.

Пип смутилась, ужаснулась, яростно замотала головой.

– Мистер Маунткасл, – начала она, – смею вас уверить, у вас нет ни малейших причин, чтобы...

Эвелин прервала ее решительным жестом.

– Я все это ему говорила. Ну, идемте. Если я не вернусь, Николас, то можешь считать, что Филиппа Роз похоронила меня в дюнах.

– Просто я о тебе забочусь, – ответил Николас почти дерзко.

– Я тебе признательна, – бросила через плечо Эвелин.

Снаружи голубело небо, но наслаждаться голубизной мешали порывы ветра с моря. Эвелин постояла, дыша морским воздухом. Давно она не ощущала в ноздрях и в легких соли, ощущение было чудесное, но она отвыкла от бескрайнего пространства. Не так ли рождается агорафобия? Не такая ли судьба ей предназначалась? Даже если да, она не собиралась ей повиноваться. Выйдя наконец-то из дому, она не испытала ни паники, ни страха. Просто вспомнила, в каком чудесном месте живет, и устыдилась, что забыла об этом. Стоя перед своим домом и глядя на бескрайний океан, уходящий за горизонт, она испытывала удовольствие от жизни – чувство, о котором давно не помышляла.

Пип не торопилась начинать прогулку и терпеливо ждала, пока она будет готова сойти с места. Эвелин ободряюще кивнула ей. Предстояло нечто гораздо большее, чем прогулка, но пока неясно было, что именно. Наружу уже тянулись зеленые ростки чего-то нового, и не для нее одной. Она надеялась, что Пип тоже чувствует зарождающуюся связь между ними.

Они перешли через улицу и двинулись по широкому променаду вдоль пляжа.

– Пройдемся до пирса? – предложила Пип. – Это не слишком далеко?

Эвелин пришла в ужас оттого, что ее спрашивают, справится ли она с расстоянием в пару сотен ярдов между ее дверью и пирсом, хотя, если разобраться, вопрос был не такой уж нелепый. Она еще не знала, на сколько хватит ее ног, слишком долго она не проверяла, на что способна. Но чувствовала себя вполне уверенно.

– Думаю, дойду, – сказала она Пип с бодрой улыбкой. – Там мы подкрепимся чаем с булочкой в карамели и пустимся в обратный путь.

– Хотите взять меня под руку? – спросила Пип.

Спасибо, что предложила, подумала Эвелин. Насколько она понимала Пип, той было не так уж легко дефилировать под руку со старушкой.

– Благодарю, – сказала она, – но я и так справлюсь. Какой чудесный ветерок! Помню, когда я впервые вывела малышку Скарлетт на ветер, она не знала, как на него реагировать. В материнской утробе царит безветрие, отсюда шок. Видели бы вы ее личико при порыве ветра! Это было бесценно. Сначала она задохнулась. Это было и тревожно, и бесконечно мило. – Эвелин улыбнулась этому воспоминанию, такому давнему и одновременно такому свежему. Ей нравилось говорить о дочери по прошествии такого долгого времени. Надо делать это чаще, решила она.

Они побрели бок о бок по променаду в направлении пирса. Солнце высунулось из-за облаков, белый свет заплясал по волнам, море заискрилось. Оптимисты-отдыхающие загорали в шезлонгах и на полотенцах, их маленькие дети в купальных костюмчиках, закрывавших все тело, совершали забеги к воде и обратно. Когда Эвелин водила на пляж Скарлетт, та была то в платьице в горошек, то в одних трусиках, если выход на песок был спонтанным. Сейчас Эвелин поняла, что в те времена жизнь была проще.

– Скарлетт обожала воду, – сказала она Пип. – Прямо как маленький тюлень! Весь день могла бегать от волн. Она даже начала понемногу плавать, очень рано для ее возраста. Я всегда следила, чтобы она надевала надувные нарукавники. Здесь бывают очень сильные волны. – Она отвергла предложение Пип взять ее под руку, но теперь сама это сделала, никак не объяснив, почему передумала. – Сейчас, оглядываясь назад, я думаю, что любовь к воде и привела Скарлетт к пруду. Он ее манил.

Нельзя было оставлять такого маленького ребенка одного, подумала, наверное, Пип. Эвелин знала эти ее мысли, потому что так думали все. Трагедия, конечно, но почему трехлетний ребенок очутился один у садового пруда? Куда смотрела нерадивая мамаша? Как можно было такое допустить?

Эвелин давно привыкла защищаться от посылаемых ей злых мыслей, они отскакивали от нее, как пули от щита. Пип хватало вежливости не спрашивать, но Эвелин приготовилась к безжалостному вопросу. Одна она знала, что произошло со Скарлетт и какую роль

сыграла в этом она сама. Не пора ли это изменить? Не доверит ли правду Пип?

– В моем детстве мы нечасто бывали на пляже, – сказала та, умело уходя от темы утонувшей дочери Эвелин. – Сейчас об этом смешно говорить, но ферма далековато отсюда, а мать с отцом были слишком заняты, чтобы меня возить. Когда я стала постарше, то увлеклась учебой и ни на что другое уже не оставалось времени. Теперь жалею, конечно, об утраченных возможностях.

– Когда у вас будут свои дети, обязательно используйте преимущества жизни у моря, – посоветовала ей Эвелин.

Поднять тему материнства было с ее стороны озорством, и она с удовольствием наблюдала, как Пип глотает наживку.

– Сомневаюсь, что когда-нибудь заведу детей, – ответила та безразличным тоном. – К тому же я живу не здесь.

– Совсем забыла! – Эвелин постаралась скрыть усмешку. Отрицать свои корни вошло у Пип в привычку. – Вы же вернетесь в Лондон. Таков ваш план?

Пип устремила взгляд поверх волн, к горизонту, и Эвелин увидела, как она смягчилась.

– Нет никакого плана, – сказала Пип безнадежным тоном. – В Лондоне у меня больше нет дома. И ребенка заводить не с кем. Так что не о чем говорить.

– Может быть, пора что-то поменять? – вкрадчиво спросила Эвелин, искоса глядя на нее.

Пип повернулась к ней, и они встретились взглядами.

– Да. Думаю, вы правы.

Пип нравилось на пирсе и раньше, и теперь, но она совсем про него забыла вместе со всем остальным. Раньше она старалась представить, что значит жить в каком-нибудь из белых домишек на уходящем далеко в море деревянном настиле. Она помнила, как ее разочаровали слова отца, что там на самом деле никто не живет, потому что это не жилье, а магазинчики и кафе. Правда, на ее мечты это не повлияло. Она и дальше представляла себе самостоятельную жизнь в собственном мире, на пирсе и даже под пирсом в отлив.

А потом взяла и все это позабыла! Детские фантазии сменились совсем другими мыслями. Как это произошло? Что еще она упустила, когда увлеклась карьерой? При всей любви к своей профессии она уже не исключала, что слишком многим ради нее пожертвовала.

После бодрого старта теперь, при приближении к пирсу, Эвелин выглядела утомившейся. Следует ли за нее беспокоиться? Пип терялась в сомнениях. Она не обладала навыками первой помощи. Посвятив себя учебе, она среди прочего махнула рукой на членство в отряде девочек-скаутов.

– Самое время попить чаю, – сказала она, надеясь, что Эвелин не поймет, что она больше заботится о ее потребностях, чем о своих, и не оскорбится. – Зайдем?

Она указала на кафе в самом начале пирса. Эвелин кивнула. Пип придержала для нее дверь.

Только укрывшись от ветра, они поняли, как он силен. Эвелин буквально упала на стул. Прогулка потребовала от нее больше усилий, чем она думала. Удивляться было нечему, учитывая, как редко она выходит из дому, но Пип надеялась, что они не перегнули палку, иначе племяннику будет за что ее винить.

Они заказали чай и коржики (за отсутствием в меню булочек в карамели) и стали молча любоваться морем за окном. Пип соскучилась по таким ленивым мгновениям. Темп жизни в Лондоне был слишком стремительным, ей нравилось находиться в самой гуще, ее будоражил стресс, балансирование на острие конкурентного ножа. Но, как она поняла только теперь, она нарушила правила игры. Стиль жизни,

соревнование, правильные поступки, питание только в правильных местах – все это переступило мыслимые границы, это уже походило на злокачественную опухоль, вытеснившую все прочие, менее важные вещи. Она махнула рукой на покой, презрительно его отвергла, считая, что даже короткий отдых от ее всепожирающей лондонской жизни стал бы признаком слабости. Теперь она понимала, как ошибалась, и готовилась исправить ошибку. Когда ее жизнь вернется в желанное русло, когда она возобновит работу, обязательно надо будет выкраивать время, чтобы любоваться катящимися волнами и скользящими по небу облаками.

Пип почувствовала вдруг на себе взгляд Эвелин и вопросительно повернулась к ней. Пожилая леди выдерживала не моргнув глазом даже самое бесцеремонное разглядывание. Сейчас Пип показалось, что та силится заглянуть ей в душу. Вскоре Пип пришлось самой опустить глаза, потому что ей не хватало твердости.

– Вы прочли мой дневник? – спросила та резко – негромко, но отчетливо.

Пип замерла. Что ответить? Можно было бы солгать, Эвелин ни за что не докажет, что она обманщица. Но куда это ее заведет? Солгать значило бы никогда не узнать, что произошло у Скарлетт и Джоан. А каким было бы наихудшее следствие правдивого ответа? Эвелин могла замкнуться и больше не захотеть с ней встречаться. Обидно, конечно, но Пип справилась бы со своим неутоленным любопытством.

– Да, – ответила она без затей.

Сначала Эвелин молчала, обдумывая, видимо, что на это сказать. Пип хотелось побудить ее к дальнейшей откровенности, хотелось услышать всю ее историю, но чутье подсказывало, что ей самой сейчас лучше помалкивать.

– Так я и думала, – вымолвила в конце концов Эвелин. – Иначе и быть не могло. Вы поэтому пришли опять?

Пип кивнула.

– Но вы ведь никому не проболтались?

Пип покачала головой.

Эвелин тяжело вздохнула, убрала ото рта прядь волос, да еще рассеянно дунула на нее – решала, видно, как быть дальше. Потом взяла чашку, сделала глоток, твердо поставила чашку на блюдце.

– Что ж, – начала она. – Я вам расскажу, а потом сами решайте, как поступить. Разве что вы предпочли бы не знать.

Неужто Джек прав? Неужели Эвелин убила Джоан? В дневнике эта тема была затушевана, но запись от тридцатого ноября можно было понять именно так. Если Эвелин подтвердит свою вину, то каким будет моральный долг Пип? Обязана ли она уведомить полицию?

Разумнее было бы остаться в неведении, ответить Эвелин, что теперь это уже неважно, что та вольна унести тайну с собой в могилу.

Но что-то в выражении ее лица подсказало Пип, что ей хочется исповедаться, свалить с плеч тяжкую ношу. Если она столько лет ждала этого и выбрала наконец подходящий момент, то Пип оставалось только ее выслушать.

Приняв решение, она кивнула.

– Прошу вас, расскажите.

Эвелин наклонила голову в знак готовности, и Пип почувствовала, что они поняли друг друга.

– Дело было в среду, – начала Эвелин без всякого вступления. – По средам мы со Скарлетт всегда ходили в библиотеку менять книжки, но в тот раз Скарлетт нездоровилось. Должно быть, простудилась, поэтому хныкала. Я решила избавить ее от долгого хождения, оставить дома с Джоан и выбежать ненадолго самой. К моменту моего возвращения Скарлетт уже была мертва.

От безжалостности Эвелин к себе самой Пип расширила глаза, но прикусила язык и смолчала. Важнее всего было не прерывать рассказчицу, позволить ей выговориться. Эвелин глотнула, стиснула зубы. Видно было, что искренность дается ей с трудом.

– Я застала дома полицейских. Они разговаривали с Джоан, которая сказала им, что Скарлетт, видимо, выбежала из дому, воспользовавшись моим отсутствием. Полицейские приняли это объяснение, но мне оно показалось бессмысленным. Скарлетт отлично знала, что ей нельзя выходить без взрослых. Такой поступок был ей абсолютно несвойственен.

После ухода полиции и еще много дней потом я умоляла Джоан открыть мне правду, но она стояла на своем. Казалось, ей доставляет удовольствие изображать меня нерадивой матерью, проявившей пагубное ротозейство и потому виноватой в смерти дочери. Но я-то знала, что это не так, поэтому все спрашивала и спрашивала ее... –

Эвелин яростно хлопнула по столу ладонью с ветвящимися синими жилками на тыльной стороне.

– Но при этом мне приходилось помнить об осторожности, – продолжила она. – Я знала, что Джоан не перестанет отнекиваться, поэтому, как мне ни хотелось перейти на крик, применить к ней силу, чтобы вырвать правду, я принуждала себя к спокойствию. Я боялась, что она окончательно замкнется и я уже никогда не узнаю, как моя бесценная деточка оказалась вне дома сама по себе. Я беспрестанно проигрывала в голове ее последние секунды и никак не могла понять, что произошло на самом деле. Поэтому я не отставала от сестры.

В конце концов Джоан не выдержала. Я преследовала ее по всему дому, донимая вопросами. В какой-то момент мы остановились наверху, перед лестницей. Она орала на меня: мол, Скарлетт была капризной своевольной девчонкой, совсем как я в детстве, и пора мне это принять...

Пип заметила, что у Эвелин от волнения горят щеки. Ей хотелось ее подбодрить, но сначала нужно было дослушать все до конца; возможно, и после этого ей следовало бы промолчать. Она сидела молча, позволяя Эвелин продолжать.

– Я отвечала, что нет, этого я никогда не приму, потому что не верю ей. Я знала свою дочь, знала, что просто так она не ушла бы. К тому же ей в тот день нездоровилось, хотелось просто сидеть на диване в обнимку с мамой. – В глазах Эвелин блеснули слезы при мысли о несчастной маленькой девочке, которой хотелось к маме, не оказавшейся рядом. Это был такой кошмар, что Пип пришла в ужас от одной этой мысли.

– Дальнейшее я помню так ясно, словно это произошло вчера, – сказала Эвелин. – Похоже на кино. Я кричала на Джоан, повторяла, что не верю ей, она – на меня, твердила, что не надо мне было реагировать на нытье и сопли Скарлетт. Я возмутилась, ведь Скарлетт было всего три года, Джоан возразила, что в этом возрасте ребенок уже должен уметь прилично себя вести.

Эвелин так подробно описывала ту ссору, что Пип ясно представила себе всю сцену: две женщины стоят нос к носу у лестницы перед комнатой Скарлетт и кричат друг на друга.

– Я поняла, что ничего не добьюсь, – продолжила Эвелин, – и постаралась окончить ссору миром: со всем доступным мне

спокойствием попросила Джоан сказать мне правду. Ей хотелось продолжения скандала не больше, чем мне. Она сказала, что Скарлетт жаловалась, что хочет пить и есть, что ей то холодно, то жарко, вот она и выставила ее за дверь, чтобы играла и не мешала ей возиться по дому; после этого Скарлетт, мол, и очутилась в соседском саду. Я этому не поверила. Я-то знала, что Скарлетт хотелось просто спокойно посидеть с книжкой, потому что она что плохо себя чувствовала из-за насморка.

В горле у Пип стоял ком. Ей очень хотелось, чтобы Эвелин скорее добралась до кульминации истории, но она не осмеливалась ее перебивать. Она молча наполнила обе чашки, хотя чашка Эвелин оставалась почти полной.

– И вот тут до меня дошло наконец, как все было, – проговорила Эвелин с каменным лицом. – Джоан попросту выставила Скарлетт из дому и заперла дверь. Та потому и не вернулась, когда наигралась, потому что дверь была заперта. После этого она побрела в соседский сад и там... упала в пруд.

Пип разинула рот от ужаса.

– Господи... – пролепетала она.

Если все было именно так, если Джоан и вправду не впускала трехлетнюю Скарлетт домой, то такое нельзя было простить. Если после этого Эвелин убила сестру, то это было оправданно. Пип попробовала поставить себя на место Джоан, чью совесть отягощал подобный груз, и не смогла. Это было, наверное, даже хуже, чем камень на сердце у нее самой.

– Я выложила Джоан все это, – сказала Эвелин. – Обвинила ее в том, что она заперла перед Скарлетт дверь. Стоило мне это произнести, как я поняла, что права. Все было написано у нее на лице: сначала вина, потом вызов. «Не надо было тебе уходить, – заявила она, взваливая вину на меня. – Она сновала туда-сюда, вконец меня замучила. Нет чтобы сесть и сидеть смирно!» Это казалось ей оправданием ее поступка. Мне больше нечего было ей сказать. Наши отношения закончились. Это было уже непоправимо.

Пип боялась дышать.

– Заперла дверь? – переспросила она, хотя сказанное Эвелин не допускало иного толкования.

Та кивнула, гордо, как в суде, держа голову.

– Именно так. Моя сестра была виновата в гибели моего единственного ребенка. Я знала, что никогда не смогу ей этого простить.

«Что же было дальше?» – мысленно спросила Пип. Собственно, она и так это знала, но хотела услышать подтверждение из уст Эвелин.

– И тогда... – тихо произнесла она, давая Эвелин возможность закончить.

Эвелин твердо смотрела ей в глаза, как будто провоцируя ее на спор.

– И тогда я ее убила.

Вот она и сделала то, что хотела: страшные слова сорвались с языка, и теперь ничего уже нельзя было изменить. С бегущими по спине мурашками Эвелин следила за выражением лица Пип, менявшимся от шока к пониманию.

Не просчиталась ли она? Не раскрыла ли свою тайну совершенно не тому человеку? Что она вообще знает о Пип? Достаточно ли внутреннего чутья, подсказывающего, что та должна занять ее сторону? Как же она сглупила, положившись на мимолетное чувство и полностью отдав себя на милость чужого человека! Еще несколько секунд назад ее безопасности угрожал только дневник и она собиралась хранить свой секрет до самой смерти, а что было бы потом, ее мало интересовало: давать ход написанному в ее дневнике было бы уже поздно.

Но она созналась, по сути дела, незнакомке, и содеянного было уже не исправить.

– Что это значит, Эвелин? – спросила Пип, прерывая ход ее мыслей. – Что значит «убила»?

Эвелин опустила голову.

– То, что я сказала. Я впала в ярость, заорала на нее, она шагнула назад и упала с лестницы.

Она видела всю картину ясно, как будто это произошло только накануне: Джоан делает шаг в пустоту, взмахивает руками, пытаясь сохранить равновесие, дальше – стук падающего тела об лестницу и последний звучный удар, когда она очутилась внизу. Там ее тело застыло в неестественной позе. В доме стало мертвенно тихо.

– Вы ее толкнули? – тихонько спросила Пип.

Эвелин покачала головой.

– Нет, – ответила она еле слышно. – Я к ней не прикасалась.

– Раз так, это был несчастный случай.

– Если бы не наша ссора, она бы не упала, – возразила Эвелин. – Это была моя вина. Я закричала на нее, она отшатнулась и оступилась.

– Это не делает вас виноватой в ее смерти, – не согласилась Пип. – Да, это ужасная трагедия, но случайность есть случайность, вы не

должны обвинять в ней себя.

Пип потянулась к ней и положила ладонь на ее руку. Эвелин почувствовала сквозь рукав ее тепло, желание успокоить.

– Ничего страшного. Я никогда не жалела, что так поступила, – сказала она тихо, не поднимая глаз. – Наверное, вас это шокирует, но это правда. Она получила то, что заслужила. Я всегда воспринимала это как карму. Сестра отняла у меня величайшую драгоценность моей жизни, а потом вмешалась судьба и отняла самое дорогое у нее.

Пип пожала плечами.

– Не уверена, что это предосудительный подход. Случается и такое. Я согласилась бы, что это было вмешательство Вселенной, если бы верила в такие вещи. Не скажу, что Джоан заслуживала смерти за содеянное, но мне ее не жаль.

Эвелин ответила на это благодарной улыбкой.

– Падение вполне могло бы привести всего лишь к ушибам и синякам, – сказала она.

– То-то и оно! – подхватила Пип. – Говорю же, несчастный случай. Никто не виноват, меньше всех вы.

Эвелин подняла глаза и встретилась взглядом с Пип.

– Знаете, я могла бы сказать примерно то же самое вам, Пип. То, что мальчуган очутился именно перед вашей машиной, было случайностью. Его мог сбить кто угодно, но не повезло именно вам. Разница между мной с сестрой и вами с ним только в том, что вас гложет чувство вины за случившееся, а меня нет. Две стороны одной медали.

Пип нахмурилась и вроде бы хотела возразить, но потом согласно кивнула.

– Полагаю, что так, – сказала она.

Они немного посидели молча, слушая голоса других людей в кафе.

– И что вы думали? – спросила чуть погодя Эвелин. – Когда читали мой дневник.

– Как я отнеслась к тому, что вы радовались ее гибели? – откликнулась Пип.

Эвелин кивнула.

Пип выпятила нижнюю губу.

– Я не знала, что подумать, – сказала она. – До меня дошел слух, что одна сестра убила другую, и сначала я испытала удивление. В дневнике написано туману, но и в тумане можно было разглядеть, что вы ее убили. Поверить в это было трудновато, особенно после всего, что я прочла о вашей жизни, о том, какая вы. Я не могла представить вас убийцей.

Эвелин неуверенно улыбнулась.

– Несказанно рада это слышать.

Пип постучала себя пальцем по губам, соображая, что говорить дальше.

– Кое-чего я совсем не поняла. Честно говоря, это меня смутило. – Тербя пальцами нижнюю губу, она смотрела Эвелин в глаза, заранее смущенная тем, что сейчас скажет, но неспособная смолчать.

– Продолжайте, – осторожно поощрила ее Эвелин.

– Я не поняла, что вы оставили Скарлетт с Джоан, – медленно начала Пип. – В дневнике этого не говорится. Поэтому я не понимала, почему трагедия не вызвала у вас угрызений совести. Меня преследует чувство вины за гибель ребенка, а вас нет.

Пришла очередь Эвелин смутиться. Она отчаянно силилась понять истинный смысл слов Пип.

– Теперь уже я не вполне понимаю, – медленно произнесла она. – Вы сочли меня виновной в гибели моего ребенка?

Пип опустила глаза и кивнула.

– Не буквально. Но утонула ваша трехлетняя дочка. Я не могла понять, почему вы не ощущаете за это ответственности, хотя бы частичной. Я поняла написанное вами так, что Скарлетт была в момент гибели с вами. Но про вину не было ни слова. Я искала и не находила логику.

Эвелин обдумала слова Пип. Можно ли понять их так, что Скарлетт погибла из-за материнского недосмотра? Эвелин вознегодовала было, но тут же решила, что, не имея всех деталей головоломки, можно было прийти и к такому умозаключению. Но раз так, вопрос возникал у самой Эвелин.

– Получается, что даже считая, что я отчасти виновата в случившемся со Скарлетт, вы хотели со мной общаться? – спросила она.

Когда Пип подняла глаза, Эвелин увидела в них слезы, губы Пип кривились.

– Я хотела понять, как вы уживались с болью, – ответила она срывающимся голосом. – Мне нужно было узнать, как у вас получается жить с виной и не поддаваться ей. Я так не могу. Я валюсь под тяжестью своего неподъемного груза и не могу из-под него выползти. А вам – так я думала – хоть бы что. Я хотела узнать, как вы умудряетесь не поддаваться чувству вины.

– А сейчас? – лукаво осведомилась Эвелин. – Когда вы знаете, что я – не панацея от всех ваших бед?

У Пип поникли плечи.

– Прошу вас, не говорите так. Я знала, конечно, что вас не в чем винить. Сердце мне это подсказывало. Я прочла ваши сокровенные мысли и считала, что знаю вас. – Пип зарделась, и Эвелин при виде краски на ее щеках смягчилась. – Я знала, что женщина с этих страниц не причинила бы вреда своему ребенку. Просто я не понимала, что произошло на самом деле. Теперь, когда все понятно, я вижу во всем этом смысл и понимаю, что с самого начала судила о вас правильно. Вы ничего не сделали во вред Скарлетт. – Пип прикусила губу. – А вы, Эвелин? Вы по-прежнему хотите со мной общаться, зная, что я в вас усомнилась?

У Эвелин ушло на обдумывание ответа не более доли секунды.

– Я бы не захотела с вами общаться, если бы вы во мне не усомнились.

Чай был выпит, коржики съедены, отношения двух женщин укрепились. Можно было возвращаться домой. В этот раз Эвелин, не спрашивая разрешения, взяла Пип под руку, чтобы легче было идти, и от этой доверчивости у Пип потеплело на сердце. Как же хорошо быть нужной!

С моря по-прежнему дул ветер, хотя небо стало безоблачным и синело всюду. Пип пожалела, что у них нет воздушного змея, а потом задумалась, откуда взялась эта мысль. Она уже забыла, когда последний раз запускала змея. Пылится ли до сих пор ее старый змей в чулане на ферме? Надо будет узнать у матери. Можно даже купить новый и принести на пляж. Она представила, как побежит вдоль пляжа с веревкой в руке, управляя огромным, парящим в воздухе разноцветным бриллиантом с пляшущими, как бабочки, ленточками на хвосте. Можно ли до того состариться, чтобы отвергнуть такие забавы? Роз решила бы, что можно, но Пип была категорически против.

Теперь, зная, что неверно истолковала запись в дневнике Эвелин и что гибель Джоан была несчастным случаем, она испытывала облегчение. Теперь можно было симпатизировать Эвелин гораздо больше, чем раньше, когда еще сохранялась тень сомнения. Хорошо было понимать, что за беда стряслась со Скарлетт, хорошо – и невыносимо грустно, поэтому Пип не хотела об этом думать, чтобы не задуть занимавшиеся у нее внутри крохотные язычки счастья.

Эвелин их разговор тоже пошел на пользу. Возвращались они медленнее, прогулка ее утомила, хотя она тщательно это скрывала, зато на душе у нее определенно полегчало. Ее слова о Джоан не были исповедью, но послужили в некотором роде катарсисом. При всей усталости Эвелин как будто помолодела.

Девчушка, примерно возраста Скарлетт, прошмыгнула мимо них и бросилась к ведущим на пляж бетонным ступеням. Мать тут же заторопилась за ней. Малейшая суэта рядом пока еще вызывала у Пип дрожь, зато Эвелин улыбалась, глядя, как ребенок прыгает со ступеньки на ступеньку, начиная каждый раз с одной и той же ножки.

– Как же хорошо не киснуть дома, Пип! – сказала она, когда девочка добралась наконец до пляжа. – Спасибо, что повели меня гулять.

– Это вам спасибо, – отозвалась Пип. – Между прочим, вы еще не рассказали мне про Теда. Вы пару раз его упоминаете, но не пишете, навещал ли он вас.

При упоминании Теда Эвелин еще больше повеселела, ее глаза заискрились.

– Милый, милый Тед! Когда я сюда переехала, он частенько ко мне навещался. Звонил, чтобы поболтать, когда выдавалась возможность. Он был прекрасным другом.

Пип повернула голову и пытливо взглянула на Эвелин. Та сразу ее поняла и покачала головой.

– Что за мерзкие мысли! Нет, ничего похожего. По-моему, он вообще не интересовался женщинами, как, впрочем, и мужчинами. Говорил, что когда-то был женат, но недолго. Всю жизнь он посвящал уходу за матерью. Они были неразлучны. Какой контраст! Тед ради своей матери был готов на все, а я бежала от своей куда глаза глядят. Все люди разные.

Пип задумалась о собственной матери, старавшейся говорить и поступать правильно, ходившей вокруг нее на цыпочках, и у нее схватило живот. Она знала, что раньше была чудовищно неблагодарной дочерью. Родители имели все основания переживать из-за ее отношения, ее манер. Она решила исправиться, доказать матери, что ценит ее прежние и нынешние усилия.

– Когда Скарлетт была совсем мала, – сказала Эвелин, – Тед был почти единственным, кто ко мне заглядывал. После ее рождения приехал, конечно, Питер, хотя дети его не очень интересовали, пока он сам не стал отцом. Зато Тед появлялся всякий раз, когда находил время и мог арендовать автомобиль. Он играл с ней, подолгу возил в коляске, давая мне поспать. Джоан палец о палец не ударяла, чтобы помочь, я сама стелила постель и все прочее. Когда появлялся Тед, у меня была возможность отоспаться. Я гадала, о чем они с Джоан могут беседовать в мое отсутствие. Думаю, они просто избегали друг друга.

А потом его мать захворала и ему стало все труднее вырываться. Если он звонил, когда я гуляла со Скарлетт, Джоан ничего мне не передавала, поэтому постепенно мы отдалились друг от друга.

Конечно, он был на похоронах Скарлетт, но потом мы виделись мало. Думаю, я совсем ушла в себя, и он бросил попытки мне помочь. Бедняга Тед, он заслуживал гораздо лучшего отношения.

– Прекрасный человек! – сказала Пип. – В моей жизни не хватает такого, как Тед.

Сказав это, она поняла, что у нее есть такой человек – Джек. Он был готов ее поддержать, а она его отталкивала. Ее бросило в жар. Надо срочно все исправить и с родителями, и с Джеком – по крайней мере, попытаться. Она надеялась, что мосты еще не сожжены.

Они дошли до дома Эвелин, обветшавшего и заброшенного, особенно по сравнению с кокетливыми соседними домиками.

Эвелин остановилась, посмотрела на свое жилище и грустно покачала головой.

– Как же я все запустила! – сказала она, обращаясь скорее к самой себе, чем к Пип. – Хватит! Назрели перемены, Эвелин Маунткэсл. Пора взять себя в руки.

Пип удержалась от комментариев, но мысленно сказала себе то же самое.

* * *

Вернувшись на ферму, Пип продолжала думать об Эвелин и Теде. Не было сомнений, что они были близкими друзьями, ближе друга, чем Тед, у Эвелин никогда не бывало. Насколько трудно будет его отыскать? Очень трудно! Ей пришлось бы расспрашивать Эвелин, а это значило бы сразу выложить все карты на стол. Она даже не располагала фамилией Теда и не могла искать его по социальным сетям; впрочем, она сильно сомневалась, что у Теда они есть.

Ей хотелось преподнести Эвелин сюрприз. Она готова была биться об заклад, что прежняя Эвелин, Эвелин – автор дневника из времен до гибели Скарлетт, оценила бы добрый сюрприз; но как она отнесется к этому сейчас? Но даже если все получится не так, как Пип задумывала, она не сомневалась, что Эвелин поймет искренность ее намерений и не рассердится.

От одной лишь перспективы сделать Эвелин приятное Пип уже летала как на крыльях. Как же долго она ничего не делала ради

другого человека из чистого альтруизма! Ей было стыдно сознаться себе, что последний раз такое было очень давно, еще задолго до трагедии. Она была чересчур погружена в обустройство собственной жизни.

Теперь все это изменится, думала Пип. В Лондон вернется совсем другой человек, за монументальный стол из красного дерева сядет совершенно другая Роз Эпплби.

Спустя пару дней, меня оформление витрины в лавке, Пип увидела на улице поджарую фигуру Николаса Маунткасла. Она не виделась с Эвелин после их прогулки в прошлый выходной, но целеустремленная походка племянника говорила о том, что он идет к Пип и что цель визита связана с тетушкой.

Войдя в лавку и застав ее за попытками нарядить нагой манекен в ярко-желтый сарафан, он, похоже, забыл от смущения о своем намерении. Он застыл на месте и, глядя на Пип, не мог решить, как быть. Пип улыбнулась и жизнерадостно поздоровалась. Он не улыбнулся в ответ, и это не предвещало ничего хорошего. Вдруг он пришел ее отчитывать?

Войдя в лавку, Николас остался ждать ее у двери со сложенными на груди руками. Он явно пришел поговорить и собирался ее дожидаться. Пришлось оставить пластмассовую женщину полуодетой и покинуть витрину.

– Полагаю, вы пришли ко мне? – обратилась она к нему, хотя этот вопрос был излишним.

– Именно так. – Какое серьезное лицо! – Нам с вами надо потолковать. Наедине, – добавил он, увидев Одри, направлявшуюся к ним.

– Конечно, – ответила Пип как можно любезнее. – Ничего, если я на минуточку отлучусь, Одри? Я быстро.

У Одри был такой вид, словно отлучка сотрудницы была неприемлемой, но в лавке, кроме них, никого не было, поэтому она поневоле кивнула.

Пип вышла за Николасом на улицу.

– Чем могу быть вам полезна? – осведомилась она.

– Дело в том, что... – Он так поджал губы, что едва цедил слова. – Я прошу вас оставить в покое мою тетю. Она ранимая старая леди и...

У Пип брови полезли на лоб. Он могла бы по-всякому описать Эвелин, но ранимой та никак не была.

– Не хватало, чтобы ее мучили такие, как вы! Я был бы вам чрезвычайно обязан, если бы вы перестали ее посещать.

Это звучало как речь персонажа Джейн Остин. Пип даже заподозрила, что он заготовил свою просьбу, а не говорил спонтанно.

– Вы пришли по просьбе Эвелин? – спросила Пип. Она считала это крайне маловероятным, особенно в свете их недавней беседы, но уточнить не мешало.

– Нет, не по просьбе, – сознался Николас. – Но на правах ее ближайшего родственника я обязан печься о ее интересах.

Пип стало любопытно.

– Почему вы считаете, что я действую вопреки ее интересам? – спросила она, пряча улыбку. – По-вашему, я что-то натворила?

Николас хмурился, его злило, что она не принимает его всерьез.

– Я просто считаю, что было бы лучше, если бы вы держались от нее подальше, – ворчливо ответил он.

Не вызывало сомнения, что ему не по себе, что он не каждый день предъявляет людям ультиматумы. Это было бы даже забавно, если бы Пип не насторожили его слова.

– Знаете, мистер Маунткасл, я считаю, что Эвелин сама решает, в чьем обществе ей проводить время, – твердо парировала она.

– Я иного мнения. – Он говорил все громче, на них уже оборачивались прохожие. – Знаю я таких, как вы. Стоит вам увидеть одинокую старушку, как вы спешите с ней подружиться, вдруг вам что-то перепадет.

«Вот оно что! – сообразила Пип. – Он принимает меня за авантюристку».

Подумать только! За многие десятилетия она первая обратила внимание на Эвелин, и ее тут же подозревают в корысти. Куда делся дух коллективизма? Особенно огорчителен был такой подход в маленьком городе, где еще не победило безразличие друг к другу. Она сама становилась такой же. То, что она раньше считала назойливостью, теперь становилось для нее здоровой заботой.

– О, я все поняла! – медленно проговорила она. – Вы боитесь, что я попытаюсь заставить Эвелин изменить завещание. – Это было так смехотворно, что она прыснула. – Боитесь, что она лишит вас наследства?

– Конечно нет! – выпалил Николас. – Дело совершенно не в этом. – Судя по его виду, Пип попала в точку. – Просто я забочусь о тетушке.

– Я вижу, – сказала Пип многозначительно. – То-то вы оставили ее жить в большом доме, позволяете тонуть в пыли и в кукурузных хлопьях. Выбрасываете без спросу ее вещи. Впервые за долгие годы кто-то проявил к ней интерес – и вы сразу пытаетесь этого человека отвадить. Трогательная забота, нечего сказать.

Пип знала, что говорит с ним излишне сурово, но она еще не до конца отвыкла от перекрестных допросов и радовалась случаю размяться. К тому же было приятно полюбоваться, как он извивается на крючке. Вернулось полузабытое восхитительное чувство: она добивалась от свидетеля именно того, чего хотела.

– Вы не имеете права... – начал он, но Пип решительным жестом заткнула ему рот.

– Послушайте, Николас, – заговорила она уже ласковее. – Я с вами совершенно честна: вам не о чем тревожиться. Я пришла к ней, чтобы отдать дневник. Мы разговорились, и оказалось, что у нас с ней больше общего, чем вы можете представить. Все очень просто. Мне не нужны деньги вашей тетушки, мне бы гораздо больше хотелось, чтобы она продолжала жить и беседовать со мной, уверяю вас. Здесь нет никакого макиавеллиевского замысла.

Сначала он не поверил, потом облегченно перевел дух. Когда он снова заговорил, его тон был уже гораздо мягче. Догадка Пип подтвердилась: перед разговором с ней он себя накрутил.

– Вы же меня понимаете... – промямлил Николас.

Пип кивнула и миролюбиво улыбнулась, он ответил ей тем же.

– Не уверена, что вполне понимаю, – сказала она, – но это нестрашно. Главное, вы можете не сомневаться: я не намерена уводить у вас из-под носа какое-либо наследство.

– Рад это слышать, – сказал он, сразу раскрывая все свои карты.

Как легко он сдается, подумала Пип. Из него не получился бы цепкий барристер.

– Хорошо, что вы здесь, – продолжила она. – Я как раз хотела кое-что с вами обсудить.

Николас опешил, он не ждал, что они так резко поменяются ролями. Но деваться было некуда, оставалось ее выслушать.

– В давние времена у вашей тети был в Лондоне друг по имени Тед. Мне хочется с ним связаться. Уверена, ваша тетя была бы рада

снова с ним увидеться, только я хочу, чтобы это был сюрприз. Как вы думаете, ей бы такое понравилось?

Николас нахмурился, обдумывая услышанное.

– Скорее да. Она стреляная птица, хороший сюрприз пойдет ей только на пользу. Вот только мне она никогда не рассказывала о людях из своего прошлого, а вы провели с ней считанные часы – и пожалуйста! Как вам это удалось?

Пип почувствовала, как краска заливает ей шею и щеки. Николас немедленно перешел в наступление.

– Вы ведь прочитали ее дневник? – осведомился он с хитрецей в голосе. – Тот, который я по ошибке привез сюда.

Пип могла бы опровергнуть это, но зачем?

– Да, прочитала, – подтвердила она. – Надо было выяснить, чей он, чтобы вернуть. – Это звучало слабовато, но лучшего варианта ответа у нее не было.

– Вот тебе и раз! – воскликнул он, ужасно довольный собой. – На ловца и зверь бежит.

Пип огорчилась, что ее вывели на чистую воду, но ничего не поделаешь, оставалось стоять на своем.

– Зацепок кот наплакал, но я все-таки постараюсь отыскать Теда.

– Не нанять ли нам частного сыщика? – предложил Николас, очень довольный своей идеей.

– Не думаю, что надо заходить так далеко, – ответила Пип, не позволяя ему одержать над ней верх. – Для начала я собираюсь поместить маленькое объявление в газету. Знаю, вероятность успеха невелика, но надо ведь с чего-то начинать. Если это не сработает, я вернусь к вашей мысли о частном детективе.

Николас выглядел слегка разочарованным, но был вынужден кивнуть в знак согласия.

– Ничего ей не говорите, хорошо? – попросила Пип. – Очень хочу, чтобы был сюрприз.

– Не скажу, а вы поставьте меня в известность, если что-то узнаете. Если он соберется в гости, надо будет прибраться в доме. Вряд ли тете Эвелин захочется показывать кому-то, в какой обстановке она сейчас живет.

– Я тоже об этом подумала, – согласилась Пип. – Не могу ли я помочь?

– Не знаю чем, – сказал Николас. – Я очень старался избавиться ее от всего этого хлама. Доказательство – полная коробка, которую я вам сюда приволок.

– Получилось не очень-то... – пробормотала Пип.

– Она никого не пускает в дом, мне она не позволяет ни к чему прикасаться. Тетя бывает очень неуступчивой.

В этом и Пип не сомневалась.

– Попробую с ней переговорить насчет беспорядка. У меня впечатление, что ей самой надоело так жить, но она не знает, с чего начать. Вдруг втроем мы...

Гримаса Николаса говорила о сомнении. Скорее всего, разбирать завалы пришлось бы ей и Эвелин, но она, к своему удивлению, отнеслась к этому с энтузиазмом. Любой проект – это всегда хорошо, полезно к чему-то стремиться.

Николас достал из нагрудного кармана пиджака визитную карточку и протянул Пип.

– Вот мой телефон.

Пип взяла карточку, не признаваясь, что такая же лежит у нее в спальне.

– Мы могли бы сходить куда-нибудь, выпить и все это обсудить, – предложил он.

Попытка ухаживания? Пип не была в этом уверена. За последние месяцы она разучилась разбираться в таких вещах. Оставалось надеяться, что он ничего такого не замышляет. Этот мужчина был не в ее вкусе. Впрочем, когда-то она воображала, что Доминик – ЕЕ мужчина, а теперь недоумевала, что такого она в нем нашла.

– Было бы неплохо, – ответила она достаточно неопределенно. – А теперь мне пора обратно в витрину. – Она указала кивком на полуголый манекен. – Нельзя оставлять ее в таком виде, это неприлично. Я с вами свяжусь!

И она шмыгнула в лавку, оставив сбитого с толку Николаса на улице.

* * *

Вечером она сочинила объявление для «Ивнинг Стандард». Не зная никаких подробностей и не желая привлечь внимание посторонних, она довольствовалась двумя строчками:

«Ищу Теда,
друга Эвелин Маунткасл в 1980-х гг.».

Специально для этой цели она зарегистрировала новый адрес электронной почты и добавила его к объявлению. Потом зашла на сайт газеты и разместила там плод своих стараний.

– Надеюсь, ты не станешь возражать, – обратилась мать к Пип на следующий день за ужином. – Я сказала Джезу, что сегодня вечером ты сходишь с ним выпить. Он такой удрученный после всей этой истории с Терезой. Я решила, что ему надо взбодриться.

Месяц назад Пип посчитала бы себя еще худшей компанией, но в последние недели положение стало меняться. Найдя дневник Эвелин и познакомившись с ней самой, она смогла сосредоточиться на других вещах, помимо своего собственного несчастья. Но стоило ей задуматься о том, что положение улучшается, как все шло насмарку: ее опять душило чувство вины. Как она смеет помышлять о каком-то улучшении, когда несчастная семья погибшего мальчика обречена на неизбывное горе? Стоило ее состоянию хоть чуть-чуть улучшиться, как возобновлялись, более того, ухудшались опостылевшие угрызения совести. Вечная история: шаг вперед, два шага назад.

И все же беседа с Эвелин послужила пищей для полезных размышлений. Жить дальше – не то же самое, что выписать себе индульгенцию или все забыть. Но теперь в ее повседневном существовании забрезжила хотя какая-то стабильность.

Джез был верным другом, попавшим в беду; ей предстояло помочь ему, как и Эвелин, а не получить помощь самой. Приятно было это сознавать.

– Я готова, – ответила она матери. – Рада буду его повидать. На какое время ты с ним договорилась?

– Он заберет тебя около восьми часов. Если это неудобное время, сообщи ему об этом эсэмэской.

Пип взяла телефон и подтвердила встречу коротким сообщением. Она уже предвкушала этот вечер, неважно, что Джез пребывал в унынии и вряд ли был готов веселиться. Пип успела забыть, как хорошо они ладят. Общаясь с ним последние недели, она словно бы откапывала давно потерянное сокровище. Легкое, без усилий общение – это такая радость! У них была богатая общая история, многое было понятно обоим без слов. Ее разговоры с Джезом кишели эвфемизмами,

отсутствовавшими при ее встречах с новыми друзьями; с Домиником у нее и подавно не возникало подобной степени близости.

Уже через час они с Джемом сидели в баре. Все было вроде бы как в прошлый раз, но обстановка изменилась. У нее резко поднялось настроение, а Джем, наоборот, сильно приуныл; казалось, его горе непоправимо.

– Ну, как дела? – задала вопрос Пип, решив, что лучше дать ему возможность ответить, как заблагорассудится. После этого она определит, какое направление примет их разговор.

– Бывало и лучше, – пробурчал он, не поднимая глаз. – Мерзкая штука – одиночество.

Пип легонько тронула его за плечо и почувствовала сквозь ткань футболки его тепло.

– Сочувствую, Джем, – тихо проговорила она. – Действительно беда. Вы с ней больше не видитесь?

Он покачал головой.

– Она заехала за своими вещами, когда я был на ферме. Специально выбрала время, чтобы меня не застать.

Пип сочувственно передернула плечами, хотя сама поступила бы точно так же.

– Я пошел к ней в отель, – продолжил Джем, – думал еще раз все обсудить, но мне сказали, что она на совещании. Соврали, наверное.

– Может, то, что ты ее не видел, только к лучшему, – сказала Пип, чувствуя, что точно так же высказалась бы ее мать. Трудно было придумать, что сказать, чтобы избежать банальности и покровительственного тона. Так же трудно было до недавних пор разговаривать с ней самой, подыскивать слова, бояться ляпнуть что-нибудь не то и еще больше все испортить.

Друг тяжело вздохнул, откинулся на стуле и посмотрел на нее в упор.

– Давай просто напьемся, – предложил он. – До поросычьего визга.

Пип забыла, когда последний раз перебирала лишнего, не говоря о том состоянии, о котором сказал Джем. Со времени трагедии она избегала спиртного, боясь, что, начав пить, не сумеет остановиться. Но что за беда, если нарушить свое правило всего разок? Не садиться же ей за руль!

– Идет, – согласилась она с широкой улыбкой. – Но учти, если тебя вырвет или ты примешься по-дурацки отплясывать, как когда-то, то я сразу сбегу.

Появление цели улучшило Джезу настроение, и на третьей пинте он как будто позабыл о своем горе. Пип не собиралась пить столько же, сколько он, потому что утратила сноровку, да и вообще никогда не пила столько, сколько он, хотя не сказать, что безнадежно от него отстала. Опьянение придало ей легкости, какой-то бестелесности, как будто осталась одна только голова со своим содержимым. Она сразу смекнула, что правильно поступала в последние черные месяцы.

На шестой кружке они затеяли грубоватую игру «с кем бы ты переспал/а». Пип много лет не вспоминала об этой игре, но сейчас опять развеселилась, начав представлять набитую людьми комнату и сортировать присутствующих по степени их сексуальной привлекательности. Выбор Джеза ее нисколько не удивлял, зато она удивляла саму себя! Доминик был широкоплечим брюнетом с профилем патриция, но в баре она клала глаз совсем не на таких: не на альфа-самцов, а скорее на мордатых нахалов, то есть на парней, похожих на Джеза...

Стоило возникнуть этой мысли, как Пип поняла, во что грозит вылиться этот вечер, если она не постарается это предотвратить. Джеза та же самая мысль посетила, похоже, одновременно с ней, потому что он уставился на нее остекленевшими глазами и брякнул:

– ...ну и, ясное дело, с тобой, Пип.

Разбираться в собственных чувствах у нее не было времени, потому что нужно было срочно отшутиться.

– Ты всегда знал, как польстить девушке, Джез. Как далеко в твоём списке я нахожусь? – Она ухмыльнулась, давая понять, что оценила его шутку, но он не стал улыбаться в ответ, а уставился на нее так, словно впервые увидел.

– Я серьезно, – сказал он, перестав дурачиться. – Ты всегда была особенной, Пип. Ты очень много для меня значишь. Так было всегда, с самого детства.

Его слова поразили ее в самое сердце. Кому не хочется услышать о своей исключительности? Она вдруг почувствовала себя предметом обожания, такого давненько не бывало. А ведь он прав, их тесная связь началась с того первого раза, когда он повлек ее, полную опаски, но и

предвкушения того, что сейчас будет, к шаткой лестнице в старом сенном амбаре. Секс на сеновале – избитое клише, но воспоминания от этого не страдают. Для него тот раз не был, конечно, первым; им было по семнадцать лет, но Пип нравилась мысль, что память о том случае занимает особенное место в его сердце – как и в ее.

Почему бы нет, мелькнула у нее мысль. Что бы могло ее остановить? Можно уйти из паба и дойти до его домика, здесь совсем недалеко. Безопасно, просто. Пип истосковалась по заботе, по крепким объятиям, хотелось, чтобы ее отвлекли, заставили забыть последние месяцы, хотя бы на пару часиков.

Но Джек был пьян и убит горем. Меньше всего ему была нужна сейчас беспорядочная ночь с бывшей возлюбленной, которая сама на грани нервного срыва... Ну и пусть.

Пип уперлась ладонями в стол и заглянула в такие знакомые карие глаза.

– Ладно, – тихо сказала она, – пойдём.

Эвелин вышла на улицу.

Она тщательно нарядилась и отправилась в хозяйственный магазин, купить прочные пластиковые пакеты. Продавец заверил ее, что прочнее вот этих не бывает, не спросив, правда, зачем они ей. Эвелин так и подмывало брякнуть, что она разрубила на части труп и спешит от него избавиться. Когда-то, когда ей еще случалось веселиться, она любила подтрунивать над людьми. Провести их ничего не стоило, а она отлично вживалась в роль, соответствовавшую сюжету. Неплохо было бы пригласить ту, прежнюю, Эвелин Маунткасл к себе погостить.

Вернувшись домой, она села за стол и, положив на него тяжелый сверток с пакетами, приуныла. То, что с утра пораньше показалось блестящей идеей – навести порядок на кухне, чтобы ею опять можно было пользоваться, – теперь представлялось сродни покорению Эвереста в шлепанцах.

Она вздохнула, чувствуя, что потерпела поражение, даже не начав. Как она до такого дошла? Какое-то время после гибели Джоан она кое-как держалась, даже собиралась снова нанять выгнанную сестрой уборщицу. Та всегда ей нравилась, к тому же она остро нуждалась в собеседнице.

Но шли недели, месяцы, годы, а она ничего не предпринимала. Закономерный результат – хаос.

Она с тяжелым вздохом оторвала от мотка первый пакет и приступила к делу. Сперва, прежде чем отправить тот или иной предмет в зияющее жерло мешка, она тщательно его осматривала, но прошло десять минут – и она стала попросту сметать все в черную бездну. Вскоре ей понравилось это занятие, она проверяла вес каждого заполненного мешка, определяя его ценность. Набралось уже целых десять полных мешков, пол был засыпан тем, что она случайно смахивала мимо.

Что за чудесное чувство! Расправляясь с накопившимся мусором, она заодно освобождала голову и саму душу. Ей полегчало, казалось, она сбросила вес. После тщательной уборки можно будет затеять

небольшой ремонт. Капитального ей не потянуть, но не грех было бы пройтись кое-где свежей краской, заменить ковер-другой.

И все это благодаря Пип. Молодая женщина, появившаяся в ее жизни, ненароком перевернула у нее внутри что-то такое, что сама Эвелин считала давно закрашенным, заскорузлым, неподвижным. Хотелось ответить добром на добро. Бедняжка в подвешенном состоянии: ни продолжить жить, ни вернуться назад. Она не представляла, чем конкретно могла бы помочь Пип, разве что беседой, подсказкой не прятать голову в песок. Если закупориться, то можно забыть про нормальную жизнь. Так недолго и с ума сойти, ей ли этого не знать, подумала Эвелин, окинув взглядом свою разворошенную кухню. Разве Пип не поступает так же со своей жизнью? Впервые за очень долгий срок заговорив о Скарлетт, Эвелин многое вспомнила. Раньше она опасалась оживлять эти воспоминания, боясь, что они раздробились на мелкие фрагменты, но нет, Скарлетт в ее памяти оставалась такой же живой, как раньше, ничуть не поблекшей.

А еще после разговора с Пип изменилось ее отношение к Джоан: раньше это была слепая ярость, но теперь ее сменило нечто менее разрушительное. Когда Пип осудила поведение Джоан, с души Эвелин свалилась весомая часть прежней неподъемной тяжести. Недаром говорят: общая проблема – половина проблемы. Теперь и Эвелин понимала, как ей разделить проблему Пип.

От стука в дверь дома она вздрогнула и прижала руку к груди, чтобы унять сердцебиение. Выходило, что у ее новообретенной свободы остаются изъяны, незваный гость вызывает у нее тревогу. Она решила не обращать внимания, дождаться, пока стоящий за дверью удалится. Она застыла, хотя знала, что ее не видно.

– Эвелин? – раздался из-за двери знакомый голос. – Это я, Пип. Вы дома?

Эвелин облегченно выдохнула. Пип!

– Да! – отозвалась она. – Уже иду.

С тоской глянув на новый беспорядок, сменивший в результате уборки старый, она заторопилась к двери.

Вид у Пип был ужасный: цвет лица землистый, под глазами темные круги. При этом она улыбалась, как кошка, нализавшаяся сметаны.

– Ну и вид! – ахнула Эвелин. Старость – индульгенция для откровенности, какой люди помоложе не могут себе позволить.

– У меня похмелье, – объяснила Пип и еще шире улыбнулась, даже просияла. – Впервые с незапамятных времен. Я подумала, вдруг вам захочется прогуляться, помочь мне проветриться.

Эвелин оглянулась на свою безнадежную кухню, и Пип добавила:

– Если вы заняты, то ничего страшного, отложим до другого раза. – Она проследила взгляд Эвелин и поняла, что та переживает из-за кухни. – Генеральная уборка?

– Затеяла небольшую, – поправила ее Эвелин. – Но пора сделать перерыв. Идемте.

Они дошли до того кафе, где сидели в прошлый раз. Пип заказала два чая и две порции бананового хлеба.

– Раньше я сама его пекла, – объяснила она. – Надо попробовать еще. Раньше вечно не хватало времени, но теперь...

Они посидели в относительной тишине, если можно было так назвать гомон вокруг. Эвелин он не мешал.

– Можно задать один вопрос? – спросила Пип, съев свою порцию.

Эвелин стало немного дурно. Ей нравилась современная манера всем делиться, но привыкнуть к этому пока что не получалось.

– Задавайте, – сдержанно разрешила она, – но я оставляю за собой право на молчание, если не захочется отвечать.

Пип кивнула.

– Конечно. Просто мне интересно, кем был отец Скарлетт. Он еще жив?

Вот оно. Приехали! Эвелин знала, что рано или поздно до этого дойдет. В рассказанной ею истории оставался провал. Про отца Скарлетт она никогда никому не говорила – ни Бренде, ни Джулиану, ни даже милейшему Теду, и не потому, что тот не спрашивал. Даже в дневнике она избегала его упоминать, хотя в некоторых записях использовала код, который послужил бы гипотетическому читателю ключом к разгадке.

Причины хранить тайну были разнообразны и с годами менялись. Сперва она старалась сама не попасть в беду, потом заботилась о репутации Рори Макмиллана, хотя теперь недоумевала, с какой стати было о ней заботиться. Старалась не спровоцировать Джоан на резкие

поступки. Наконец, оберегала Скарлетт. И ни разу никому не обмолвилась о своей тайне.

Но было ли что терять теперь?

– Он жив, – начала она. – Так, во всяком случае, я думаю, хоть и не знаю, в какой части мира он теперь обосновался. Со дня зачатия Скарлетт я ни разу его не видела.

Ей всегда казалось странным, что Рори Макмиллан стал отцом и потерял дочь, так и не узнав даже о возможности своего отцовства. Хотя, если судить по его тогдашним замашкам, этот ребенок не был у него единственным. У Скарлетт мог быть целый выводок единокровных братьев и сестер по всему миру, хотя Эвелин не хотелось об этом задумываться.

Все эти годы она нет-нет и позволяла себе вспомнить Макмиллана, гадать, что с ним стало и думает ли он порой о ней, в чем сильно сомневалась. До поры до времени она следила за событиями в мире телевидения, но потом прекратила этот мазохизм. Слишком больно было наблюдать чужой успех, когда твой был украден. Иногда она фантазировала, как знакомит Макмиллана со Скарлетт, показывает ему и остальному миру плод его поступка. Ей приносила мрачное удовлетворение мысль о возможности испортить ему жизнь в отместку за то, что он испортил жизнь ей. Но и от этого плана она в конце концов отказалась. Все это было очень давно. Что бы она выиграла этим разоблачением, да и кто бы ей поверил? В те времена все знали правила игры: власть у мужчин, а женщины понимают, как добиваться желаемого. Она стала всего лишь одной из очень многих.

– Он не знал о Скарлетт? – прервала Пип ее мысли.

Эвелин покачала головой.

– Думаю, он мог догадаться. Я покинула съемочную площадку беременной, у нас с ним был секс за несколько месяцев до этого. Не высшая математика.

– Он был вашим возлюбленным? Вы не были женаты? – спросила Пип.

Молодые бывают такими ханжами, подумала Эвелин.

– Нет, не были, – резко ответила Эвелин.

Пип мялась, прежде чем продолжить допрос, как будто опасалась пересечь некую черту. Ну и вид у бедняжки, подумала Эвелин. Впрочем, от прогулки вдоль мыса у Пип слегка порозовели щеки.

Та подмигнула и с намеком приподняла брови.

– Секс на одну ночь? – спросила она почти шепотом.

– Скорее на вторую половину дня, – хладнокровно уточнила Эвелин.

– Боже правый! – воскликнула Пип и вытаращила глаза. – Никогда бы не назвала вас женщиной, которая на такое согласилась бы!

Эвелин польстили эти слова, но она не знала, стоит ли гордиться тем, что ее не считают пригодной для чего-то – уж не для секса ли?

– И правильно. Ни раньше, ни позже со мной ничего подобного не случилось. Да и тогда не должно было случиться. Хотя нет, иначе у меня не было бы моей бесценной Скарлетт, как и всего того, что мне выпало пережить.

Пип мигом посерьезнела.

– То есть как? – Она обомлела. – Это произошло против вашей воли? – Вопрос прозвучал так тихо, что Эвелин едва его разобрала.

– Нет-нет, он меня не насиловал. Но не скажу, что я была целиком за.

– Что же это тогда, если не изнасилование?

– Ох, Пип, – вздохнула Эвелин. – В жизни не все так однозначно.

Пип села прямо.

– Я не согласна, – сказала она жестко. – Какие могут быть сомнения? Согласие либо есть, либо нет. Тут не до половинчатости.

Эвелин сомневалась, что она права.

– Ну, в его комнату я вошла добровольно. Когда он предложил заняться сексом, я была слегка шокирована, потому что ожидала совсем другого. Наивная была, что с такой возьмешь? Я принимала это за деловую встречу и не подозревала, что...

У Пип отвалилась челюсть, гладкий лоб собрался в морщины.

– Что конкретно произошло, Эвелин? – спросила она, враз посерьезнев и сев на самый краешек стула с прямой спиной, глядя Эвелин прямо в глаза.

Эвелин почувствовала себя как на допросе. Пип и со своими клиентами обращается так же? Она замешкалась и уставилась в стол.

– С тех пор прошло слишком много времени... – пробормотала она, но Пип решила не отступать.

– Бросьте, Эвелин. Не станете же вы утверждать, что все забыли?

Эвелин поняла, что от нее не отвертишься. Она тяжело вздохнула.

– Его звали Рори Макмиллан, он был продюсером телевизионного сериала, в котором мне предложили роль. Мой агент считал, что роль у меня в кармане, оставалось только повстречаться с мистером Макмилланом у него в отеле и уточнить некоторые мелочи.

Эвелин сама удивилась, что назвала его «мистером». Устаревшая манера! Теперь обходились без формальностей, но она не смогла себя пересилить. У Пип беспрерывно менялось выражение лица, но перебивать Эвелин она не стала.

– Я пришла, он предложил мне выпить, слово за слово, и все кончилось сексом.

– Но вы этого не хотели? – не отставала Пип.

Эвелин скривила рот, обдумывая ответ.

– По крайней мере, я не собиралась. Совсем этого не ждала, когда заходила к нему в номер.

– То есть он вас принудил?

Эвелин покачала головой.

– Нет, не принудил. Но у меня не было выбора. Хочешь роль – а я еще как хотела! – значит, изволь уплатить за это цену. Я это знала, он тоже. Так тогда это было устроено. Иначе никак.

Пип откинулась на спинку стула и медленно покачала головой.

– Эвелин, вы когда-нибудь рассказывали кому-нибудь о том, что с вами произошло?

У Эвелин создалось впечатление, что она упустила нечто, очевидное для Пип. Она тоже покачала головой.

– Вы не следите за событиями? Знаете о недавних новостях?

Эвелин была вынуждена и на это ответить отрицательно. Новости ее удручали, она смотрела только фильмы на старых кассетах и на DVD, уютную криминальную классику по Агате Кристи и тому подобное. От чтения газет она отказалась, когда ее дом стали осаждать репортеры. Ее мирок крайне сузился, она не испытывала потребности засорять его мусором извне.

– Такое обращение с вами было злоупотреблением властью, – продолжила Пип. – Здесь не должно быть двух мнений. Может, тогда и было так, но те времена давно прошли. Сотни, нет, тысячи женщин любого общественного положения бросают обвинения в лицо тем, кто над ними надругался. Мужчины – прославленные, именитые, с

громкими фамилиями – садятся в тюрьму за свое обращение с женщинами в семидесятые-восьмидесятые годы.

– С этим я не согласна, – сказала Эвелин. – Тогда это было в порядке вещей: проходящих мимо женщин хлопали по попке, в переполненном лифте могли потрогать женскую грудь, секс с девушкой, годящейся мужчине в дочери, был обычным делом. Все всё, конечно, знали, никому это не нравилось, но ничего нельзя было поделать. Это было просто фактом женской жизни, мы учились избегать закоренелых безобразников и держали язык за зубами.

– Те, кто позволял себе такое, совершали правонарушение, – сказала Пип. – Их можно привлечь к суду и наказать.

– Это было бы несправедливо, – сказала Эвелин. – Они делали то же самое, что и все остальные. Не уверена, что многие из них считали свои действия предосудительными. Они воображали, что свист нам вслед – это комплимент. Честно говоря, они были недалеко от истины. Кому не нравится высокая оценка?

Пип удивили эти речи.

– Как вы можете их защищать, Эвелин? – в отчаянии воскликнула она.

– Это не совсем защита, просто когда я была в вашем возрасте, такие вещи были социально одобряемой нормой. Вряд ли стоит карать по прошествии стольких лет за то, что тогда происходило на каждом углу.

– Обыденность проступка не служит ему извинением, – с чувством ответила Пип. Она так рассердилась, что Эвелин трудно было вспомнить, что не она причина ее негодования. – То, что с вами сделал этот Рори Макмиллан, было самым настоящим сексуальным домогательством. Вы можете заявить на него в полицию, подать иск. Вы наверняка не единственная. Мужчины вроде него – сексуальные хищники, таких надо разоблачать. Мы можем обратиться в полицию прямо здесь, в городе. Если хотите, я могу вам помочь. Могу даже представлять ваши интересы.

Было нелегко усвоить все, что говорила Пип, но одно Эвелин поняла.

– Я никому не стану вчинять исков, – твердо сказала она.

– Но... – хотела возразить Пип.

– Это было давным-давно, в другой жизни. Тогда танцевали под другую музыку. К чему ворошить прогоревшие угли?

– Он злоупотребил своим положением, вы забеременели от него и лишились работы, это было циничное надругательство.

– Я могла бы уйти, – пробормотала Эвелин. – В любой момент могла бы собрать вещи, только он меня и видел.

– Но вы не сделали этого, потому что жаждали того, чем он вас манил, как морковкой. Вы хотели роль.

– Да, хотела. Но кто сказал, что это был единственный способ ее получить? Это так и осталось неизвестно.

Пип все сильнее волновалась.

– Как же вы не видите, что...

– Нет! – решительно отрезала Эвелин. – Я вижу одно: та случайная встреча в отеле подарила мне самое чудесное, самое прекрасное, самое драгоценное, что было у меня в жизни. Важно только это.

Казалось, Пип приняла наконец ее точку зрения и стиснула зубы, чтобы перестать на нее давить.

– Хорошо, – тихо сказала она.

Эвелин была права, что бы ни говорила Пип. Прошное лучше было не ворошить.

Но тем вечером, после того как Пип помогла ей наполнить мусором еще несколько мешков, а потом простилась и ушла, Эвелин зашла в интернет. Пип была права: сюжетам о надругательстве влиятельных мужчин над молодыми впечатлительными женщинами не было конца. Люди, о которых она никогда такого не подумала бы, шли под суд. Столпы общества, знакомые каждому просто потому, что не сходили с экранов в углу комнаты. Как же неправильно все было раньше устроено!

Возможно, с тем же уважением общество относилось и к Рори Макмиллану. Он был представительным мужчиной и при этом весельчаком. Она с удовольствием болтала с ним на новогодней вечеринке и была польщена, когда он соизволил обратить внимание на нее, а не на кого-то еще. Даже после всего, что случилось, она была против применения к нему тех слов, что слетели с уст Пип; она его не винила – ну, то есть не его одного.

Но как же все изменилось! Ей слабо верилось, что то, что женщины ее поколения принимали как факт жизни, теперь подвергалось поношению. Женщины совершили рывок вперед, стали черпать силу и отвагу друг у друга, вдохновлялись своей численностью. Ее удивляли мужчины, прячущие голову под крыло, мужчины, о которых она многое знала, но которых раньше осмеливалась обсуждать только с другими женщинами, да и то за закрытыми дверями. Невероятно!

Эвелин смотрела на экран компьютера, пока изображения не расплылись у нее перед глазами. Как она допустила такое забвение всего происходящего вокруг? В одной статье сообщалось, что всего за одни сутки около пяти миллионов человек признали себя жертвами харассмента. Женщины по всей планете жаловались на то же самое, что случилось с ней. Поразительно! Еще поразительнее, что все это происходило без ее ведома.

Слава богу, думала она, современные женщины защищены, общество не только в курсе их бед, но и набралось решимости больше этого не допускать. Эвелин не суждено было узнать, почему роль констебля криминальной полиции Карен Уокер тогда решили отдать ей: благодаря ее таланту или потому, что она раздвинула ноги перед Рори Макмилланом; но отрадно было уже то, что актрисам больше не нужно было проходить через то же самое. От этой мысли ее глаза наполнились слезами. Торжество справедливости сильно припозднилось, но лучше поздно, чем никогда.

Эвелин опять поднесла пальцы к клавишам клавиатуры. Поискать Рори Макмиллана, проверить, пишет ли о нем пресса? Она отказалась от этой мысли. Зачем? Все это в прошлом. Настало время глядеть в будущее.

Пип еще не отошла от откровений Эвелин, когда вернулась на ферму. Такая покорность судьбе казалась ей невероятной, но не вызывало сомнения, что Эвелин не винит того мужчину за все случившееся в его номере. Сказала же она, что не считает справедливым преследовать мужчин в наше время за то, что они делали в давние времена, когда господствовали другие стандарты. Но ведь злоупотребление собственной властью и силой остается злоупотреблением, фактор давности здесь не действует! Точка зрения Эвелин не укладывалась в голове у Пип.

Она читала множество историй актрис, исполнительниц, спортсменов, которые, вдохновленные смелостью немногих других, вышли из тени и поведали о своем темном прошлом. Относился ли хоть кто-то из них к этому так же, как Эвелин? Если да, то Пип неверно их поняла; возможно, она невнимательно слушала. Может быть, некоторые были снисходительны, делали скидку для поступков, которые Пип считала непростительными. Сама она могла понять такой ход мыслей, но если учеба на барристера научила ее чему-то, то это было понимание, что жизнь нельзя воспринимать только в черно-белых тонах.

При всем том Пип была уверена, что в данном случае она права.

Насильнику нет оправдания. Она, конечно, не могла заставить Эвелин подать иск вопреки своему желанию. Каждая женщина решает сама. Она всегда считала, что кто-то отказывается говорить из страха, что снова оживет глубокая душевная боль и они с ней не справятся, а кто-то не хочет выглядеть жертвой. Но ей в голову не приходило, что кто-то может счесть наказание виновного несправедливым.

Она все еще размышляла об этом, когда во дворе загрохотал трактор. Джек свесился из кабины и разглядывал протектор одной из шин. При виде него у нее в животе запорхали мотыльки, как в семнадцать лет, при первой влюбленности. Как давно она не чувствовала этого вызванного всплеском гормонов прилива адреналина, когда при виде возлюбленного все нервы вибрируют, как канаты на ветру! Откуда у нее убеждение, что она для этого слишком

взрослая, когда это сладостное волнение и есть смысл жизни? Как иначе понять, что ты живешь?

Угасание страсти произошло не только в результате трагедии, поняла она сейчас. Находясь в обществе Доминика, она испытывала гордость, но при виде него у нее не подгибались ноги, в животе не металась бабочка, было просто объективное понимание, что рядом красивый мужчина, было ощущение покоя, которое она по ошибке принимала за нечто большее. Сейчас она чувствовала себя совершенно иначе. Какой же чужью была набита ее голова раньше!

Но они с Джемом всегда сохраняли здравомыслие. Оба не были готовы к серьезным отношениям и не искали их, уж точно не друг с другом. Ночь, которую они провели вместе, послужила временной мирной гаванью, которую они друг другу предоставили, причалом в шторм, убежищем, пока не стихнет непогода. Оба знали, что с радостью бросились друг другу в объятия, но это не стало решением ни для ее, ни для его проблем.

Но сейчас она радостно рассматривала его, и ни его выдавший виды комбинезон, ни рабочие башмаки ее не отталкивали. Было и физическое влечение – что в этом дурного?

Пип постучала в стекло, помахала ему, расплылась в улыбке. Джем поднял голову и улыбнулся в ответ. Сколько раз она видела раньше это открытое выражение лица! И слава богу, подумала Пип. Она не испытывала ни смущения, ни сожаления о том, что сделала, тем более не усматривала в этом чего-то большего.

Пока она об этом размышляла, запахнулась задняя дверь дома, он ввалился, зовя ее, и повис на дверном косяке, чтобы не испачкать пол грязью с башмаков.

– Добрый вечер, Пипстер! Головка не бо-бо?

– Уже лучше, – откликнулась она, подходя ближе, чтобы сократить расстояние и не перекрикиваться. – А у тебя?

– Что мне сделается? В последнюю пару недель столько пью, что меня уже ничего не берет. – Он подмигнул. – А еще... – Он понизил голос. – Я хотел сказать, что мне очень понравилось. Надеюсь, ты тоже все помнишь.

Пип легонько ущипнула его за руку.

– Помню, что было неплохо, – ответила она негодующим тоном.

– Тем лучше. Не хочу обвинений в непотребстве. Я не набрасывался на тебя, когда ты была не готова.

Пип вспомнила свой разговор с Эвелин. При всех различиях, она начинала понимать, куда та клонила. Жизнь противится шаблонам. Согласиться с Эвелин она не могла, но могла уступить и признать ее право многое видеть по-своему.

– Но знаешь, Пип... – продолжил Джек. Он уже не ухмылялся, а смотрел ей в глаза, чтоб убедиться, что она внимательно его слушает. Шоколадно-коричневые кольца вокруг карей радужной оболочки его глаз всегда пленяли ее в молодости. Оказывается, в последние годы она его не видела, смотрела сквозь него. Теперь приходилось об этом сожалеть. Джек заслуживал гораздо больше внимания, чем получал от нее, от ее родителей и школьных подруг... – То, что было прошлой ночью, не должно повториться. Или, по крайней мере, не должно стать регулярным. – Он не удержался от новой ухмылки, но тут же опять посерьезнел. – Я не готов к новым отношениям, мы с тобой просто друзья. Нельзя, чтобы этому что-то мешало.

Ее полосуло разочарование – полосуло и испарилось. Не к этому ли умозаключению только что пришла она сама? Как ни хорошо, как ни спокойно ей было в его объятиях, ни ему, ни ей это было не нужно.

– Полностью согласна, – сказала она. – Отличный, безопасный, удобный секс. Необязательно без повторения, но... – Пип запнулась и вздернула бровь. – Не правило, ничего близкого к этому.

Она шагнула к нему и обняла, немного сожалея, что он с такой готовностью с ней согласился, но зная, что оба они правы. Она вдохнула его запах, как будто без этого не продержалась бы. От него пахло бензином и... им.

– Спасибо, Пип, – сказал он. – Я знал, что ты все поймешь. – Он отстранился. – Но у меня есть одно условие. – Вид у него был важный и одновременно уязвимый. – Не вздумай меня бросать, как в прошлый раз.

Пип испытала замешательство. В юности их отношения кончились по взаимному согласию, тогда это показалось ей зрелым решением. Она не бросала Джека и удивилась, что он думает по-другому.

– Не было этого, – возразила она. – Мы согласились расстаться.

Джез покачал головой.

– Я не про то, что было у юноши и девушки. Я про нашу дружбу. Ты уехала учиться в университете, вот и все. И больше не пыталась поддерживать со мной связь. Даже не говорила со мной, когда приезжала домой на каникулы. Поставила на мне крест, как будто я стал для тебя непригоден. – Их взгляды встретились. – Мне было больно, Пип. Очень больно.

Пип не знала, что сказать, кроме того, что ей тоже больно. Лучше было бы ответить, что тогда ей было невдомек и что теперь она удручена тем, что причинила ему боль, но это было бы неправдой, а Джез заслуживал правды.

– Прости, что обидела тебя, – выдавила она. – Я наделала ошибок, но теперь стараюсь исправиться.

Джез понимающе кивнул.

– Принято, – сказал он. – Главное, не повторяй прежних ошибок. – Он погрозил ей пальцем, усмехнулся и зашагал обратно к трактору, оставив Пип на пороге в недоумении из-за сказанного им.

– Приятно видеть, что вы с Джезом опять поладили, – раздался голос у нее за спиной.

Это была ее мать. Пип вздронула при ее появлении, как застигнутый врасплох подросток.

– Да, – сказала она так небрежно, как сумела. – Он сам не свой из-за Терезы. Но ничего, думаю, он справится.

– На ней свет клином не сошелся, – бросила мать, и Пип сделала над собой усилие, чтобы не закатить глаза.

– Тебе письмо, – продолжила мать. – Возьми на каминной полке в гостиной.

– От кого? – спросила Пип.

– Не знаю, – ответила мать, хотя Пип знала, что та осмотрела все письмо, если не обнюхала его. – Штамп лондонский.

Пип пошла за письмом. Конверт был тонкий, с самоклеящимся клапаном, такие продаются в супермаркете большими пачками. Ее имя и адрес были выведены печатными буквами синей шариковой ручкой. Почерк незнакомый. Она понесла письмо к себе в комнату.

– От кого? – спросила мать, когда дочь проходила мимо нее.

– Я еще не открывала, – ответила Пип на ходу.

От кого бы ни было письмо, ей не хотелось открывать конверт при матери. У нее еще оставалось право на частное пространство.

У себя в комнате она плотно затворила дверь, села с письмом на кровать и открыла конверт.

Письмо внутри было написано на вырванной из блокнота разлинованной страничке с неровным краем. Первым делом она посмотрела на адрес. Он был незнакомый, но она сразу догадалась, от кого письмо, и испытала головокружение, зрение затуманилось, она испугалась, что лишится чувств, пришлось часто дышать ртом, как ее учили, прежде чем вернулась способность читать.

Первое же предложение подтвердило ее страхи.

*Дорогая мисс Эплби,
меня зовут Карен Смит, я мама Робби...*

Письмо упало Пип на колени, она боялась к нему прикоснуться, как будто оно радиоактивное. Из комнаты разом вышел весь кислород, у нее кружилась голова.

Робби.

Тот мальчишка.

Ребенок, чью жизнь она погубила.

Она взяла письмо дрожащими руками и еще раз попыталась его прочесть.

Дорогая мисс Эплби,

меня зовут Карен Смит, я мама Робби. Давно хотела написать, но это очень трудно. После случившегося у меня все валится из рук. Но я должна стараться ради других детей. Им тоже трудно. Я мать-одиночка, их отец ушел, когда Робби было три года. На работе мне сочувствуют, дают, если надо, свободное время, но оно не оплачивается, поэтому приходится вкалывать. Когда занята, как-то легче. Не забываешь, я никогда не забуду, но когда ходишь на работу, думаешь еще о чем-то, да и с деньгами у матери-одиночки туго. Надо как-то всех прокормить.

Пип болезненно вздохнула, вытерла тыльной стороной ладони глаза. Читать дальше было страшно, но деваться было некуда. Что ей нужно, зачем она пишет ей, когда прошло столько времени? С каждым предложением у Пип все сильнее теснило в груди, потому что она ждала, когда начнутся обвинения: укоры, ярость, неумолимая ненависть, которую она не может не испытывать к Пип и которую только сейчас посмела облечь в слова. Но не читать было нельзя, невзирая на страх. Это было неизбежно, от этой зияющей раны нельзя было отвернуться: знаешь, что стошнит, но все равно не отводишь взгляд. Она продолжила читать:

Я много о вас думаю.

Сейчас пойдут обвинения, подумала Пип. Она представила эту женщину, лежащую в постели без сна, не находящую покоя и клянущую ту, кто лишил ее ненаглядного дитя. Самое естественное отношение. Она должна ненавидеть Пип всеми фибрами души.

Пип оторвала взгляд от письма. Чувство самосохранения приказывало прекратить читать и больше не возвращаться к письму. Ведь она наконец-то сдвинулась с мертвой точки, достигла неоспоримого прогресса. Панические атаки прекратились, сны стали щадящими, уже брезжила надежда, что к ней вернется способность наслаждаться жизнью. Зачем ей знать о материнской боли? Она могла сама представить, каково ей, этим и занималась с самой трагедии. Что хорошего будет, если ей скажут то, что она и так знает, отбросят туда, откуда она успела отползти? Ничто не мешает ей засунуть письмо обратно в конверт и кинуть в огонь, чтобы избежать новых мучений.

Но Пип знала, что никогда так не поступит. Эта женщина, мать Робби, потратила время на то, чтобы излить в письме свою ненависть и боль, и Пип не могла не прочесть все это, не проникнуться этим, не взвалить все это себе на плечи. Решив крепиться, она стала читать дальше.

Я все время думаю, что произошло, как умер Робби, как остались невредимой вы. Сначала я ужасно злилась. Я так вас ненавидела! Несправедливо, что мой красавец сын мертв, а вы живете и в ус не дуете.

Но потом я решила, что вы не так уж легко отделались. Нет, вам тоже досталось.

Моего ненаглядного Робби не вернуть. Я никогда не увижу его игру за «Арсенал». (Вы знали, что он болел за этот клуб? В тот день на нем была майка с его эмблемой. Он не снимал ее, пока я не заставляла.) Он уже не пойдет работать, не женится, не заведет ребятшек. Это больно, Боже, это такая боль! Но его нет. Он всего этого не знает.

А вы, вам надо жить. Его жизнь оборвалась в одну секунду, а ваша продолжается. Вам приходится каждый день это вспоминать. Думаю, это сидит у вас в голове, прямо как у меня, и вам ни за что от этого не избавиться.

Разница между нами в том, что Робби был мне сыном. Я всегда буду по нему скорбеть. Но вы, вы не должны страдать всю оставшуюся жизнь. Это было бы несправедливо.

Пип готовилась к тому, что слова безутешной матери станут для нее жестоким ударом, опрокинут ее навзничь, и теперь недоуменно подняла глаза от письма. Куда клонит эта женщина? Она перечитала две последние фразы. В них не было проклятий. Мать не накликала на нее муки ада, хотя Пип ждала именно этого. Она осторожно дочитала письмо.

Моя кровиночка мертва, ему нет возврата. Но ваша жизнь не должна прерваться.

Я знаю, что это был несчастный случай. Робби просто бегал где хотел. Я твердила ему не делать этого, но мальчишки такие, сами знаете. Он считал себя неуязвимым, а меня глупой хлопотливой курицей. Когда мне в дверь позвонила полиция, я уже знала, что произошло. Я почти ждала этого.

Поэтому я просто хочу, чтобы вы знали: я вас не виню. Раньше винила. Даже когда коронер сказал, что это был несчастный случай, и когда полиция ничего не стала делать, я продолжала вас ненавидеть. Иначе не могла. Я была так зла на вас, на полицию, на Робби, но больше всего на саму себя за то, что не уберегла моего мальчика.

Но злость прошла. Знаю, во всем этом нет вашей вины. Робби выбежал на мостовую, и вы ничего не могли поделать. Чудо, что больше никто не пострадал.

Не думаю, что вам есть до всего этого дело, наверное, вы о нас уже позабыли, но я хотела все это вам сказать. Я вас не осуждаю. Вы не виноваты.

Пожалуйста, не отвечайте. Я не хочу. Я просто должна была это сделать для самой себя.

Искренне ваша,

Карен Смит.

Потрясенная Пип отложила письмо. Она ничего не чувствовала, как будто кто-то выдул из ее головы все мысли, стер, как мел с

классной доски. Слова в письме были простыми, она понимала их значение, просто она окаменела. Не находила на них ответа.

Мать мальчика не осуждает ее. Мать убитого ею ребенка понимает, что это был несчастный случай, ужасная, трагическая случайность. Пип знала, что саму себя она продолжит винить до конца жизни, но, возможно, ей будет легче влачить этот груз, зная, что единственный человек, имеющий все основания ее осуждать, простил ее.

Пип вдруг захотелось к маме. Это желание оказалось таким сильным, что она бросилась прочь из своей комнаты с письмом в руке, зовя мать так отчаянно, словно от этого зависела ее жизнь. Мать немедленно выскочила в коридор с расширенными глазами.

– В чем дело, Пип? – взволнованно выпалила она. – Что случилось?

Сбежав по лестнице, она налетела на мать, заставив ту попятиться и с трудом избежать падения. Мать крепко обняла дочь, больше не задавая вопросов. Пип громко разрыдалась у нее на плече. Мать безостановочно гладила ее по голове, как в далеком детстве.

– Она говорит, что я не виновата, – выпалила Пип сквозь слезы. – Авария произошла не по моей вине.

– Конечно, не по твоей, – ласково проговорила мать. – Ты же знаешь.

– Она сама так говорит, – всхлипнула Пип.

– Кто, Пип? Приди в себя, объясни толком.

– Та женщина. Мать. Мать мальчика Робби. Так и говорит. Прислала письмо и в нем говорит...

– Так бы и сказала, – с облегчением произнесла мать, не требуя других объяснений. – Вот и хорошо.

Мать долго обнимала Пип, пока у той не прошла дрожь.

Проект «Уборка» набирал обороты, и Эвелин была очень довольна собой. Дел было еще невпроворот, комнаты, в которых она начала наводить порядок, еще далеки от совершенства, но улучшения сразу бросались в глаза. А еще она придумала, как притормозить свои интернет-покупки, поэтому пока что ей ничего не доставляли. Она скучала по коротким разговорам с доставщиком, но нашла им замену.

Теперь она выходила из дому.

Добредя до магазинчика в конце Хай-стрит, она купила молока и хлеба, вкусный кекс, а еще разговорилась с девушкой на кассе. Ее подмывало похвастаться, что она впервые за много лет вышла из дому и теперь сама покупает себе състное, но все-таки не стала делиться такой объемной информацией, а ограничилась дурацким комментарием на тему погоды, на который девушка ответила не более умно. После этого Эвелин ушла.

Это было потрясающе!

Николас, заглянувший к ней для привычной еженедельной проверки, лишился дара речи.

– Поможешь мне избавиться от всего этого? – спросила она племянника, уставившегося с разинутым ртом на гору черных пластиковых мешков. – Вот это пойдет на благотворительность, а это на выброс. Я бы сама попыталась, но...

– Конечно, конечно. – Он прилежно изображал энтузиазм, но Эвелин увидела, как он помрачнел, поняв, сколько всего придется сделать. – Что тебя на это сподвигло?

– Я долго созревала, – честно ответила Эвелин.

Николас не возражал принять это за чистую монету. Он стал перетаскивать мешки в свою машину. Увозить их пришлось в несколько приемов.

У Пип вошло в привычку заглядывать к Эвелин по вечерам. Они пили какао и болтали про свою жизнь в Лондоне. Пип была на несколько лет моложе, чем была бы сейчас Скарлетт, тем не менее Эвелин трудно было обойтись без сравнений. Если бы Скарлетт осталась жить, то ее общение с матерью могло бы быть таким же: они

бы с удовольствием болтали за кухонным столом, делились мыслями, идеями. С собственной матерью у Эвелин ничего подобного не получилось бы, но ей нравилось думать, что ее Скарлетт не помышляла бы о бегстве так навязчиво, как она.

Эвелин рассказала Пип о «Зиме тревоги нашей», об их с Брендой холодной квартире. Пип описывала случаи из своей юридической практики. Однажды, нахохотавшись до икоты (она поведала об одном неудачном телешоу со своим участием), Эвелин откинулась в кресле и облизнула губы.

– Как вы отлично знаете, Филиппа Роз, ничто уже не мешает вам вернуться к прежней жизни.

Она не хотела этого говорить и, когда эти слова были произнесены, пожалела о них. Общество Пип нравилось ей даже больше, чем она готова была себе сознаться. Но дальше молчать было нельзя: если она считала себя настоящей подругой Пип, то должна была быть честной с ней.

До Пип не сразу дошел смысл услышанного. Увидев ее непонимающий взгляд, Эвелин продолжила:

– Я про Лондон. Пора вам задуматься о возвращении. Знаю, вы любите свою работу и наверняка по ней соскучились. Уверена, коллеги тоже по вам скучают. Вам положено находиться в Лондоне. Чудесно, что вы побыли здесь и сумели преодолеть прежние предрассудки, но пора возвращаться в вашу настоящую жизнь.

Пип долго молчала и, держа обеими руками чашку с какао, смотрела в окно. Близилась середина лета, вечернее небо еще было озарено последними лучами заходящего солнца. Эвелин ждала. Если она чему-то научилась за свои семьдесят лет, то важности терпения.

В конце концов Пип повернулась к ней.

– Не могу, – произнесла она.

Эвелин ничего не сказала, но в воздухе повис очевидный вопрос, задавать его было излишне, Пип сама все объяснит.

– Мне страшно, – сказала та немного погодя.

– Чего вы боитесь?

– Сама не знаю. Всего сразу. Страшно, что не смогу работать, что опять расклеюсь. Страшно, что для меня уже не найдется работы, что моей карьере пришел конец, что я осталась одна, что не будет ни друзей, ни интересных встреч. Я боюсь водить машину, не водить тоже

боюсь. Боюсь не справиться, боюсь, что придется снова сбежать домой. Вряд ли я вынесу все это во второй раз.

– Вы готовы к тому, что все это не позволит вам находиться на своем месте? – спросила Эвелин.

Пип пожала плечами.

– Где оно, мое место? Даже в этом я больше не уверена.

Эвелин вскинула бровь, это было самой выразительной реакцией. Они помолчали, послушали, как перекрикиваются чайки.

– Я всегда считала, что лучший способ есть слона – по кусочкам.

Пип не удержалась от смеха.

– Сколько вы съели слонов?

– Вы удивитесь!

– А как же вы? – спросила Пип. – Скоро ваш дом засияет как новенький. Пора подумать о новом проекте.

– Я нацеливаюсь на местный театр, – удивила сама себя Эвелин. Ее впервые посетила эта мысль. – Им наверняка нужны волонтеры для продажи билетов, работы с публикой, мало ли для чего еще.

– А как насчет выхода на сцену? – подхватила Пип. – Прямо под огни рампы?

Эвелин и этого не исключала, но не хотела забегать вперед, слишком долго в ее жизни ничего этого не было. Она даже не была уверена, что сможет выучить роль.

– Начну-ка я с продажи программ, – сказала она. – А дальше видно будет.

– Замечательная идея! – воодушевилась Пип. – Уверена, они с восторгом прибегнут к услугам профессионала. А я приду на вас посмотреть. Никогда не имела знакомых на сцене!

Эвелин улыбнулась. Вкус к жизни нарастал у Пип с каждой их встречей. Наблюдать это было отдельным удовольствием.

– А еще я хочу разыскать людей из своего прошлого, – добавила Эвелин. – Хотя не знаю, кто еще жив.

– Вы же не старая! – возмутилась Пип. – Если хотите знать, семьдесят – это новая...

– Шестьдесят девять, – поправила ее Эвелин и рассмеялась. – Первым делом хочу узнать, как там старина Тед. Я совсем потеряла его из поля зрения...

Пип открыла рот, чтобы кое-что сообщить, но передумала.

– Вы собираетесь подыскивать квартиру? – поинтересовалась Эвелин.

– Может быть, – ответила Пип уже более уверенно.

– Мне не дано увидеть Скарлетт взрослой, – сказала Эвелин. – Но если бы она оказалась хотя бы отчасти под стать вам, Пип, то я бы очень-очень ею гордилась.

Пип польстились эти слова.

– Ах, Эвелин... Давно уже я ни от кого не слышала таких приятных вещей. Уверена, мы со Скарлетт крепко подружились бы. Не исключаю, что мы с ней успели бы познакомиться.

Эвелин скептически прищурилась.

– Впрочем, не берусь утверждать, – уступила Пип. – Учитывая скорость моего бегства из Саутволда, это сомнительно. Но если бы мы повстречались, то, уверена, поладили бы.

– Я тоже так думаю, – поддакнула Эвелин.

– Мы гордились бы вами, – продолжила Пип. – Любо-дорого смотреть, как вы справляетесь со всем, за что беретесь: наводите порядок дома, занимаетесь театром. Она бы не могла на вас наглядеться.

Потом, простившись с Пип и готовясь ко сну, Эвелин размышляла о Скарлетт. Ей нравилось представлять ее взрослой, матерью собственных детей. До встречи с Пип она позволяла себе думать о Скарлетт только как о трехлетке, дочь застыла для нее в возрасте своего ухода из жизни. Но теперь она лучше представляла, какой могла бы стать Скарлетт, и это открывало для нее совершенно новую главу. Конечно, в этих мыслях к радости примешивалась горечь, но она уже могла открывать и закрывать эту книгу, когда пожелает. За это она благодарила Пип.

Пип сидела за столом в кухне с чашкой крепкого горячего чая, открыв свой ноутбук. Она просматривала предложения о сдаче квартир. Пока что все они либо располагались слишком далеко от центра Лондона, либо были слишком дороги. У нее оставались кое-какие сбережения, но доходы иссякли вместе с уходом с работы. Она надеялась это исправить, но знала, что нет гарантии, что это произойдет быстро, и не хотела влезать в капкан неподъемной арендной платы.

Она все более предметно размышляла о возвращении. Накануне она набралась смелости и позвонила судебному клерку по имени Мэтт, помогавшему ей с самого начала ее карьеры. Она считала, что он к ней равнодушен, недаром приберегал для нее самые лакомые дела и прикрывал ее, когда она допускала ошибки.

– Мэтт, – начала она, услышав на том конце линии его голос, – это я, Пи... Роз.

– Привет, Роз, как ты? – Он так обрадовался ее звонку, что она чуть не расплакалась. – Прошу тебя, скажи, что возвращаешься! Я тут совсем зат... Словом, у меня для тебя куча работы. Молви хоть словечко – и я начну спихивать ее тебе.

Пип слегка опешила. Это было не совсем то, чего она ждала, беря телефон. С другой стороны, ее не забыли, это же чудесно!

– Я еще не уверена, когда это произойдет, – промямлила она. – Надеюсь, достаточно скоро.

– Страшно рад слышать, что ты идешь на поправку, – сказал Мэтт. – Как только будешь готова вернуться, немедленно предупреди меня.

Готова ли она? Еще месяц назад она бы с сомнением покачала головой при мысли о возвращении к прежней жизни. Когда отец повез ее в Лондон забрать вещи из квартиры Доминика, она не смогла сама к ним притронуться и оставила сваленными в чулане. Но пару дней назад, вдохновленная подвигами Эвелин по части наведения порядка, она туда вернулась.

Судя по всему, Доминик оплатил чьи-то услуги. Все ее вещи были упакованы в пластиковые пакеты, обувь и туалетные принадлежности завернуты в бумагу и разложены по коробкам. Разворачивая каждую вещь, Пип поймала себя на рождественском ощущении; не было, правда, предвкушения радости. Раз за разом она ждала прилива грусти, усиления страха будущего. Но нет, беря в руки свидетельства своего прошлого, она всего лишь удивлялась раз за разом, как далеко от него ушла.

Если бы до трагедии ей задали вопрос, какая ее любимая вещь, она бы без колебания ответила: первая ее пара лабутенов. Она до сих пор помнила, как вынимала их из коробки, любовалась, гладила красные подошвы. Но теперь, достав и держа их в руках, она, как Дороти с рубиновыми туфельками в «Стране Оз», видела только красивые, но чудовищно дорогие туфли, ничего больше. На ферме их можно было бы надеть, только когда никто не видит, ведь родителям невдомек, каким смыслом они наполнены. Точно так же отнеслась бы к этим туфлям и Эвелин, она бы не одобрила Роз, придающую столько значения подобным символам статуса. Да и сама она отреагировала бы теперь так же, если бы ее познакомили с некоей Роз...

Одежду она повесила в шкаф – понадобится, когда она вернется на работу; туфли остались в коробках. Ни отчаяния, ни страха она не испытала, только чувство очищения. Вещи есть вещи, да, хорошие, но всего лишь вещи, не наделенные особенным смыслом или важностью.

Зато в полный рост встала проблема квартиры. Те, что предлагались в районах, которым она отдавала предпочтение, не говоря о месте, где она жила с Домиником, были слишком дорогими, жить там одна она не могла себе позволить. Она огорченно вздохнула, и в этот момент в кухню вошла мать.

– Как дела? – спросила мать.

– Лондонские квартиры дороги до неприличия, – посетовала Пип.

Мать замерла.

– Не знала, что ты подумываешь об отъезде, – сказала она, стараясь не выдавать волнения.

– При такой арендной плате я не сдвинусь с места, – отозвалась Пип, делая вид, что не понимает смысл услышанного. – Или придется снимать с кем-то на пару. Нет, искать одновременно подходящую квартиру и соседку – это выше моих сил.

Мать взглянула через ее плечо на квартиру на экране, студию в новостройке в Шордиче, и при виде цены присвистнула. После этого она отошла налить чайник.

– Раньше ты жила поблизости? Прости, я не разбираюсь.

– Да, примерно, – подтвердила Пип.

– Это близко от работы?

– Более-менее, полчаса на метро.

Мать состроила гримасу.

– Разве это удобно?

– Для Лондона даже очень, – заверила ее со смехом Пип.

Мать помолчала, опуская пакетики в заварной чайник.

– Я бы начертила на карте круг из точки, где работа, и отметила все предложения в радиусе сорока пяти минут езды.

Пип обдумала этот вариант. Раньше она думала снова поселиться в Шордиче, все остальное ее не прельщало. Бывало, садясь в такси, она гордо называла адрес; они с Домиником поздравляли друг друга с отменным вкусом. Сейчас, напрягая память, она не могла вспомнить, каково это – испытывать наслаждение по столь пустяковому поводу.

Но мать была права. Зачем ей безвкусная гламурная квартира за умопомрачительные деньги, в окружении людей, не знакомящихся с соседями, когда выбор гораздо шире? Почему не отъехать немного дальше? Так поступали многие, ничего не теряя.

Ну нет, подумала она. Такие, как Доминик и она, как раз относились к людям такого сорта с пренебрежением. Пип поморщилась, вспомнив их высокомерные разговоры в маленькой гостиной, где было бы тесно даже кошке, зато в правильном месте.

Она больше не могла представить себя в этой роли. Это было так давно, практически в другой жизни. Было и сплыло.

Она закрыла поиск в Шордиче и поменяла параметры.

Немного погодя пришло уведомление, сначала не привлекавшее ее внимания. Начав искать Теда, она завела отдельный адрес электронной почты. Оказалось, на нем уже полно входящих сообщений.

Пип приступила к их сортировке. Большинство было от мужчин, не обязательно Тедов, желавших познакомиться. Цель ее объявления далеко не все поняли правильно, и она радовалась, что сообразила воспользоваться другим адресом.

Из примерно двух десятков сообщений она выбрала два, привлечших ее внимание. Одно из двух выглядело многообещающим.

Меня зовут Тед Баннистер, в семидесятых и восьмидесятых годах я водил знакомство с Эвелин Маунткасл. Мы познакомились на свадьбе ее соседки по квартире, но потеряли друг друга после ее переезда в Суффолк.

Пишу не я сам, а мой друг, потому что у меня нет компьютера, но есть мобильный телефон (номер внизу). Прошу при желании позвонить мне для дальнейших подробностей.

Наверняка это он, подумала Пип. Она намеренно сделала свое объявление туманным, но в этом сообщении были детали, совпадавшие с рассказом Эвелин и с тем, что Пип почерпнула из ее дневника.

Она взяла телефон и набрала номер. Два гудка, ответ.

– Добрый день, – произнес голос с отчетливым акцентом кокни.

Пип задохнулась. Все произошло так быстро, что она не успела подготовиться.

– Здравствуйте, мистер Баннистер. Тед?..

– Он самый. Чем могу вам помочь? – радостно прозвучало на том конце.

– Меня зовут Пип Эпплби, вы ответили на мое объявление в насчет Эвелин Маунткасл.

– Да, ответил.

Пип улыбнулась, Тед Баннистер уже ей нравился.

– Не верится, что я вас нашла.

– Нашли, как видите. Ну так что, Эвелин жива?

– Жива-здорова!

– Это большое облегчение, а то я забеспокоился, когда увидел ваше объявление.

– Я познакомилась с ней недавно, и мы подружились. Она рассказала о вас, и я решила попробовать вас разыскать. Она все время о вас говорит. Думаю, она была бы очень рада с вами увидеться. Я мечтаю организовать вам встречу, устроить ей сюрприз. Эвелин по-

прежнему живет в Суффолке. Вы не могли бы приехать сюда? Я бы оплатила вам дорогу, – поспешила добавить она.

Молчание на другом конце линии. У Пип упало сердце. Она все неверно поняла, он не желает видиться с Эвелин. То ли они не были так близки, как воображала Эвелин, то ли время сделало свое дело. Она ждала, укрепляясь во мнении, что Тед придумывает отговорку.

Тот поцыкал зубом.

– Тут такое дело... – начал он.

– Неважно, – перебила его Пип. – Забудьте. Простите, что побеспокоила.

– Попридержите лошадей! – прикрикнул Тед. – Разве я сказал, что не хочу приехать? Дело в моей старушке матери: она слепа как крот, но все еще живет дома, со мной. Я не могу оставить ее одну. Я выхожу за покупками, но о том, чтобы отлучиться в Суффолк, в такую даль, боюсь, не может быть речи. Очень жаль. Я ведь очень хочу снова повидать Эвелин. Она не сможет приехать сюда?

– Не уверена... – начала Пип. – Она только недавно... в общем, до последнего времени она безвылазно сидела дома и только теперь...

– Агорафобия! Так было с одним моим приятелем. Бедняжка Эвелин.

Пип улыбалась, сомневаясь, что сумеет вставить словечко. Тед оказался именно таким, каким его описывала в дневнике Эвелин.

– Не то что агорафобия, просто жизненные невзгоды. Сейчас она приходит в себя, но я не уверена, что ей уже под силу долгая поездка.

Снова молчание, Тед раздумывал.

– В общем, придумайте, как ее сюда доставить, а уж я не подведу, буду на месте как штык. Не верится, что мы с ней так надолго потеряли друг друга из виду... В былые времена мы были не разлей вода. Вы ведь передадите ей от меня самые прочувствованные слова? Ну, мне пора, мама зовет. Приятно было с вами поболтать. Как, говорите, вас зовут? Пип Эпплби, сказочное имя! Ваши родители – остроумные люди. Всего хорошего!

Разговор прервался.

Этот человек – глоток свежего воздуха, подумала Пип. Как раз то, что нужно Эвелин.

Стоя посреди станции «Ливерпуль-стрит», Пип и Эвелин поежились. Лондон обрушился на них всем своим грохотом. Эвелин забыла, что на свете бывают такие толпы. Люди кишели всюду: вываливались из тоннелей и магазинов, исчезали на мостах. На каждом квадратном сантиметре умещалось, казалось, по несколько человек. Неужели Лондон был таким же суматошным местом раньше, при ней? Ей было трудно это вспомнить, но она склонялась к мнению, что да, город не изменился. Просто тогда она привыкла не замечать толп. Сейчас эта людская гуща приводила ее в восторг.

Пип, в отличие от нее, удовольствия не испытывала. Сойдя с поезда, она разом побледнела, по лицу заструился пот, глаза забегали, как у испуганного зверька, не знающего, куда метнуться.

Эвелин решила взять ситуацию под свой контроль.

– Если я правильно помню, – заговорила она с напускной уверенностью, – нам надо пересечь на Северную линию и сойти на станции «Кентиш-Таун». Только помогите мне с билетом, Пип. Тут такие агрессивные турникеты!

Она взяла Пип под руку и повлекла ее в подземный переход. Пип была покорной, как дитя. Эвелин стало не по себе: она не ждала от Пип такой растерянности. Соглашаясь на поездку к Теду, она предполагала, что Пип о ней позаботится. А получалось наоборот.

Но, шагая в толпе пассажиров, Пип вроде бы опомнилась, ее щеки опять порозовели.

– Я забыла! – призналась она. – Как странно! Совсем забыла, каково это.

– Ничего странного, – возразила Эвелин, желая ее подбодрить. – Вас не было здесь целых восемь месяцев, вряд ли зимой найдется местечко спокойнее Суффолка. То ли дело здесь! – Она указала жестом на толпу и угодила рукой в грудь какому-то мужчине. Тот едва удержался от ругательства, Эвелин прыснула.

– Поскорее уйдемте отсюда, нас ждет душка Тед.

По словам Теда, «их» кафе превратилось в фастфуд с жареной курятиной, поэтому они выбрали кафе через дорогу. Пип толкнула

дверь, Эвелин стала разглядывать столики и тут же его увидела. Волосы, когда-то светло-каштановые, совсем поседели, но глаза по-прежнему искрились, улыбка осталась той же. Эвелин беспокоилась, что он ее не узнает, но сразу стало ясно, что беспокойство было напрасным.

– Эвелин Маунткасл, чтоб мне провалиться! – вскричал Тед, вскакивая и широко раскидывая руки, словно благословляя все кафе. Все обернулись на его громкий голос и тут же уткнулись в свои чашки, чтобы не встретиться взглядом со странно ведущим себя субъектом.

– Тед!.. – пролепетала Эвелин. – О, Тед...

Она заторопилась к нему. Они замерли, глядя друг на друга, качая головой и улыбаясь.

– Гляжу на тебя и глазам не верю! – сказала она. – Совсем не изменился.

Тед виновато похлопал себя по животу.

– Вряд ли вот это было в прошлый раз. Но тут уж ничего не поделаешь. Зато ты, Эви, выглядишь шикарно, глаз не оторвать. Сколько мы не виделись? Я попробовал посчитать, получилось очень долго, я бросил считать.

– Лет тридцать пять, – сказала Эвелин.

– Невероятно! – ахнул Тед. – А это, надо думать, мисс Пип Эпплби, – сказал он, повернувшись к Пип.

– Да, это я, здравствуйте. Что вам заказать?

– Чай! – ответили они хором. – С печеньем.

Общение затянулось на четыре часа. Жизнь Теда почти не изменилась. Он по-прежнему жил с матерью, все так же трудился. Эвелин не представляла его пенсионером, он выглядел полным жизни. Но когда она рассказала, как провела эти годы, его улыбка померкла.

– Ох, Эви... – твердил он. – Мне так стыдно! Если бы я только знал! Я бы примчался к тебе. Я думал, ты вышла замуж. Не мог подумать, что ты осталась одна в огромном доме.

– Не брани себя, – сказала она. – Даже не вздумай. Я сама во всем виновата. Но я вернулась к жизни и хочу наверстать упущенное.

– Вы молодец, Пип Эпплби, что ее нашли, – сказал Тед. – Похоже, это вы разделались с ее депрессией.

Эвелин повернулась к Пип с благодарной улыбкой, но та покачала головой.

– На самом деле все наоборот, Тед, – возразила она.

Тед переводил взгляд с одной на другую.

– Вряд ли важно, кто кому помог. Главное, что вы обе теперь полны жизни.

С этим Эвелин было трудно спорить.

21 июня 2019 г., пятница

День летнего солнцестояния. С Новым годом ничего не сравнится, но середина года – тоже неплохая исходная точка: половина месяцев позади, другая половина еще впереди.

Я нашла этот ежедневник на полке уцененных товаров в канцелярской лавке. Ничего такого я не искала, в мыслях не было вернуться к дневнику, но взгляд упал на него. Он немного не такой, как остальные, выше и тоньше, но я решила, что это неважно. Дневник – хорошая вещь во многих отношениях. Сама его форма отражает перемену во мне и в моей жизни. Гляжу на дневники, расставленные на полке в моем прибранном кабинете, и сразу вижу, где кончилась прежняя жизнь и где начинается другая.

Вчера мы с Пип поехали на поезде в Лондон. Поездка на поезде в Лондон – большой шаг вперед по сравнению с прогулками к пирсу, но я отнеслась к этому спокойно и горжусь собой. Хотя, признаться, изрядно нервничала, не столько из-за самой поездки, сколько из-за встречи с Тедом после долгих лет. Услышав от Пип, что она его разыскала, я решила, что эта встреча – не такая уж хорошая идея. Мой давний агент Джулиан говорил: никогда не озирайся, если не собираешься направиться в ту сторону. А я ведь не собираюсь. Я все начинаю сначала. Знаю, что стара, но что такое возраст, всего лишь цифра, ты молода, пока чувствуешь себя молодой, – ну, и прочие клише.

Но в конце концов я решила, что от короткой прогулки со стариной Тедом по Аллее Памяти не будет вреда.

И теперь я рада доложить, что он остался прежним. Постарел, конечно, – кто из нас не постарел? – но очень славно повстречать давнего доброго знакомого, пусть и покрывшегося морщинами. Нашего кафе больше нет, но это не беда. Все вокруг меняется, таково правило жизни. Мы с Тедом пообещали друг другу оставаться на связи. Думаю, так и будет. Я рассказала о своем желании добиться роли в театральной постановке, а он сказал, что перевернет все вверх дном, но придет на меня посмотреть. Пип пообещала то же самое,

но я уверена, что она будет слишком занята, когда опять прыгнет в лондонский водоворот.

Я купила себе айпад. Эвелин Маунткасл входит в двадцать первый век. Николас сказал, что не видит в этом смысла, ведь старый компьютер, который он мне купил, работает отлично. Я ответила, что для того, чтобы общаться с Пип в FaceTime, мне требуется правильное оснащение. Думаю, он тревожится, что я расстранжирю все его наследство.

Простившись с Тедом, мы отправились смотреть новый дом Пип, квартиру на третьем этаже в большом викторианском таунхаусе в Хекни. Это недалеко от Кентиш-Таун-роуд, где мы жили с Брендой, хотя все вокруг так изменилось, что я не понимала, где нахожусь, пока мы не подкатили в такси к самой входной двери.

Мы осматривали квартиру, как вдруг в дверь позвонили. На пороге стояла женщина с лимонным пирогом и растением в горшке. Ее фамилия Саффрон, она акушерка, живет в квартире ниже этажом. Пип обрадовалась, что у нее общительные соседи. Думаю, она там приживется.

Мы вернулись вместе, но в следующий уик-энд Пип переезжает. Я буду сильно по ней скучать, но теперь стану часто наведываться в Лондон, и мы сможем встречаться.

«Как это?» – слышу я ваш вопрос. Я боялась, что вы не спросите. Я обзавелась агентом, это, конечно, не Джулиан. Его я искать не стала, уверена, что он либо отошел от дел, либо уже в могиле. Мой агент – весьма профессиональная молодая женщина по имени Кейт. Она не сомневается, что мне не придется скучать. Возраст – время для характерных ролей, лозунги нового мира – «незаметных женщин не бывает», «возраст не помеха», «седина всем к лицу». На пожилых актрис большой спрос. Не верите – посмотрите на Джуди и на Хелен. А как насчет Имельды, Мэгги, Дайаны, Селии? [\[12\]](#) Честно говоря, список гораздо длиннее. Скоро я поеду в Лондон, фотографироваться для портфолио. Поглядим, что из этого выйдет.

Благодарности

Мне хотелось написать роман о том, как люди оказываются пленниками не только обстоятельств, но и историй, которые они сами сочиняют.

И Пип, и Эвелин отчаянно бегут от жизни, которую считают недостойной для себя, но их затягивают обратно неподконтрольные им события. Мне хотелось представить, каково им приходится, как им удастся выжить, когда все их планы идут прахом.

Создать Пип и Эвелин мне помогли двое людей, которым я чрезвычайно признательна. В бытность солиситором я постоянно имела дело с барристерами, но это было давно, и мне необходимо было узнать о произошедших изменениях. Кирстен Сджоволл из Matrix Chambers, Gray's Inn, Лондон, любезно посвящала мне свое время и отвечала на все вопросы.

Еще меньше я знала о мире Эвелин, пришлось расспрашивать моего доброго друга актера Томаса Фрира, разъяснявшего, как проходят прослушивания и как работают агенты.

Все ошибки и неточности, допущенные при описании обоих этих миров, остаются всецело на моей совести.

Хочу, как всегда, поблагодарить прекрасную команду Amazon Publishing, в особенности моего редактора Викторию Пепе, которая своим спокойствием помогла мне преодолеть кризис доверия. Я признательна также Селин Келли, издателю всех моих книг, всегда направляющую меня в правильную сторону.

Наконец, выражаю благодарность моей семье. Я работала над этой книгой в локдаун в две тысячи двадцатом году, когда мы были заперты дома вшестером, и все были ко мне бесконечно терпеливы. Признаться, мне самой порой не хватало самообладания, но они добродушно терпели это. Потрясающая поддержка родных помогает мне справляться с трудной задачей сочинения книг, моего способа зарабатывать на жизнь, за что я им всем бесконечно благодарна. Спасибо моим замечательным родителям, в особенности маме, она первой меня читает, ей все нравится (мамы – они такие).

Большое спасибо, что решили прочесть мою книгу.

notes

Примечания

1

Приморский город на берегу Северного моря в графстве Суффолк,
Англия.

2

Самый крупный британский производитель одежды и 43-й в списке крупнейших мировых ретейлеров.

3

Английский бренд молодежной одежды, также производящий обувь и аксессуары.

Penguin Books – британское издательство, основанное в 1935 году в Лондоне сэром Алленом Лейном и его братьями Ричардом и Джоном. Главной заслугой издательства считают демократизацию книжного рынка, превратившую книгу из предмета роскоши в удовольствие, доступное массам.

5

Британские актеры, сыгравшие много ролей в телесериалах.

6

Район в Лондоне. Расположен в северо-западной его части. Входит в состав Большого Лондона.

7

Название прославленного романа Джона Стейнбека.

8

Басист панк-рок-группы Sex Pistols.

Группа «новой волны», исполняла поп-рок с элементами кельтского фольклора, одевалась как рабочая молодежь.

10

Английская художница-керамист и дизайнер.

Хоббит из Шира, персонаж произведений Дж. Р. Р. Толкина.

Джуди Денч, Хелен Миррен, Имельда Стонтон, Мэгги Смит, Дайана Ригг, Селия Имри – знаменитые современные британские актрисы преклонных лет.